

interaction ИНТЕРАКЦИЯ

interview ИНТЕРВЬЮ

interpretation
INTER

19' 2019

Федеральный научно-исследовательский
социологический центр Российской
академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

№ 19. Том 11. 2019

Интеракция. Интервью. Интерпретация

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор

Виктория Семенова, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Редакционная коллегия

Елена Рождественская, НИУ ВШЭ, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Ирина Тартаковская, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Анна Стрельникова, НИУ ВШЭ, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Павел Сушко, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Редакционный совет

Розвита Брекнер, Венский университет (Австрия)

Александрина Ваньке, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)

Том Венграф, Мидлсекский университет (Великобритания)

Леокадия Дробижева, Институт социологии ФНИСЦ РАН (Россия)

Кэти Дэвис, Амстердамский университет (Нидерланды)

Лена Иновлоки, Франкфуртский университет (Германия)

Ирина Козина, НИУ ВШЭ (Россия)

Кшиштоф Косела, Варшавский университет (Польша)

Елена Омельченко, НИУ ВШЭ (Россия)

Анна Роткирх, Университет Хельсинки (Финляндия)

Елена Ярская-Смирнова, НИУ ВШЭ (Россия)

Ответственный редактор номера:

Ирина Тартаковская, Институт социологии ФНИСЦ РАН

Коллаж на обложке: автор Джейсон Энтони,

источник http://www.newdesignfile.com/post_aerial-people-for-photoshop_101907/

Журнал рецензируемый

Индексируется РИНЦ

Адрес редакции:

117218, г. Москва,

ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, каб. 513

Тел.: (499) 128-86-18

e-mail: inter.fnisc@gmail.com

ISSN 2307-2075

DOI: 10.19181/inter.2019.19

Содержание

Письмо редакторов	5
Теоретические дискурсы и дискуссии	7
<i>Светлана Ярошенко</i> О перспективах развития российской социологии в XXI веке (дискуссия с участием В. Ильина, К. Клеман, И. Олимпиевой, Е. Здравомысловой, А. Темкиной, А. Кондакова, М. Буравого, 24 марта 2015 г.)	7
Полевые исследования	19
<i>Лариса Шпаковская, Жанна Чернова, Эльвира Гарифулина</i> «В тот день, когда мы впервые встретились...»: барьеры и ресурсы успешного перехода к взрослости воспитанников приемных семей	19
<i>Мария Кузь, Валерия Черноскутова</i> Вегетарианская диета: потребление в контексте аскетизма	38
<i>Галина Карпова, Анастасия Убогова, Анна Федосеева</i> Социальная незащищенность фрилансеров: объективное положение и субъективное восприятие	62
Эссе	81
<i>Iuliia Eremenko</i> The Label of a City as an Element of the Knowledge Economy: The Case of the “City of Science”, Darmstadt	81
Рецензии	95
<i>Павел Сушко</i> Социальные неравенства: старые формы — новые воплощения?	95
Авторы номера	107

Contents

Editors's letter	5
Theoretical discourses and discussions	7
<i>Svetlana Yaroshenko</i> Prospects for the Development of Sociology in Russia in the XXIst century (discussion with V. Ilyin, K. Clement, I. Olimpieva, E. Zdravomyslova, A. Temkina, A. Kondakov, M. Burawoy, March 24, 2015).....	7
Field research	19
<i>Larisa Shpakovskaya, Zhanna Chernova, Elvira Garifulina</i> “In that day when we met for the first time”: barriers and resources of successful transition of foster-children to adulthood	19
<i>Maria Kuz, Valeria Chernoskutova</i> Vegetarian Diet: Consumption in the Context of Asceticism	38
<i>Galina Karpova, Anastasia Ubogova, Anna Fedoseeva</i> Social insecurity of freelancers: objective position and subjective perception	62
Essay	81
<i>Iuliia Eremenko</i> The Label of a City as an Element of the Knowledge Economy: The Case of the “City of Science”, Darmstadt	81
Reviews	95
<i>Pavel Sushko</i> Social inequality: old form — new incarnation?.....	95
About the authors	107

Письмо редакторов

Современные социальные исследования все больше рефлексиируют по поводу своей роли в общественных процессах — возможно ли оставаться в рамках чисто академической дискуссии в современном мире, раздираемом политическими противоречиями и неравенством? Являются ли действительно университет и академия «свободным от политики пространством», как утверждают некоторые наши коллеги?

Этой теме посвящена дискуссия, открывающая новый номер «Интера», — состоявшаяся несколько лет назад, она, удивительным образом, стала только более актуальной. Возможна ли социология, откровенно выступающая с позиций интересов отдельных социальных групп — например, рабочего класса? Сохранит ли она в этом случае свою «научность», свою экспертизу, свою объясняющую силу? О месте социологов — ученых и граждан — в общественных процессах беседует группа авторитетных представителей нашей профессии, работающих в ведущих научных университетах Санкт-Петербурга, а подводит итог этой дискуссии Майкл Буровой, профессор Беркли и культовая фигура в современных социальных науках, автор ключевого для этой дискуссии понятия «публичная социология».

Еще одна важная тема, которой всегда уделял большое внимание наш журнал, — это способы формирования разнообразных идентичностей, определяющих самосознание и поведение индивида, строящего свою биографию в «текучей современности», под воздействием все более сложных конфигураций социальных институтов. В статье Ж. Черновой, Л. Шпаковской и Э. Гарифулиной в роли субъектов, создающих и нарративизирующих свои биографии, выступают усыновленные дети, описывающие свою жизнь в приемных семьях. Этот не совсем обычный ракурс позволяет увидеть семью новыми глазами, глазами ребенка, изначально семьи лишенного, и убедиться в том, что семья не только обеспечивает младшее поколение теплом и заботой, но и снабжает его представителей важным ресурсом «нормализации», способности на равных встраиваться в более широкий социальный мир, не чувствуя себя в нем неполноценным субъектом.

Традицией «Интера» является также предоставление площадки молодым исследователям, и этот номер не будет исключением. Аспиранты и выпускники рассказывают на его страницах о своих уже вполне зрелых исследованиях, также посвященных различным аспектам современных идентичностей и их сложным взаимоотношениям. Так, в статье М. Кузь и В. Черноскутовой описываются своеобразные «карьеры вегетарианцев», развивающиеся в направлении все более аскетичных и изощренных стилей питания и становящиеся постепенно все более важной стороной жизни. Авторы уделяют особое внимание «ритуалам перехода», с помощью которых приверженцы специализированных диет вслед за сменой питания каждый

раз выстраивают свои новые правила жизни и круги общения, отрицая потребительские ценности и одновременно становясь заложниками новых способов потребления.

Г. Карпова, А. Убогова и А. Федосеева предметом своего исследования выбрали социальную группу специалистов-фрилансеров, все более заметную на современном рынке труда. Их исследовательский вопрос состоит в том, можно ли считать фрилансеров наиболее квалифицированной частью прекариата, подверженной такой же социальной незащищенности и нестабильности, как и остальные его представители? В статье показывается, что картина гораздо более сложная: некоторые аспекты незащищенности компенсируются преимуществами, которые видят работники в таком способе организации своей занятости, другие осознаются ими остро и негативно; в целом же оценить уровень социальных рисков фрилансеров можно только с помощью построения сложной, многофакторной шкалы признаков.

В статье Ю. Ерёменко рефлексия по поводу формирования идентичности переносится с индивидуального на локальный уровень. Что такое «городская идентичность»? Какими средствами конструируется образ «наукограда» как идеального места не только для жизни, но и для профессионального развития? В данном случае в фокусе исследования оказался немецкий город Дармштадт, создающий свой имидж средствами специфического урбанистического маркетинга.

Завершает номер рецензия П. Сушко на очень актуальную и влиятельную книгу «Неравенство в XXI веке», изданную под редакцией Д. Груски и Ж. Хилл — фундаментальный труд, в котором анализируется генезис всех видов социального неравенства и возможных способов их преодоления.

Интересного чтения!

И. Тартаковская,
ответственный редактор номера

Теоретические дискурсы и дискуссии

О перспективах развития российской социологии в XXI веке (дискуссия с участием В. Ильина, К. Клеман, И. Олимпиевой, Е. Здравомысловой, А. Темкиной, А. Кондакова, М. Буравого, 24 марта 2015 г.)

DOI: 10.19181/inter.2019.19.1

Светлана Ярошенко*

Цель дискуссии — обсудить перспективы развития российской социологии: ее возможности объяснять происходящее в российском обществе, отвечать на социальные вызовы и представлять интересы тех социальных слоев, которые вытесняются на периферию вместе с глобальным рыночным развитием. В дискуссии участвуют российские социологи, изучающие социальное неравенство с разных перспектив и развивающие критический дискурс в российской социологии. Может ли социология быть независимой от общества и происходящих в нем процессов? Какие отношения складываются между социологами и обществом сегодня? Каковы перспективы социологии как науки, как профессии и как призвания? Каковы особенности социального заказа на социологические исследования и как на него влияет коммерческая конъюнктура? Насколько актуален для современной социальной теории классовый подход? Нужна ли сегодняшней России публичная социология и какой она должна быть? Какие измерения социального неравенства наиболее актуальны? Эти и другие вопросы были обсуждены в ходе дискуссии.

Ключевые слова: публичная социология; неравенство; классовый подход; производство социологического знания; рабочий класс; социальные проблемы

Цель панельной дискуссии — обсудить перспективы развития российской социологии: ее возможности объяснять происходящее в российском

* Ярошенко Светлана — кандидат социологических наук, доцент кафедры сравнительной социологии Санкт-Петербургского государственного университета, svetayaroshenko@gmail.com

Модератор дискуссии — Светлана Ярошенко. Участники дискуссии: Владимир Ильин, профессор СПбГУ; Карин Клеман, доцент СПбГУ; Ирина Олимпиева, научный сотрудник ЦНСИ; Елена Здравомылова, профессор ЕУ СПб; Анна Темкина, профессор ЕУ СПб; Александр Кондаков, ассистент профессора ЕУ СПб; Майкл Буравой, профессор Калифорнийского университета (Беркли).

обществе, отвечать на социальные вызовы и представлять интересы тех социальных слоев, которые вытесняются на периферию вместе с глобальным рыночным развитием.

Светлана Ярошенко, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. Первоначально для панельной дискуссии о перспективах социологии в целом и российской социологии в частности предлагался вопрос о том, возможна ли социология для рабочего класса сегодня. При этом я исходила из двух моментов. Во-первых, из идеи публичной социологии, которая ориентирована на неакадемическую социологию и предполагает обсуждение целей и задач, стоящих перед социологами в этой связи. Во-вторых, из результатов исследований, которые я вместе с коллегами из Коми научного центра проводила на протяжении последних двух десятилетий в Республике Коми (северном регионе Российской Федерации). Согласно нашим исследованиям, именно рабочие промышленности первыми испытали негативные последствия рыночного реформирования. Постепенно в эти процессы вовлекались другие социальные слои, в том числе профессионалы и социальные ученые. Более того, в настоящее время проходит реорганизация системы образования и университетов, усиливается конкуренция внутри сообщества, растет привлекательность индивидуальных стратегий и усиливается невидимость проблем, с которыми сталкиваются вытесняемые на периферию... Однако моя идея вызвала довольно острую критику на Правлении Санкт-Петербургской социологической ассоциации. Мне сказали, что это невозможно — по крайней мере, следует говорить о трудящихся, и даже этого недостаточно. Тем не менее я сочла нужным заострить этот момент, вынести его на обсуждение. Я согласилась на расширение вопроса, признав, что социологам важна кооперация и сохранение сообщества и шире — общества. Исходила также из того, что труд сейчас не является однозначным понятием: если раньше труд связывался с физическими усилиями, то сегодня к нему относятся забота, уход, эмоциональная работа и производство знания. В настоящее время не только знания превращаются в товар, но и другие значимые для нас ценности. Наконец, я согласилась на расширение фокуса, поскольку ощущаю негативное отношение к рабочему классу и знаю, что дискуссия о рабочем классе в научных изданиях не развивается. Более того, существует критика в целом в социологии относительно полезности категории «класс». И все же считаю, что имеет смысл обсудить, что нам, социологам, дает подобное расширение и переход от рабочего класса к трудящимся классам. С этим связаны и другие дополнительные вопросы. Позволяет ли подобное расширение объяснять, что происходит в российском обществе? Может ли одна публика или одно сообщество представлять все общество? Может ли вообще академическое сообщество представлять интересы других? Позволяет ли концентрация на собственных интересах и сложностях, с которыми сейчас сталкиваются социологи в свете текущей реформы системы образования и науки, глубже понять проблемы других, которые оказались на периферии раньше нас?

Владимир Ильин, профессор Санкт-Петербургского государственного университета. Я думаю, что тема, которая сегодня поставлена на обсуждение, является продолжением той проблематики, которую сегодня обсуждал Майкл Буравой: о соотношении социологии и ценностей. Тут два важных момента, которые стоит обсудить. Первый — это социология для себя или социология для кого-то. Социология для себя — это наука ради науки, литература для литературы, искусство для искусства. И если мы реалистично посмотрим на социологию как на профессию, то увидим, что профессия предполагает продажу услуг. А если продажа услуг, то кому? В качестве покупателя выступают: государство, фирмы, министерство, университет, грантодатели. И как только тыходишь в поле социологии, где зарабатывают деньги, ты становишься вынужден слушать тех, от кого зависит твое существование и у кого существует своя точка зрения. В одних случаях это жесткое навязывание, а в других — мягкое. Мягкое проявляется в том, что если ты подаешь заявку на грант, то есть темы проходные и непроходные. Поэтому быть социологом-профессионалом и не зависеть от чьих-то групповых интересов — невозможно. Но в то же время есть социальные группы, *группы интересов*, которые не в состоянии оплачивать услуги социологов. Это те же рабочие, разного рода меньшинства, тот же андеркласс и так далее. И здесь перед социологом возникает дилемма: либо профессионально работать на тех, кто имеет деньги, либо в качестве волонтера обслуживать интересы разного рода меньшинств, представлять те группы, которые находятся под прессингом общества, под прессингом государства. Иными словами, социология возможна разная: для рабочего класса, для менеджмента, для буржуазии, — но здесь важно, чтобы социолог понимал, где он выполняет работу в качестве независимого ученого, а где он выполняет чей-то заказ.

Второй сюжет касается структуры социологии. И здесь следует выделить два блока. Первый блок касается теоретической социологии, стремящейся освободиться от чьих-либо ценностей и производить объективное знание. Другой блок — это прикладная социология, ориентированная на решение практических проблем. Для социолога это социальные проблемы. Два разных фокуса и две разных логики. В таком случае необходимо четко понимать, когда социолог переходит из одного блока в другой: где он теоретик и создает теорию, а где — практик, решающий конкретные проблемы, будь то рабочих или кого-то еще. Поэтому чувство границ, где социолог переходит из одного качества в другое, на мой взгляд, невероятно важно. Таким образом, есть социология для социологии — это один блок. А с другой стороны — социология для кого-то, социология как профессия и как услуга. И социолог должен чувствовать, как эти два противоречия, эти два взаимоисключающих основания можно примирить.

Карин Клеман, доцент Санкт-Петербургского государственного университета. Я немножко по-другому рассматриваю проблему. Начну с вопроса о том, нуждается ли сегодня Россия в публичной социологии.

На мой взгляд, нуждается. И это не значит, что мы должны обслуживать кого-то, какой-то класс. Это значит, что у нас — социологов / социальных ученых — есть потенциально огромная роль: повлиять на общественную дискуссию, на то, как люди себе представляют, в каком обществе они сегодня живут. С одной стороны, пока преобладает консервативная и провластная идеология. С другой стороны, в качестве альтернативы представлены либо националистические, либо пролиберальные рассуждения. А где здесь «трудящиеся массы», где «большинство», которое подвергается эксплуатации, которое подвергается отчуждению? Где те две трети населения, которые не могут высказаться, которые не слышимы или которые, еще хуже, представляют свое положение как «естественное»? Они бедные, они эксплуатируемые — это само собой. Они — неудачники, потому что не вписываются в рыночную систему. Поэтому я вижу огромное поле для социологической работы, в том числе для профессиональных социологических исследований: не надо быть ангажированным, надо просто смотреть, где эти люди живут и что они делают. А пока что доминирует в социологии какое представление об обществе? Что общество пассивно, патерналистски настроено, люди аполитичны и сервильны. За двумя исключениями, когда социологи обратили внимание на социальные движения в двух случаях: во время перестройки и в период недавнего массового выступления за честные выборы 2011–2012 годов... которые происходили в основном в Питере и Москве... А где все остальные? Они же существуют — все эти социальные низовые, локально-организованные инициативы: почему мы так мало их изучаем? Ведь они есть. Вы можете приехать в любой город, и вы их найдете. Это не значит, что у нас есть миссия, что мы должны быть ангажированы. Но это значит, что изучение этих инициатив дает огромное знание, важное для всего общества, а не только для этих инициатив. Речь идет о потенциале самоорганизации людей, живущих в самых худших условиях, которые подвергаются исключительной эксплуатации и, тем не менее, находят возможность активизации и даже политизации. Более того, возникают ситуации, когда между такими инициативами создаются мосты, появляются коалиции, и они, начиная с очень узких проблем, выходят на более широкий уровень солидарного и даже политического действия. А это процесс обобщения, активизации, политизации. Разве нам это неинтересно? Поэтому я бы призвала социологов больше ездить в регионы, больше общаться с простыми людьми. У меня такое ощущение от постсоветской социологии, что социологи не хотят общаться с людьми. Ну, ладно, если люди еще москвичи или питерцы: образованные, просвещенные, — тогда еще ладно. А вот это «быдло» — зачем его изучать?

Я так говорю, потому что многие так пишут. Я сама так не считаю и не разделяю такой взгляд. Поэтому я призываю больше общаться, а также поднимать, изучать и озвучивать проблемы, связанные с социальным неравенством. Я поражена, насколько люди себя не ощущают эксплуатируемыми. Они зарабатывают копейки, считая это «естественным», что это их цена, это

рыночная логика. И если читать то, что пишут в основном социологи — есть исключение, и все больше и больше, — то пишут о каком-то абстрактном социальном неравенстве, которое встречается, но словно на Луне или в каком-то другом пространстве, но не в реальной жизни. И даже те, кто живут так бедно, подвергаются эксплуатации, даже они не поднимают вопросов о социальном неравенстве. Поэтому я вижу нашу задачу (или, по крайней мере, свою задачу) в том, чтобы помочь им сформулировать проблему, с которой они сталкиваются.

Ирина Олимпиева, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований. Я, честно говоря, представляла себе задачу несколько уже, полагая, что мы будем говорить именно о трудовых отношениях, о трудящемся классе. Поэтому в своем кратком выступлении я затрону не вопросы социологии вообще, а конкретной предметной области социологии. Действительно, когда мы на заседании СПАС обсуждали тему дискуссии «Возможна ли социология для трудящихся классов?», то первая реакция была отрицательная. Потому что непонятно, что такое социология класса, кто такие трудящиеся классы. Но затем, поразмыслив сутки, как говорят, переслав с этой мыслью, я попыталась понять, что же вкладывается в это понятие — «социология для трудящихся классов», пришла к выводу, что речь идет о представлении интересов людей труда. И так, как Светлана говорила: через призму других отношений — гендерных, этнических, миграционных. Это сочетание людей труда, включенных в экономику, а с другой стороны — комплекс социальных проблем. Есть такая дисциплина: индустриальная социология. Она ровно об этом, поскольку ее предметом являются индустриальные отношения, отношения между работником и работодателем. И не на индивидуальном уровне, а на уровне коллективных интересов, на уровне взаимоотношений труда и капитала, а также и государства. Она почему-то выпадает, когда говорим о противостоянии между трудом и капиталом. Я думаю, это неправильно. На самом деле индустриальная социология прекрасно моделирует взаимодействие труда, капитала и государства в разных странах, исходя из конкретики, из специфики тех или иных стран, экономик и обществ, всех этих аспектов. Сочетание / название «индустриальная социология», подобно «рабочему классу», звучит несколько архаично. И это не удивительно, поскольку она формировалась в середине прошлого века, переживая серьезный взлет в Европе и Америке, продолжает существовать сейчас, хотя и не столь победно шествуя по социологическому миру. Но если мы посмотрим на спектр проблем, которые освещаются индустриальными социологами, то там выпадают и гендерные проблемы, и этнические проблемы, и проблемы миграции, — все те проблемы, которые можно рассматривать через призму занятости и призму наемного труда. Я хочу сказать, что поскольку у нас такая догоняющая модель капитализма, то, возможно, нам тоже пора серьезно развивать индустриальную социологию. Потому что, по сути дела, в России индустриальной социологии нет. Есть социология труда, которая фокусируется на процессе труда и на отношениях между рабочими и работодателями, но больше

на индивидуальном уровне. У нас есть социология общественных движений, но она больше обращает внимание на конфликты, а не на взаимодействие интересов этих трех сторон, которые бы способствовали развитию оптимальной модели, такого серьезного теоретического и эмпирического анализа проблем нет. А это очень важная область, которая выпадает из современной российской социологии.

Другой важный момент, который я хотела бы отметить, вновь обращаясь к дискуссии по поводу «социологии для трудящихся классов». В первую очередь вызывает протест момент ангажированности такой социологии, ее фокус на защите интересов людей труда или трудящихся классов. С этой точки зрения индустриальная социология прошлого века также была ангажирована и сейчас постепенно меняется, преодолевает в себе это качество. И поскольку профсоюзы обладали монополией представления коллективных интересов труда, то возникало ощущение, что такая социология занимается профсоюзами. Во-первых, это не так. Во-вторых, сейчас в индустриальной социологии появляется много интересных исследований об интересах капитала, государства и т.д. Я хочу сказать, что социология не должна представлять чьи-то интересы, а должна изучать интересы. Мы знаем, что любые перекосы в представлении интересов труда, капитала и государства приводят к очень негативным последствиям для экономики и общества. Причем не только в сторону капитала, но и в сторону труда, когда излишняя сила и власть находятся на стороне труда, то из этого тоже ничего хорошего не происходит, чему нас, собственно, научил опыт глобализации. Этому много примеров. Что касается защиты интересов, то опыт наших исследований предпринимательства показал, что защищать надо также и бизнес — не меньше, чем людей труда. Потому что предприниматели и капитал являются движущей силой развития экономики. Я не имею в виду олигархов и людей, которые обогащаются на каких-то вещах. Но и нормальные, так сказать, предприниматели оказываются незащищенными. И я хочу закончить на том вопросе, с которого начала Карин свое выступление: кому нужна такая социология? К сожалению, мы занимаемся такими исследованиями на протяжении последних лет. И если в начале у нас было одно-единственное исследование, финансируемое за счет российского гранта, то больше получить какое-то финансирование на изучение рабочего класса, трудовых отношений, профсоюзов мы не смогли. Поэтому у нас фактически получается сейчас «социология как призвание», потому что мы продолжаем такие исследования исходя из собственного научного интереса. Мы общаемся с профсоюзами, с независимыми и классическими профсоюзами, исследование продолжается, но институционального запроса на такую социологию и такие исследования, к сожалению, нет.

Елена Здравомыслова, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Я продолжаю эстафету и хочу развить тему о том, что лучше, наверное, говорить о социологии здесь и сейчас, то есть о том, что происходит с социологией в нашем российском обществе. Потому что вся повестка дня: публичная социология или социология как призвание, — она очень контекстуальна. Я об этом сужу по своему опыту, потому что

я социолог во втором поколении. И я хочу сказать о нескольких вещах, которые меня волнуют. Конечно, это не полный список того, что меня волнует как человека, который посвятил этой профессии всю свою жизнь. И я сейчас говорю о том, что меня волнует не в порядке приоритетов, а достаточно хаотично. Во-первых, меня волнует социологическая попса. И этот термин придумала не я, а этим термином пользовался наш коллега Павел Романов, недавно ушедший из жизни. Он даже предпринимал попытку организовать круг исследований, посвященных вульгаризации социологии в СМИ, в общественном мнении. Тому, как она видится нашими согражданами и как представляется. Это очень важно, потому что в этом смысле социология становится публичной. Какие бы ни были у нас привязанности, мы производим социологическое знание, оно становится общим только тогда, когда становится объектом коллективного обсуждения. И вот мы видим, как мое любимое, вернее, уже не очень любимое, но единственное радио, которые я слушаю — «Эхо Москвы», мы видим, как они там проводят опросы в программе «Разворот», например. И это ужасно. Мы видим, как там преподносятся результаты массовых опросов. Конечно, эти массовые опросы являются инструментом политического воздействия в конкретных ситуациях, потому что они используются политиками, используются актерами и они могут интерпретироваться как угодно, а инструментов мы не видим. И мы, социологи, знаем, как пользоваться такими инструментами: для чего-то они годятся, но не для того, для чего они используются. И то, как видится социология нашим гражданам — это такая социология, с которой я не хочу, чтобы меня идентифицировали. А другие исследования, более интересные, оказываются на периферии внимания. И я думаю, что надо поработать с тем, что такое социологическая попса и вульгаризация социологии, какие формы она принимает здесь и сейчас, в конкретном контексте.

Второй тезис связан с тем, что существует политизация социологии, что в принципе в нашем обществе больше, чем во многих других, развитие социологии и производство социологического знания, может, в меньшей степени, чем образование, очень зависят от политического режима. Это сказывается на выборе тем. Это связано и с контролем над производством знания в разных формах, и с тем, что появляются барьеры для международного сотрудничества, появляются наши собственные опасения, у нас появляются профессиональные страхи, связанные с конкретными политическими контекстами, нашим рабочим местом, нашими исследовательскими проектами, нашим профессиональным будущим. Надо отдавать себе отчет в том, что политический режим и производство социологического знания очень сильно связаны. Это второй такой тезис. Я думаю, что это требует внимательного изучения. Думаю, что в Европейском университете мы это будем обсуждать на ежегодной конференции с участием молодых исследователей.

Еще мне представляется, что методологически социологи, я в том числе, очень наивные люди. Возможно, эта наивность эвристична. Но мы должны немножко понимать, что надо рефлексировать, все-таки дистанцироваться от этой наивности. Есть наивный взгляд беспристрастного социолога

и вера в то, что мы, интеллектуалы, поднимаемся над реальностью, смотрим сверху и выдаем объективную истину. Ведь у нас большинство социологов и в целом профессионалов до сих пор так и считают, что мы в состоянии произвести неангажированное знание, потому что мы профессионалы. Но этот взгляд наивен. Феминистская теория это доказала, и политическая философия это доказала. Но есть не менее наивный взгляд, такой глубоко ангажированный, согласно которому почему-то считается, что, будучи исследователем, можно напрямую представить взгляд угнетенных или угнетателей. Это невозможно, потому что мы лишь трансляторы, интерпретаторы, потому что прямой передачи не существует. И у нас есть такие наивные люди. И хорошо, что есть. Поле должно наполняться разными моделями и представлениями, разными наивностями. И третья наивность — это наивность социологов-идеологов, которые считают, что роль социологии — это воспитание моральное, формирование национальной идеологии. У нас, я имею в виду в России, есть такая Ассоциация, которая в уставе своем так и заявляет. Это искренняя вера, которую эти идеологи унаследовали от предшествующего этапа развития страны, в которой мы живем. Но что делать с этими тремя наивностями? Это наша повестка дня — мы с ними имеем дело. Наверное, надо по этому поводу определяться каждому из нас. Я не уверена, что это можно сделать групповым образом. Но определяться приходится. Я, например, определяю себя скорее наивно ангажированной, чем другой. И напоследок я хочу напомнить, чтобы мы не забывали наших коллег, которые ушли от нас. Мы же забываем очень быстро. Может, вы помните Геннадия Батыгина, основателя «Социологического журнала». Он очень много тратил сил на анализ советской социологии, собирал материалы. Он развивал идею, что она идеологична даже когда критична, имея в виду встроенность в государственный проект, что наша проблема — освобождение от этого. Но он привел такую замечательную метафору, что социологи, как и собаки, делятся на охотничьих, декоративных и служебных. Конечно, это шутка. Но в каждой шутке есть доля истины. И что такое тогда «охотничьи»? Это настоящие исследователи. А служебные — это сторожевые псы режима. Извините меня за собачьи метафоры. И третьи — декоративные, живущие в башнях из слоновой кости.

Анна Темкина, профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге. Я хочу порассуждать о публичной социологии на примере гендерных исследований. У меня четыре тезиса на эту тему. Первый тезис — признательность Майклу за высокую оценку того, что мы вместе с Еленой Здравомысловой делали в сфере гендерных исследований, развивая публичную социологию. Но я бы сказала, что если это не преувеличение, то преждевременное утверждение. И зависит от того, на каких уровнях рассматривать публичную социологию. Если говорить об уровне общества, то публичная социология развивается и дает плоды в связи с гендерными отношениями в тех обществах, где происходит гендерная революция. В нашем обществе происходит гендерная контрреволюция и развивается консервативный дискурс, который удивительным образом становится все

более и более гендерно информированным. Сейчас уже умеют использовать категории гендерных исследований, и я не уверена, что это хороший «вклад» публичной социологии, которая донесла до тех рядов, что есть такое ужасное конструирование гендера, изменившее гендерные роли и патриархальную семью. Этот эффект заметен. Второй уровень, к которому я отнеслась бы с большим оптимизмом — это уровень условной социальной нормативности и создание в нашем современном обществе огромного количества разных социальных ниш, напоминающих «второе общество», существующее в параллельной реальности, которое развивается во всяких культурных проектах, социальных проектах, театральных проектах. Много всего, такого живого, новейшего, экспериментирующего, иногда политизированного или менее политизированного. Конечно, в этом много всяких феминистских инициатив и гендерных исследований. Они есть в университетах, они есть в социальных сетях, они есть на фестивалях, на выставках. Этого всего много, хотя и связано мягкой такой сетью. И тут, конечно, публичная социология, если так ее можно назвать, хоть и хочется назвать ее как-то иначе, но она на эти социальности влияет довольно сильно. И тут как-то, кто этим занимается в академии, может и не напрямую, но с ней связаны. Социолог в этих сетях занимает определенное место. Если говорить о третьем — академическом уровне, то здесь есть очень большой вклад в то, что опосредованно влияет на некий аналог публичной социологии. Потому что есть развитие и теории, и методологии, и методов исследования, есть аналитический вклад в науку и признание исследователя в том, какие вопросы выносятся на повестку дня и обсуждаются. И здесь есть исследования разных уязвимых групп, необязательно трудящихся, поскольку есть большее количество разных уязвимых групп. Мы сейчас активно используем и продвигает термин *intersectionality* (интерсекциональность, уже стали говорить на русском языке), который говорит о всяких неравенствах на пересечении этничности, сексуальности, гендера, возраста, класса. И дальше тут много что можно добавить к обнаружению этих уязвимостей в особом положении, в особом локальном контексте. Тут есть теория Патрисии Коллинз, которая позволяет нам все это объединить, включая позиционирование исследователя и исследуемых, а также рефлексии по поводу взаимоотношений между ними в процессе исследования. Это общий феминистский посыл. А с другой стороны, в нашем контексте исследовательские тематики уязвимых групп делают и социолога уязвимым. Допустим, при изучении проблем насилия в семье тут же в обществе находятся некие ресурсные группы, которые настаивают на том, что нет никакого насилия в семье и быть не может, здесь обсуждать нечего, поскольку это только разрушает семью. И по большому количеству тематических разных направлений, которые делают социолога, исследующего эти направления, тоже уязвимым. И, наконец, самое последнее, что я хочу сказать, что в таком смысле определяя публичную социологию, связанную с определенными направлениями социальной мысли, они делают уязвимым социолога не только во взаимодействии с определенными сегментами политического истеблишмента, но и делают его маргинальным

в социологическом сообществе. Потому что социологическое сообщество так или иначе выносит такие исследования на периферию. Получается много направлений развития, все в среднем сопротивляется, кроме этой вот социальности, но такая позиция довольно трудная, уязвимая.

Александр Кондаков, ассистент профессора Европейского университета в Санкт-Петербурге. Я думаю, что от меня никто не ожидает, что я буду говорить о том, какая социология нужна, какая социология существует и должна быть. Поэтому я расскажу о своей позиции, которую я занимаю в социологии. И таким образом через свою позицию постараюсь показать, что социология рабочего класса, как минимум, возможна, если хотя бы один человек этим занимается. Только для этого мне понадобится переопределить рабочий класс. Наверное, переопределить этот рабочий класс мне придется в терминах того, что Майкл Буравой назвал радикальной социологией. Поскольку для меня рабочий класс в тех исследованиях, что я занимаюсь, это социальная позиция, которая характеризуется уязвимым положением, что сегодня уже принято называть прекарностью. И эта теория мне представляется заимствованной из американской социологии 1970-х гг., потому что там тогда категории гендера, сексуальности и расы были определены как классовые. Вот это тот подход, который для меня актуален в моих исследованиях. Соответственно, методологическая перспектива, с которой я подхожу к таким исследованиям — критическая. В критических исследованиях права и общества я фокусируюсь на отношениях государства и гражданина, учитывая и другие возможные факторы влияния, например, рынок. И к числу исследований, которые нуждаются в переопределении класса, можно отнести исследования геев и лесбиянок, которые я проводил и провожу. И политические тактики, и регулирование сексуальности, и сопротивление регулирующим порядкам меня особенно интересуют с критических позиций. В этом процессе обращает на себя внимание широкое пространство регулирующих порядков: государственное право, режим прав человека, насилие, в том числе государственное, рынок и инертные версии регулирующих порядков типа духовности. С критических позиций я уделяю особое внимание власти, которая скрывается за этими порядками. В результате я не пытаюсь обнаружить социальные проблемы, а обращаюсь к положению человека, лишённого голоса, с тем чтобы этот голос предоставить. Но здесь моя позиция двоякая, поскольку в стремлении предоставить голос угнетенным я этот голос и апроприрую. Избежать этого можно методически, только показав полифонию этих голосов. При этом я солидаризируюсь здесь с радикальными социологами в признании необходимости социальных изменений. Последнее, что хотелось бы отметить — это институциональные рамки российской социологии. Безусловно, публичных площадок для представления результатов таких исследований практически нет. Например, журналы на русском языке чаще всего маркируют такие исследования как ангажированные, соответственно, ненаучные и недостойные публикации.

Майкл Буравой, профессор Калифорнийского университета (Беркли). Для меня это обсуждение как работа в поле. Очень интересно.

При ответе на вопрос о том, возможна ли социология для рабочего класса, в ряде случаев прозвучали сомнения относительно того, что значит «рабочий класс» сегодня. Но ответ, тем не менее: да, возможна. В Бразилии в 1990-х гг. была социология для рабочего класса. В Южной Африке в 1980-х гг. также была социология для рабочего класса. В Англии и США в 1970-х гг. очевидно была социология для рабочего класса. Были тесные отношения между социологами и рабочими, социальными движениями, профсоюзами: отношения в различных формах. Иными словами, социология для рабочего класса была возможна. Но вопрос в том, возможна ли она теперь. И, конечно, серьезный вопрос в том, что представляет рабочий класс сегодня. Для Бурдьё, которого сегодня на удивление никто не упомянул, это был бы вопрос о том, является ли рабочий класс активным агентом. Для российских социологов чаще это разговор не о пролетариате, а о прекариате. Гай Стендинг отметил, что пролетариата больше не существует, но есть прекариат. Тем не менее это серьезный вопрос о том, что представляет собой рабочий класс. Другой важный момент о том, что такое социология рабочего класса. И в дискуссии поднимались вопросы о том, как изучать рабочий класс. Это, конечно, сложный вопрос. Наконец, вопрос о том, что такое социология для рабочего класса. Это может быть традиционная органическая публичная социология. Елена и Анна отмечали, насколько сложно социологам включаться в публичную дискуссию. При этом мы, социологи, дискутируем с действительно влиятельными группами, в том числе СМИ, которые представляют альтернативу публичным социологам. Но, тем не менее, и здесь ответ очень простой: это возможно. Другое дело, что здесь всегда существует методологический вопрос о социологии рабочего класса, который, возможно, следует решить до того, как мы станем социологами для рабочего класса.

Светлана Ярошенко. Я убеждена, что возможна социология для рабочего класса. Необходимо только четко представлять, что это за социальная группа, с какими проблемами сталкивается и почему. Более того, необходимо соединить такой анализ с пониманием системы в целом, не останавливаясь на анализе исключительно группового положения. На мой взгляд, часто при изучении отдельных сообществ не возникает перехода на более широкий уровень. Между тем воронка расширяется: туда, где сначала оказались рабочие, затем попали служащие, а теперь мы говорим и о профессионалах, подверженных нестабильной ситуации. В наших исследованиях мы сначала изучали рабочих, потом тех, кто обратился за помощью в органы социальной защиты: и там уже были разные группы (служащие и специалисты). Теперь я могу сослаться на результаты исследования в одном из депрессивных районов Республики Коми, где уже жители целого города находятся в сложном положении. Иными словами, круги расширяются. В таком случае нужно иметь в виду, что возможности и преимущества тех или иных групп в большом мегаполисе формируются в рыночной системе за счет вытеснения на периферию многих других.

Дата поступления: 20.05.2019

.....

**Prospects for the Development of Sociology in Russia
in the XXIst century (discussion with V. Ilyin, K. Clement,
I. Olimpieva, E. Zdravomyslova, A. Temkina, A. Kondakov,
M. Burawoy, March 24, 2015)**

DOI: 10.19181/inter.2019.19.1

Svetlana Yaroshenko

Yaroshenko Svetlana — Candidate of Sociology, Associate Professor at the Department of Comparative Sociology, St. Petersburg State University, svetayaroshenko@gmail.com.

Panelists: Vladimir Ilyin, Professor at St. Petersburg State University; Karine Clement, Associate Professor at St. Petersburg State University; Irina Olimpieva, Researcher of the Centre for Independent Social Research; Elena Zdravomyslova, Professor of the University of St. Petersburg; Anna Temkina, Professor at the European University; Alexander Kondakov, Assistant Professor at the European University; Michael Burawoy, Professor at the University of California (Berkeley).

The purpose of the discussion is to discuss the prospects for the development of Russian sociology: its possibilities to explain what is happening in Russian society, to respond to social challenges and to represent the interests of those social strata that are crowded out to the periphery along with global market development. Russian sociologists who study social inequality from different perspectives and develop critical discourse in Russian sociology participate in the discussion: Vladimir Ilyin (St. Petersburg State University), Karin Clement (St. Petersburg State University), Irina Olimpieva (Centre for Independent Social Research), Elena Zdravomyslova and Anna Temkina (European University St. Petersburg), Alexander Kondakov (European University St. Petersburg), with closing remarks — Michael Burawoy (University of California, Berkeley). Moderator of the discussion — Svetlana Yaroshenko (St. Petersburg State University). Can sociology be independent of society and the processes occurring in it? What is the relationship between sociologists and society today? What are the prospects of sociology as a science, as a profession and as a vocation? What are the features of social order for sociological research and how does it affect the commercial environment? How relevant is the class approach to today's social theory? Does today's Russia need a public sociology and what should it be? What are the most relevant dimensions of social inequality? These and other issues were discussed during the discussion.

Keywords: public sociology; inequality; class approach; production of sociological knowledge; working class; social problems.

Received at: 20.05.2019

Полевые исследования

«В тот день, когда мы впервые встретились...»: барьеры и ресурсы успешного перехода к взрослости воспитанников приемных семей

DOI: 10.19181/inter.2019.19.2

*Лариса Шпаковская**, *Жанна Чернова***, *Эльвира Гарифулина****

Возраст в современных обществах остается важной категорией, определяющей социальные роли индивида, а также оказывающей влияние на его социальный статус и формирующей систему социальных неравенств. Однако смыслы, значения и границы возраста размываются, становятся более индивидуализированными, представляя собой результат индивидуального жизненного выбора. Статья посвящена изучению восприятия детьми изменений, которые происходят в их жизни в связи с потерей биологической семьи и перемещением в приемную семью. Мы анализируем, как воспитанники приемных семей оценивают свой опыт жизни в такой семье в контексте общей жизненной траектории, формируемой под воздействием институциональных, межличностных и индивидуальных контекстов. Методологическую рамку нашего исследования формирует новая социология детства, которая, с одной стороны, определяет детство как социально-исторический конструкт, а с другой — настаивает на изучении жизненного мира детей, предлагая рассматривать их в качестве экспертов своего обыденного опыта. Эмпирическим материалом выступают 238 автобиографических текстов, написанных воспитанниками и выпускниками приемных семей, присланных для участия во Всероссийском конкурсе дневников

* Шпаковская Лариса — кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, slarisalarisa@gmail.com.

** Чернова Жанна — доктор социологических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, chernova30@mail.ru.

*** Гарифулина Эльвира — кандидат социологических наук, доцент Московского государственного психолого-педагогического университета, руководитель программ Фонда Тимченко, Москва, egarifulina@timchenkofoundation.org.

приемных семей «Наши истории» (Благотворительный фонд Елены и Геннадия Тимченко, 2015–2017 гг.). В статье представлены типичные биографические траектории воспитанников приемных семей как этапы перехода к взрослой жизни, а также барьеры, с которыми сталкиваются дети-сироты, и доступные им в процессе этого перехода ресурсы.

Авторы делают вывод, что биографические траектории перехода, доступные для детей, оставшихся без попечения родителей, становятся сложными, разнообразными, индивидуализированными. Эта сложность обусловлена не только спецификой набора ресурсов, которыми располагают приемные семьи для социализации своих воспитанников, но и особенностями понимания детьми своих жизненных историй.

Ключевые слова: деинституционализация; детство; приемная семья; переход к взрослости

Возраст в современных обществах остается важной категорией, определяющей социальные роли индивида, а также оказывающей влияние на его социальный статус и формирующей систему социальных неравенств. Однако смыслы, значения и границы возраста размываются, становятся более индивидуализированными, представляя собой результат индивидуального жизненного выбора (Giddens, 1991). Одним из примеров манифестации этих изменений значения возраста являются представления о детстве и юности. Современные западные общества готовы предоставить молодым людям мораторий на взросление, давая возможность позже совершать важные жизненные выборы (образование, работа, семья). Способы осуществления данных выборов обусловлены доступными индивиду ресурсами, заданными не только личной жизненной ситуацией, но и структурными возможностями, которые формируются социальной политикой государства, системой образования, рынком труда, жилищной и социальной инфраструктурой. Носителем культурного императива свободы выбора и многообразия форм взросления в российском контексте становится молодой образованный средний класс (Чернова, Шпаковская, 2010). При этом сценарии взросления представителей молодежи из экономически и символически депривированных групп рассматриваются как социальная проблема, требующая особого внимания и вмешательства со стороны государства (Walker, Roberts, 2018).

Дети, оставшиеся без попечения родителей, представляют собой одну из таких социально депривированных групп. Успешный переход к взрослости этой группы рассматривается в общественном сознании как проблематичный. Публичный дискурс относит их к группе риска бедности, преступности, алкоголизма, наркомании, плохого родительства, семейного неблагополучия и др. (Ярская-Смирнова, 2014). При этом само положение данной группы крайне противоречиво. С одной стороны, система государственной поддержки детей-сирот предоставляет им широкий спектр разного вида помощи, направленной на их успешную адаптацию ко взрослой жизни. С другой стороны, несмотря на наличие большого пакета материальных,

образовательных, жилищных, социально-психологических поддержек, эксперты в области детства отмечают крайне низкую эффективность проводимой политики (Абрамов, Антонова и др. 2016). Эта проблема артикулирована в текущей реформе системы защиты детей, направленной на сокращение количества детских домов и развитие семейного устройства для детей, оставшихся без попечения родителей (Kulmala et al., 2017). При этом семейное воспитание полагается инструментом, который поможет сделать успешным переход ко взрослой жизни для этой группы молодежи.

Несмотря на то, что процесс реформ неоднократно выступал объектом анализа специалистов, дети в качестве экспертов обыденного опыта проводимых реформ практически не привлекались. В данной статье мы анализируем, как воспитанники приемных семей оценивают свой опыт жизни в семье в контексте общей жизненной траектории, которая формируется под воздействием институциональных и межличностных факторов. Статья посвящена изучению траекторий перехода ко взрослой жизни воспитанников приемных семей. Мы уделяем особое внимание барьерам, с которыми сталкиваются дети-сироты в процессе перехода к взрослой жизни, а также ресурсам, которые становятся доступными им благодаря семье.

Новая социология детства как аналитическая рамка

Социологи изучают возраст, исходя из представления о том, что он институционализирован, то есть с ним связан набор ожиданий и предписаний относительно поведения индивида. Новая социология детства рассматривает его как социальный конструкт, изучает конкретно исторические формы детства и представления о детстве (Дуденкова, 2014: 51). Филипп Ариес впервые обратил внимание на то, что до конца средних веков детство не существовало в коллективном представлении о возрасте (Ариес, 1999). Детство как особый период жизни человека институционализировалось в индустриальную эпоху с развитием институтов формального образования и нуклеарной семьи. Вивиан Зелизер утверждает, что в конце XIX — начале XX века началась «сакрализация» детства (Zelizer, 1994). Одновременно расширились временные границы детства. Оно стало разделяться на этапы: выделились, например, раннее детство, начальное школьное детство, подростковый возраст, юность и пр. (Bois-Reymond du, Sünker, Krüger, 2001).

Вместе с сакрализацией детства возникла идея, что оно нуждается в особой защите со стороны государства и контроле родительского поведения. Так появились политические идеи и институты, связанные с ограничением родителей в правах или изъятием детей из семьи с целью их защиты. Такой подход видит детей как пассивных и крайне уязвимых существ, нуждающихся в защите со стороны взрослых (родителей, специалистов, представителей государственных институтов). Альтернативный подход связан с идеей прав ребенка и его агентностью (Chambers, 2014: 79). В частности, «новая социология детства» исходит из агентности ребенка и считает необходимым изучать его как

активного участника социальных отношений, имеющего свой внутренний мир. Она предлагает, в качестве методологического приема, посмотреть на изучаемые явления и политические решения в отношении детей «глазами ребенка» (Jenks, 2005: 47; Pufall, Unsworth, 2003: 2; Дуденкова, 2014: 51).

Исследования подросткового возраста и юности рассматривают эти возрастные периоды как переходные фазы от детских ко взрослым статусам (Walker 2011; Чернова, Шпаковская, 2010). Конвенциональными показателями взрослости выступают получение образования, выход на рынок труда, начало профессиональной жизни, финансовая автономия, вступление в первый брачно-партнерский союз и рождение первого ребенка (Блюм и др., 2010: 142). Переход определенным образом структурирован, осуществляется благодаря образовательным институтам, социальной политике и семье.

Сложившаяся в советское время система интернатных учреждений (детских домов) для детей-сирот предлагала воспитанникам институционализированные пути перехода ко взрослой жизни. Эта система выглядела как стандартизированная траектория от детского дома к профессиональному обучению (начальному и среднему профессиональному образованию) и работе на производстве. Ее дополняла система коррекционных образовательных и лечебных заведений, а также исправительно-трудовых учреждений для трудных подростков, которыми нередко оказывались воспитанники детских домов (Маколи, 2008). Однако эта система в постсоветское время переживала кризис не только в связи с ее критикой со стороны общества и экспертов-практиков (Kulmala et al., 2017; Ярская-Смирнова 2014), но и в результате кризиса системы профессионального образования (Чередниченко, 2011: 101–102), а также потери экономической и социальной значимости рабочих профессий (Walker, 2011: 54). В результате реформ системы защиты детей траектория перехода для детей без попечения родителей стала связана с жизнью в приемной/опекунской семье (Biryukova, Sinyavskaya 2017), а также теми институтами перехода, которые являются общими для большинства детей, имеющих родителей. Тем не менее специфика перехода и роли приемной семьи в этом процессе с точки зрения новых подходов социологии детства, связанных с изучением жизненного мира и повседневности ребенка, остается практически неизученной областью. В статье показано, каким образом подростки и молодые люди, имеющие опыт взросления в приемных семьях, воспринимают ограничения и сложности, связанные с особенностями их статуса, спецификой жизненной ситуации, а также то, как они преодолевают эти барьеры.

Дневники воспитанников и выпускников приемных семей: специфика автобиографических воспоминаний о детстве

Возможность такого рода анализа дают «дневники», написанные детьми, подростками и молодыми людьми, посвященные воспоминаниям о детстве. Изучаемые тексты собраны в рамках Всероссийского конкурса дневников приемных семей «Наши истории», проведенного Благотворительным

фондом Елены и Геннадия Тимченко в 2015–2017 гг. Дневники представляют собой автобиографические тексты, написанные в свободной форме подростками и взрослыми, имевшими опыт проживания в приемной семье.

Всего было проанализировано 238 дневников, опубликованных на сайте Фонда Тимченко². Возраст авторов 14–25 лет. Наибольшее количество авторов в возрасте 14–18 лет (не все дневники содержат информацию о возрасте авторов), что было задано условиями участия в конкурсе. Географический охват дневников очень широкий. Авторы проживают в разных регионах России, подавляющее большинство — в небольших городах, поселках, станицах и сельских поселениях. 25 авторов относятся к категории лиц, имеющих ограниченные возможности здоровья.

Истории, присланные на конкурс авторами, охватывают разные периоды их жизни — от отдельных эпизодов (например, только история знакомства с приемными родителями или несколько эпизодов жизни в приемной семье) до детализированного описания всей биографии с рождения до момента непосредственно написания текста «дневника». В этом смысле все «дневники» подчиняются законам жанра биографического повествования.

Используя автобиографии как источники информации для анализа жизненного мира детства, необходимо учитывать их содержательные особенности, определенные спецификой автобиографического жанра как такового, спецификой контекста конкурса, в котором тексты были написаны, а также особенностями возрастной психологии их авторов.

Во-первых, как и другие биографические нарративы, анализируемые тексты представляют собой попытку построения идентичности авторов, ответа на вопрос «кто я?» (Рождественская, 2010: 8). Истории детства, появления на свет, и взаимоотношений со значимыми взрослыми являются ключевыми для построения дальнейшей идентичности и интерпретации взрослого опыта (Нуркова, 2010). Нарративы анализируемых дневников можно рассматривать как биографическую работу построения себя и самопознания.

Во-вторых, биографические нарративы представляют собой попытку вписать личные жизненные истории в более широкие смысловые конструкции: нормативные представления, расхожие смысловые клише, социальные ожидания, общие ценности и пр. (Голофаст, 2006). Авторы дневников опираются на эти типовые конструкции и стремятся представить свои истории как истории обретения своего места в обществе, вписывая себя в такие разделяемые обществом понятия, как «семья», «мама», «папа», «родственники», «друзья», «школа», «личные достижения», «счастье» и пр. Рассказывая о своей жизни, авторы также используют типичные нарративные культурные тропы, аналоги которых можно найти в литературных произведениях, фильмах, сериалах, материалах СМИ, посвященных проблемам сиротства (Шпаковская, 2018).

² Наши истории. Конкурс дневников приемных семей [Электронный ресурс]. URL: <http://nashiistorii.ru> (дата обращения: 2.09.2019).

Кроме того, на содержание дневников накладывает отпечаток тот факт, что они присланы на конкурс, инициированный благотворительным фондом. Они рассчитаны на публикацию и чтение потенциально широкой аудитории, а также экспертами фонда. В этом смысле они отличаются от интимных, личных дневников и биографий, которые пишут для себя или для чтения близкими людьми (Чурилова, 2016). Публичность текстов определяет их ярко выраженную нормативную ориентацию. Представляя себе потенциальную аудиторию читателей, авторы используют расхожие клише и нормативные смысловые конструкции. В частности, с этим связано то, что в анализируемых биографиях авторы подчеркивают свою успешность, удачливость («мне выпал счастливый билет»), положительные качества своих приемных родителей и приемной семьи, часто оставляя за рамками негативные переживания и конфликты.

Не менее важно отметить работу памяти и особенности восприятия событий детства в качестве фактора, оказывающего влияние на содержание дневников. Работа памяти — забывание или, наоборот, появление «ложных воспоминаний», — структурирует нарративы. Некоторые события в жизни детей настолько травматичны (например, физическое насилие и пренебрежение в биологической семье, процесс изъятия из биологической семьи, смерть родителей), что авторы или сознательно не хотят о них вспоминать, или пишут, что они не помнят эти события.

Все особенности анализируемых автобиографий не отменяют того факта, что они являются текстами, написанными личностями с неповторимой судьбой и индивидуальным восприятием жизненных событий. Большинство биографий написаны детьми и подростками и содержат воспоминания о детском опыте. Они по-детски искренни, часто говорят о самом сокровенном, о том, что вызывало самые яркие эмоции — любовь, страх, разочарование, горе.

Таким образом, дневники могут рассматриваться как документы жизни, свидетельства опыта из первых рук, индивидуальные голоса, которые вместе рассказывают общую историю о том, что значит быть ребенком без попечения родителей, а также как становиться взрослым в приемной семье в России. Вместе с тем, поскольку эти автобиографии были написаны не как личные дневники «для себя», а как публичная самопрезентация своей «семейной карьеры», не представляется возможным до конца понять, где авторы пользуются расхожими клише, а где пишут о своем личном опыте. Мы как исследователи понимаем, что индивидуальные истории в этих рассказах неизбежно переизобретаются и переписываются, и изучаем именно общие, интересубъективные нарративы взросления.

Траектории перехода воспитанников приемных семей

Современные культурные и социальные конвенции представляют детство как счастливый этап в жизни человека, который является залогом успешного перехода ко взрослой жизни. Для реализации счастливого

и благополучного детства необходимым условием считается семья. Культурные представления о детстве рассматривают успешное взросление через теплые, персонифицированные, близкие взаимоотношения с родителями (Bois-Reymond, 2001). Хотя в дневниках мы имеем дело с субъективными свидетельствами жизненного опыта, можно выделить набор структурирующих биографических событий. Их авторы апеллируют с позиций здравого смысла к культурным моделям детства, пытаются вписать свою биографию в смысловые рамки семьи и счастливого детства. Последовательности событий могут быть описаны как биографические траектории взросления (Маккартни, Эвардс, 2018: 69). В целом постоянное проживание в «нормальной» семье (где родители удовлетворяют весь спектр потребностей ребенка от физиологических и эмоциональных до потребностей в социальном признании и успехе) мыслится как основной элемент биографических траекторий, структурирующий жизненную историю как «до» и «после» обретения такой семьи.

Нами были выделены три основные биографические траектории, представленные авторами, в которых приемная семья является точкой «биографического притяжения»:

- жизнь в благополучной биологической семье — смерть биологических родителей — приемная родственная семья (родственная опека);
- отказ биологических родителей при рождении — жизнь в учреждении — жизнь в приемной семье;
- жизнь в неблагополучной биологической семье — изъятие из семьи/ потеря родителей — жизнь в учреждении — приемная семья.

Эти сценарии описывают общее течение биографии, включают основные биографические этапы авторов. Количество упоминаемых перемещений между институтами и семьями может быть различным, как возможны и вариации сценариев. Например, среди дневников есть история молодой женщины, которая была оставлена сразу после рождения своей биологической матерью в роддоме и там же взята приемной мамой — пациенткой роддома. В других историях за смертью родителей следует не родственная опека (как в большинстве случаев), а дети попадают в учреждение, и следуют по пути, предназначенному для сирот, оставшихся без попечения. В целом истории родственной опеки описаны как более позитивные по тональности по сравнению с историями подростков, чей жизненный опыт был связан с неблагополучной семьей или жизнью в учреждении.

Общий смысловой мотив событий в биографиях детей, потерявших биологическую семью (и упоминавших в дневнике это событие), до момента попадания в приемную семью, может быть представлен как рассказ о потере памяти, идентичности, и в конечном счете — своей личности. Авторы пишут, что теряют, забывают сознательно или не могут вспомнить, чего лишились:

«Я ничего не помню. Я не хочу ничего помнить. Я хочу забыть то, что иногда мелькает в моей голове. Я родилась сразу четырехлетней. Долго-долго не могла понять, что со мной происходит. Какая-то серая

пелена окутала и скрывала мое раннее детство. Все в тумане, хмурое, злое... постоянное чувство беспомощности и постоянный плач моего маленького брата. Он все время хочет есть. И плачет... и плачет... И этот плач преследует меня и сейчас» (Мария).

В дневниках упоминается потеря личных вещей (например, при перемещении из учреждения в учреждение теряют взятые из дома фотографии), контактов со своими братьями и сестрами, связей с родственниками и т.п. Момент потери биологической семьи вспоминается как период неуверенности, страха, неопределенности и непонимания того, что происходит. Следующий за ним период проживания в детском доме если и возникает в автобиографиях, то описывается крайне скудно и недетализированно, что, возможно, связано с отсутствием постоянных значимых взрослых, с которыми можно было бы разделить эти воспоминания. Ориентируясь на нормативные конструкции детства как связанного с взрослением в семье и через отношения со взрослыми, авторы нередко представляют его как период ожидания встречи с биологическими или приемными родителями.

При анализе воспоминаний создается впечатление, что дети представляют этот период как потерю своего «я» в ситуации, когда отсутствуют значимые постоянные взрослые (роль которых выполняют родители или другие взрослые, осуществляющие заботу на постоянной основе) как ключевые социальные агенты производства детской идентичности. Вакуум идентичности становится особенно ощутим в случае тех детей, чьи родители не справлялись со своими обязанностями и были признаны неблагополучными. Воспоминания о жизни в неблагополучной семье становятся своего рода табу (авторы нередко пишут, что не помнят своих биологических родителей или не хотят вспоминать о них) в более широком контексте общественного, профессионального и политического дискурса, где такие семьи являются стигматизированными, причины маргинальности не проговорены, а технологии социальной работы и нормализации таких семей отсутствуют (Яппинен, 2018). Кроме того, условия и смысловой посыл конкурса дневников приемных семей, вероятно, структурируют нарративы вокруг приемной семьи, описание которой авторы могут представлять в качестве основной цели конкурса, следуя запросам организаторов.

Встреча с приемными родителями представляет собой поворотный момент всех автобиографий. Некоторые авторы начинают свои повествования именно с этого момента. Эмоциональная тональность рассказа становится позитивной. Это событие трактуется как возможность обретения условий счастливого детства, построения «нормальной» идентичности и будущей взрослой жизни. Знакомство с приемными родителями описано чрезвычайно подробно, с множеством деталей, что говорит о его субъективной значимости. Дети сразу замечают «добрые глаза», «ласковый голос», «добрые руки» своих будущих приемных родителей. В дневниках авторы упоминают подробности того, как выглядели приемные родители, во что они были одеты, что сказали и как себя вели:

«В тот день, когда мы впервые встретились, моя мама была одета в красивое лиловое платье, а на шее красовались янтарные бусы. Тот мамин облик, добрые глаза я буду помнить всю жизнь» (Максим).

История жизни в приемной семье трансформируется в рассказ об обретении своего «я» через взаимоотношения с приемными родителями, другими детьми в семье, а также через успехи в «большом мире» (школьные оценки, спортивные победы, участие в кружках и секциях, приобретение различных социально востребованных навыков), которые становятся возможны благодаря семейному устройству. История жизни в приемной семье — это также история преодоления социальной стигмы, которую ощущают дети, имеющие опыт потери биологической семьи. Авторы дневников используют следующие метафоры для описания произошедших с ними в приемной семье изменений: «во мне включился свет», «я открыла в себе столько любви и ласки», появились «якорь в жизни, надежное пристанище», «для меня открылся новый мир». С этого момента начинается построение новой идентичности как истории вхождения в семью.

Истории вхождения в новую семью в некоторых случаях представлены как беспроблемные и счастливые:

«Привык к родителям почти сразу и начал называть их мама и папа» (Олег, 15 лет).

«Знаете, я быстро привык к своей маме, я мгновенно ее полюбил, мы нашли общий язык, я безумно был рад, что теперь нам не надо будет расставаться даже на час» (Виталий, 14 лет).

В других случаях (чаще в историях подростков) описан процесс адаптации как процесс знакомства с правилами жизни семьи, изменение бытовых привычек, приобретение новых социальных навыков:

«Это сейчас мы стали по-настоящему родными, а тогда это были годы, непонятные для нас. Первое время мы звали своих родителей по имени-отчеству, и только спустя год стали называть мама и папа, что родители восприняли с улыбкой. Вы спросите, какие же были трудности? Их было много, все и не вспомнишь. Никогда не забуду, как Илья не нашел ключ от входной двери и пошел на кружок по рисованию, оставив дверь открытой, ведь в детском доме не надо было этого делать. Учились всему, как люди, которые попали в цивилизацию с необитаемого острова» (Руслан, 17 лет).

Иногда дети упоминают недоверие, эмоциональную закрытость, скованность по отношению к приемным родителям. Это недоверие авторы объясняют страхом повторного отказа от них родителей. В других случаях

авторы пишут о периоде «скованности», который был обусловлен желанием понравиться приемной семье, боязнью сделать «что-то не так».

Таким образом, биографические траектории разделяются на «до» и «после» встречи с приемными родителями и попадания в актуальную семью. События «до» представлены как истории потери своего «я», своей личной истории как результат потери связи со своими биологическими родственниками. Истории «после» представлены как рассказы становления своего «я» через общение с семьей.

Далее рассмотрим подробно, как воспитанники описывают свою приемную семью, а затем остановимся на воспринимаемых ими барьерах и ресурсах перехода к взрослости.

Жизнь в приемной семье глазами детей

Семья на уровне автобиографических историй выступает источником позитивной идентичности и нормализации статуса. Тексты дневников содержат подробные описания семейных практик (что также задано условиями конкурса, для участия в котором они были созданы). Эти описания читаются как рассказы об образцовой семье. Они полностью воспроизводят культурные конвенции благополучной, нормальной гетеросексуальной семьи с большим количеством детей. Авторы практически ничего не пишут о конфликтах и сложностях (за исключением периода адаптации к семье), подробно описывают позитивные качества своих родителей, семейные ритуалы, праздники, хорошие отношения с родителями и сиблингами и т.п. С одной стороны, такая репрезентация семьи в автобиографиях подростков обусловлена характером анализируемых документов, так как мы имеем дело с работами, присланными на конкурс. С другой стороны, повторяющиеся развернутые описания семейных практик, многократно встречающиеся в текстах признания в любви к приемным родителям, показывают высокую ценность семьи для авторов, важность репрезентации ее как «нормальной», благополучной, счастливой.

Приведенная ниже цитата из дневника является типичным описанием семейных практик. Текст содержит целый ряд категорий, которые призваны подчеркнуть типичность семьи, ее постоянный, вневременной характер (через описание семейных ритуалов, постоянно повторяющихся действий), а также вписанность семьи в более широкий смысловой культурный и политический порядок (упоминание праздников и социально одобряемых стилей жизни, которые практикует семья):

«Как и в любой другой семье, у нас есть традиции: наша семья за здоровый образ жизни и за охрану окружающей среды. Каждый год, 1 Мая, мы ходим в поход. На 9 Мая мы едем на Безымянную высоту, отдать дань памяти погибшим воинам Великой Отечественной Войны. Каждое лето, целый месяц, мы проводим, путешествуя

по интересным местам и новым городам. **Новый год** мы **всегда** встречаем дома, в кругу нашей семьи, а 1 января к нам **всегда** приходят гости, и мама запекает утку с яблоками. На **Рождество и Пасху** мы **ходим в храм**. **Наши выходные** начинаются с того, что мы печем пирог и приглашаем бабушку к себе в гости на чай. **Каждый вечер** перед сном мы **обязательно** читаем вслух» (Ангелина).

Помимо описания семейных «традиций», распространенным тропом детских автобиографий являются рассказы о путешествиях, которые принимаются вместе с семьей. Значение описаний поездок аналогично рассказам о семейных ритуалах. Подростки таким образом вписывают себя в семью как значимую смысловую категорию, а через нее пытаются представить себя частью более широких родственных отношений, а также более широких смысловых категорий идентичности, таких как «Родина», «наша страна»:

*«Потом мы путешествовали по Москве, **у нас там тоже родня, тетя Оксана, у нее два сына**, с ними мы тоже познакомились, у нее большая и красивая квартира и маленькие декоративные собачки, она тоже очень вкусно готовит. Мы ходили на ВДНХ, катались на аттракционах, ездили на автобусе по вечерней Москве, посетили Красную площадь, мне очень понравилось. **Наша столица России** очень красивая. А этим летом мы были в Сочи» (Илья, 14 лет).*

Таким образом, приемная семья в автобиографиях описана как имеющая высокую субъективную ценность, поскольку позволяет нормализовать биографию через возможность соотнести себя с основными культурными атрибутами семейной жизни, вписать свою индивидуальную историю в более широкие структуры родства, а также культурный и политический контексты. Авторы-сироты в рамках конкурса достаточно четко артикулируют нормативную культурную конструкцию детства. Эта конструкция детства и взросления в контексте семьи также считается исследователями как непроблематичная обыденная конвенция в отношении семьи. Рассказанные истории приемных семей оказываются слишком нормальными и, возможно, мало чем отличающимися от рассказов о биологических семьях детей в случае, если бы для них был бы объявлен аналогичный конкурс.

Барьеры и ресурсы успешного перехода ко взрослой жизни воспитанников приемных семей

На основе анализа дневников мы выделили воспринимаемые барьеры и ресурсы перехода ко взрослой жизни. К барьерам относятся жизненные обстоятельства, описываемые авторами, которые порождают социальное исключение или мешают успешному переходу. Ресурсами мы называем

жизненные обстоятельства, способствующие успешной адаптации: знания, навыки, опыт, социальный капитал семьи и пр.

Мы выделяем барьеры успешного перехода к взрослости на двух уровнях: институциональном и межличностном. На каждом из них производится социальная стигма детей-сирот, препятствующая их включению во взрослую жизнь.

Барьерами институционального уровня выступают правила и принципы работы образовательных и медицинских заведений, в которые попадают воспитанники приемных семей. Например, общеобразовательные школы крайне неохотно принимают детей, в чьих документах есть отметки о проживании в социально неблагополучной семье, жизни в интернате или наличии медицинского диагноза. Эта закономерность усиливается в случае образовательных учреждений, стремящихся поддерживать показатели ОГЭ (основной государственной экзамен) и ЕГЭ (единственный государственный экзамен) на высоком уровне. Статус ребенка-сироты или ребенка-инвалида становится барьером для доступа в образовательные учреждения:

«Когда я с сестрой пошла в школу, то меня исключили из первого класса как необучаемую, но родители добились, чтобы меня восстановили» (Ольга, 24 года).

«Так как в моей медицинской карточке стоял диагноз “глубокая умственная отсталость”, был вопрос о том, пойду ли я в школу вообще. Нам пришлось пройти ОЧЕНЬ много комиссий, чтобы доказать, что я могу идти в первый класс, и что я могу учиться по обычной программе» (Ирина, 16 лет).

Авторы дневников отмечают, что программы школ, которые они посещали в интернатах, имели низкие требования к уровню знаний воспитанников. Подростки из неблагополучных семей вспоминают, что посещали учебу нерегулярно. В результате дети говорят о своем недостаточном уровне знаний, неспособности справиться со школьной программой, низкой успеваемости:

«Я плохо начала учиться, я многого не понимаю, я пришла в четвертый класс, но там, в “старом” доме я ходила в первый, а во втором и третьем ходила редко, потому что мне не покупали нужную одежду и все к школе, они все деньги пропивали...» (Наталья, 14 лет).

«Наступила осень, и мы пошли в новую школу. С первого учебного дня я понял, что все мои пятерки и четверки, полученные в Центре — “липовые”, и что мне за счастье получить хотя бы тройку. В пятом классе я не умел считать дроби, не знал английского алфавита, а про русский язык мне даже стыдно вспоминать» (Дмитрий).

На уровне межличностной коммуникации статус ребенка из учреждения, из неблагополучной семьи или инвалида становится основанием для стигматизации в образовательном пространстве. Есть свидетельства, что приемные дети подвергались буллингу в классе, стигматизации как «неродные», «детдомовские».

«Вскоре я пошел в школу, мне так нравилось учиться, вроде бы до второго класса все было хорошо, но потом началось... В каком-то смысле “Ад”, меня начали называть “Детдомовец”, и мне было больно слышать это, после уроков я приходил к себе в комнату и плакал» (Виталий, 14 лет).

«В первом классе дети стали нам с сестрой говорить, что мы неродные, что нас родители привезли из детского дома» (Ольга, 24 года).

В целом авторы проблематизируют свой опыт социального общения за пределами приемной семьи — в детских садах, школах, во дворе, на улице. Например, они пишут о неконтролируемой агрессии, которая переполняла их:

«Сложнее и труднее было тогда, когда закончилось лето, и мама Фаина отвела нас в здешний садик. Здесь начал понемногу проявляться мой вредный характер. Я почему-то злилась на всех и вся. Мне казалось, что меня и Кристину могут здесь обидеть, как-то нехорошо обозвать. Ничего этого не было, но я все время была настороже (...) Еще хуже стала чувствовать себя, когда пошла в школу. То, что Кристина теперь в садике, а я в школе, раздражало меня. Я грубила часто учителям, обзывала детей, могла целых 10–15 минут биться головой об стол. Я не понимала, что на меня находило. У меня были всплески злого, нехорошего поведения» (Диана).

В автобиографиях подростки вспоминают сложности, связанные с обретением своего места в мире сверстников и социальном пространстве школы. Некоторые упоминают, что «связались с плохой компанией», были склонны к асоциальному поведению, часто пропускали школу. Если родители не способны справиться с этими проблемами, дети рискуют снова оказаться в интернате:

«Я стала часто задерживаться после школы, гуляла с подругами, пила, курила и вовсе не хотела возвращаться домой, выслушивать, какая я плохая и недоразвитая. Учиться мне тоже было лень. Весь день я думала, где бы найти сигареты и где бы переночевать. Тетя, которую и мамой называть неохота, избивала меня за бродяжничество, оскорбляла, вот сейчас я понимаю, что было за что. Но было ужасно обидно, и опять я считала себя глубоко несчастной и брошенной» (Александра).

Таким образом, институциональная среда и неуспешные приемные родители представлены в анализируемых текстах как нечувствительные к специфике потребностей детей-сирот, связанных с их жизненным опытом и особенностями развития. В этом контексте важно понять, каким образом авторы дневников справляются с институциональными и социальными формами исключения, какие ресурсы позволяют им компенсировать ситуацию неблагоприятного жизненного старта и нормализовать свою биографическую траекторию.

Институциональные барьеры преодолеваются благодаря образованию, которое становится доступно в результате поддержки со стороны семьи. Авторы дневников пишут, что родители помогают им делать уроки, нанимают репетиторов, чтобы привести имеющиеся знания в соответствие с требованиями школьной программы. Судя по дневникам, приемные родители уделяют много внимания дополнительному образованию: художественным, музыкальным кружкам, спортивным секциям и пр. Дети отмечают свои заслуги и достижения (призы, грамоты, победы в конкурсах, олимпиадах). В описании образовательных достижений роль родителей представлена также как роль значимых взрослых, которые формируют субъективную ценность образовательных успехов:

«Сейчас в моем арсенале 10 медалей, 25 грамот и дипломов. Но за каждой медалью стоит не только мой труд и труд тренера, но и переживания, вера, слезы и радость моей семьи, моих мамы и папы. Спасибо им за это! Мои мама и папа заслужили еще больше медалей, они мои чемпионы и мой маяк, который указывает мне верный путь в жизни» (Давид, 15 лет).

Авторы также пишут, что семья через включение в свои социальные сети наделяет приемных воспитанников социальным капиталом, который они в дальнейшем используют для устройства своей повседневной жизни и решения разнообразных проблем. В автобиографических текстах упоминается помощь приемных родителей, а также старших братьев/сестер в выборе образовательных учреждений, поиске работы, обустройстве жилья, организации заботы о собственных детях и др.

Описание практик приемной семьи, способствующих успешной социальной включенности, в данном случае содержательно не отличается от аналогичных практик кровных родителей и детей. Однако приемные дети демонстрируют высокую рефлексивность в отношении значения семьи в их жизни как источника социально значимых ресурсов. В некоторых дневниках истории семейной жизни воспитанников представлены как истории тотальной трансформации, как результат образовательных усилий и поддержки родителей, например, в превращении из умственно отсталого ребенка в талантливую образованную молодую женщину. Эта трансформация начинается с наделения социально значимыми ресурсами, в частности, образованием и социальными связями.

На уровне межличностной коммуникации роль семьи в преодолении стигмы ребенка-сироты формируется благодаря навыкам социально нормального поведения, коммуникации, самоконтроля и умения справляться с эмоциями. Эти навыки формируют габитус, благодаря которому подростки не идентифицируются их окружением как «детдомовские» или «приемные». Дети ощущают себя социально компетентными полноправными участниками коммуникации со сверстниками и взрослыми.

Эмоциональная поддержка, ощущение, «что тебя любят», и возможность открытого общения с родителями в семье становятся основой психологической устойчивости:

«Поддержка человеку нужна в течение всего жизненного пути. Просто поговорить иногда дорогого стоит. Я очень рад, что у меня есть близкие люди, которые меня уважают, любят» (Антон, 18 лет).

Среди навыков социальной компетентности упоминаются умение вести домашнее хозяйство, навыки самообслуживания. Жители сельской местности упоминают навыки ведения сельского хозяйства: уход за домашними животными, культивация растений. Все эти домашние практики вписаны авторами в контекст их представлений о гендерной социальной компетентности. Приемные мамы и бабушки учат девочек женским работам. Приемные отцы описаны как агенты мужской социализации. В целом родители, так же как и старшие сиблинги, становятся ролевой моделью. Дети полагают, что родители определяют их профессиональный выбор, задают модели поведения в сфере семьи и родительства.

Таким образом, в семье воспитанники приобретают репертуар коммуникативных, эмоциональных и поведенческих навыков, которые позволяют приобрести социальную компетентность, знание правил презентации себя, умение осуществлять повседневную эмоциональную работу, поддерживать психологическое благополучие. Благодаря семье дети приобретают ресурсы, востребованные в «большом мире». К ним относятся образование, социальный капитал, коммуникативные навыки, общая социальная компетентность.

Заключение

Мы рассмотрели специфику взросления детей в приемной семье. На уровне дискурсивных репрезентаций приемные семьи представлены детьми, как обычные семьи. Авторы дневников используют типичные категории «семья», «мама», «папа», «братья» и «сестры», а повседневность приемных семей представлена как повседневность обычной, «нормальной» семьи. Возможно, авторы наших материалов были более внимательны и рефлексивны в описании значения семьи в их жизни, а использование нормативных категорий для описания семейной жизни было

для них экзистенциально более значимо, чем для детей, проживающих в биологических семьях (если бы они смогли принять участие в конкурсе рассказов о своих семьях). В этом смысле результат нашего исследования состоит в анализе смысловых границ интересубъективных категорий, используемых для описания счастливого детства и успешного перехода к взрослости. Мы показали, что семья, отношения с родителями и сиблингами составляют важный смысловой контекст таких рассказов. Кроме того, траектории перехода к взрослости выпускников приемных семей (после попадания в семью) мало чем отличаются от траекторий других детей, воспитывавшихся в обычных семьях. Эти траектории зависят от социально-экономического статуса семьи, доступных ей ресурсов, усилий родителей по воспитанию и образованию своих детей. Они многообразны и в широком смысле структурируются образовательными, экономическими и профессиональными возможностями российского общества. Эти траектории являются в большей степени результатом выбора семьи и подростка и отражают доступ к ресурсам, индивидуальные предпочтения и статусные притязания детей и их родителей. Они существенно отличаются от институционализированных и стандартизированных траекторий взросления воспитанников детских домов, предполагающих переход от интернатного учреждения в систему СПО и далее к профессиям рабочего класса. В дневниках есть рассказы о поступлении в высшие учебные заведения, которое становится результатом семейной социализации.

Истории выпускников приемных семей также демонстрируют процесс фамелизации детства, который отмечается исследователями во всем мире (Маккартни, Эдвардс, 2018: 76). Необходимым условием счастливого детства рассматривается именно семья, персонифицированная теплая забота, осуществляемая родителями, а также дружеские, поддерживающие отношения в семье. Семья позволяет преодолевать институциональные барьеры перехода к взрослости для детей-сирот. Семейное воспитание обеспечивает приобретение навыков коммуникативной и социальной компетенции, способствующих преодолению социальной стигмы. Именно благодаря семье формируется позитивная идентичность и нормализуется статус детей-сирот.

Литература

Абрамов Р. Н., Антонова К. А., Ильин А. В., Грач Е. А., Любарский Г. Ю., Чернова Ж. В. Траектории социальной и профессиональной адаптации выпускников детских домов в России (обзор исследовательского отчета). М.: СБ Групп, 2016.

Ариес Ф. Ребенок и семейная жизнь при старом порядке. Екатеринбург: Издательство Уральского Университета, 1999.

Блюм А., Себий П., Захаров С. Взросление во Франции и России: различия в перспективе поколений // С. В. Захаров, Л. М. Прокофьева, О. В. Синявская (науч. ред). Эволюция семьи в Европе: Восток-Запад, М.: НИСП, 2010. С. 141–173.

Голофаст В. Три слоя биографического повествования. // О. Б. Божков (ред.), В. Б. Голофаст. Социология семьи. Статьи разных лет. СПб: Алетейя, 2006. С. 407–411.

Дуденкова И. «Детский вопрос» в социологии: между нормативностью и автономией // Социология власти. 2014. № 3. С. 47–59.

Маккартни Д. Р., Эдвардс Р. Исследования семьи. Основные понятия / Е. Ю. Рождественская (науч. ред.). М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2018.

Маколи М. Дети в тюрьме. М.: ОГИ, 2008.

Нуркова В. Автобиографическая память в оптике культурно-исторической и деятельностной методологии // Психология. Журнал Высшей Школы Экономики. 2010. № 7(2). С 64–82.

Рождественская Е. Нарративная идентичность в автобиографическом интервью // Социология: 4М. 2010. № 30. С. 5–26.

Чередниченко Г. Образовательные и профессиональные траектории рабочей молодежи // Социологические исследования. 2011. № 9. С. 101–110.

Чернова Ж., Шпаковская Л. Молодые взрослые: супружество, партнерство и родительство. Дискурсивные предписания и практики в современной России // Laboratorium. 2010. № 3. С. 19–43.

Чурилова Е. Репрезентация самосознания в личных дневниках современных девушек. М.: Издательство «Прометей», 2016.

Шпаковская Л. «Подкидыши»: репрезентации приемного родительства в современной России // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 21 (3) С. 71–92.

Яппинен М. Кровные родители детей, изъятых из семьи, в дискурсе сотрудников органов защиты детей // Журнал социологии и социальной антропологии. 2018. № 21 (3). С. 93–114.

Ярская-Смирнова Е., Присяжнюк Д., Вербилович О. Приемная семья в России: публичный дискурс и мнения ключевых акторов // Журнал социологии и социальной антропологии. 2015. № 18 (4). С. 157–173.

Biryukova S., Sinyavskaya O. Children out of Parental Care in Russia: What We Can Learn from the Statistics // The Journal of Social Policy Studies. 2017. № 15 (3). P. 367–382.

Bois-Reymond du M. Negotiating Families // Childhood in Europe. Approaches — Trends — Findings / Ed. by M. du Bois-Reymond, H Sünker, H.-H. Krüger, NY: Lang Publishing, 2001. P. 161–179.

Bois-Reymond du M., Sünker H., Krüger H.-H. Childhood research, the politics of childhood and children's lives in Europe: an introduction // Childhood in Europe. Approaches — Trends — Findings / Ed. by M. du Bois-Reymond, H. Sünker, H.-H. Krüger. NY: Lang Publishing, 2001. P. 1–12.

Jenks Ch. Childhood. Second edition. London. NY: Routledge, 2005.

Kulmala M., Rasell M., Chernova Z. V. Overhauling Russia's Child Welfare System: Institutional and Ideational Factors Behind the Paradigm Shift // The Journal of Social Policy Studies. 2017. № 15 (3). P. 353–366.

Pufall P., Unsworth R. Introduction. The imperative and the process for rethinking childhood // Rethinking childhood / Ed. by Pufall P., Pryor R., Unsworth R., Boykin W., Allen B., Singer R., Hearst A., Ducharme R., Spilsbury J., Korbin J. Rutgers University Press, 2003. P. 1–24.

Walker Ch. Learning to labour in post-soviet Russia: vocational youth in transition. London: Routledge, 2011.

Walker Ch., Roberts S. Masculinity, labor and liberalism: Reviewing the field // Masculinities, labor and liberalism. Working class men in International perspective / Ed. by Ch. Walker, S. Roberts. Palgrave Macmillan, 2018. P. 1–28.

Zelizer V. Pricing the priceless child: the changing social value of children. Princeton: Princeton University Press, 1994.

Дата поступления: 15.05.2019

Лариса Шпаковская, Жанна Чернова, Эльвира Гарифуллина. «В тот день, когда мы впервые...

“In that day when we met for the first time”: barriers and resources of successful transition of foster-children to adulthood

DOI: 10.19181/inter.2019.19.2

Larisa Shpakovskaya, Zhanna Chernova, Elvira Garifulina

Larisa Shpakovskaya — Candidate of Sociology, Associate professor at NRU HSE, slarisalarisa@gmail.com.

Zhanna Chernova — Doctor of Sociology, Professor at NRU HSE, chernova30@mail.ru.

Elvira Garifulina — Candidate of Sociology, Associate professor at MSUPE; Manager of program “Family and children”, Timchenko Foundation, egarifulina@timchenkofoundation.org.

The article aims at the analysis of children's perception of the changes in their lives due to the loss of a biological family and moving to a foster family. We analyze how children experience and subjectively perceive their foster family life experience. On the base of children biographies we build typical life trajectories, which are shaped in institutional, interpersonal and individual level. Social and political context of the foster children autobiographies are set by the reform of deinstitutionalization of child welfare system implemented in Russia in the 2010s. The methodological framework used is the new sociology of childhood, which sees childhood as a socio-historical construct, insists on studying the subjective world of children and taking them as everyday experts. As an empirical material we analyse 253 autobiographies written by foster children and sent to a diary context “Our Stories” (Elena and Gennagy Timchenko Foundation, 2015–2017). The article presents typical biographical trajectories of foster children as stages of transition to adulthood, as well as barriers that they face in this process and resources that are made available to them by the family. The general conclusion of the article is the fact that the biographical trajectories of the transition, which are accessible for foster children are complex, diverse, and individualized. Biographies are presented by their authors not only as a result of external factors, but also as a result of their own actions, as well as the efforts of their foster parents to overcome social stigmatization.

Keywords: deinstitutionalization; childhood; foster family; transition to adulthood

References

Abramov R. N., Antonova K. A., Ilyin A. V., Grach E., Lyubarsky G., Chernova Zh.V. (2016) *Trayektorii sotsial'noy i professional'noy adaptatsii vypusnikov detskikh domov v Rossii (obzor issledovatel'skogo otcheta)* [Trajectories of social and professional adaptation of graduates of orphanages in Russia (review of the research report)]. M.: SB Group. (In Russ.)

Aries F. (1999) *Rebenok i semeynaya zhizn' pri starom poryadke* [Child and family life under the old order]. Yekaterinburg: Publishing House of the Ural University. (In Russ.)

Biryukova S., Sinyavskaya O. (2017) Children out of Parental Care in Russia: What We Can Learn from the Statistics. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 15. No 3. P. 367–382.

Blum A., Seby P., Zakharov S. (2010) Vzrosleniye vo Frantsii i Rossii: razlichiya v perspektive pokoleniy [Growing up in France and Russia: differences in the perspective of generations] / In: S.V. Zakharov, L.M. Prokof'yeva, O.V. Sinyavskaya (eds.) *Evolutsiya sem'i v Yevrope* [Family Evolution in Europe]. M.: East-West, P. 141–173. (In Russ.)

Bois-Reymond du M. (2001) Negotiating Families / In: M. du Bois-Reymond, H. Sünker, H.-H. Krüger (eds.) *Childhood in Europe. Approaches – Trends – Findings*. NY: Lang Publishing, P. 161–179.

- Bois-Reymond du M., Sünker H., Krüger H.-H. (2001) Childhood research, the politics of childhood and children's lives in Europe: an introduction. M. du Bois-Reymond, H. Sünker, H.-H. Krüger (eds). *Childhood in Europe. Approaches — Trends — Findings*. NY: Lang Publishing, P. 1–12.
- Cherednichenko G. (2011) Educational and professional trajectories of working youth. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. No. 9. P. 101–110. (In Russ.)
- Chernova Zh., Shpakovskaya L. (2010) Young adults: matrimony, partnership and parenthood. Discursive prescriptions and practices in modern Russia. *Laboratorium*. No. 3. P. 19–43. (In Russ.)
- Churilova E. (2016) *Reprezentatsiya samosoznaniya v lichnykh dnevnikhakh sovremennykh devushek* [Representation of self-awareness in the personal diaries of modern girls], Moscow: Izdatel'stvo "Prometey". (In Russ.)
- Dudenkova I. (2014) "Children's Question" in Sociology: Between Normativity and Autonomy. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power]. No. 3. P. 47–59. (In Russ.)
- Golofast V. (2006) Tri sloya biograficheskogo povestvovaniya [Three layers of biographical narration] / In: O. B. Bozhkov, V. B. Golofast (eds.) *Sotsiologiya sem'i. Stat'i raznykh let* [Sociology of family. Articles of different years]. St. Petersburg: Aleteyya, P. 407–411. (In Russ.)
- Jenks Ch. (2005) *Childhood*. Second edition, London, NY.
- Kulmala M., Rasell M., Chernova Z. V. (2017) Overhauling Russia's Child Welfare System: Institutional and Ideational Factors Behind the Paradigm Shift. *The Journal of Social Policy Studies*. Vol. 15. No 3. P. 353–366.
- Makoli M. (2008) *Deti v tyur'me* [Children in Prison]. M.: OGI. (In Russ.)
- McCartney D.R., Edwards R. (2018) *Issledovaniya sem'i. Osnovnyye ponyatiya* [Family Research. Basic concepts]. Moscow: Izdatel'skiy dom Vysshey shkoly ekonomiki. (In Russ.)
- Nurkova V. (2010) Autobiographical memory in the optics of cultural-historical and activity methodology. *Psihologiya. Zhurnal Vysshey Shkoly Ekonomiki* [Psychology. Journal of the Higher School of Economics]. Vol. 7. No 2. P. 64–82. (In Russ.)
- Pufall P., Unsworth R. (2003) Introduction. The imperative and the process for rethinking childhood / In: P. Pufall, R. Pryor, R. Unsworth, W. Boykin, B. Allen, R. Singer, A. Hearst, R. Ducharme, J. Spilsbury, J. Korbin (eds). *Rethinking childhood*. Rutgers University Press.
- Rozhdestvenskaya E. (2010) Narrative identity in an autobiographical interview. *Sociologiya: 4M* [Sociology: 4M]. No. 30. P. 5–26. (In Russ.)
- Shpakovskaya L. (2018) "Foundlings": representations of foster parenting in modern Russia. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 21. No 3. P. 71–92. (In Russ.)
- Walker Ch. (2011) *Learning to labour in post-soviet Russia: vocational youth in transition*. London: Routledge.
- Walker Ch., Roberts S. (2018) Masculinity, labor and liberalism: Reviewing the field / In: Ch. Walker, S. Roberts (eds). *Masculinities, labor and liberalism. Working class men in International perspective*. Palgrave Macmillan, P. 1–28.
- Yappinen M. (2018) Biological parents of children withdrawn from the family in the discourse of employees of child protection authorities. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 21. No 3. P. 93–114. (In Russ.)
- Yarskaya-Smirnova E., Prisyazhnyuk D., Verbilovich O. (2015) Foster family in Russia: public discourse and opinions of key actors. *Zhurnal sociologii i social'noj antropologii* [Journal of Sociology and Social Anthropology]. Vol. 18. No 4. P. 157–173. (In Russ.)
- Zelizer V. (1994) *Pricing the priceless child: the changing social value of children*. Princeton: Princeton University Press.

Вегетарианская диета: потребление в контексте аскетизма

DOI: 10.19181/inter.2019.19.3

Мария Кузь*, Валерия Черноскутова**

Данная статья посвящена изучению потребительских практик и внутренней структуры вегетарианского сообщества. С одной стороны, вегетарианцы придерживаются аскетичного образа жизни, в то время как с другой стороны, они все еще являются частью общества потребления, о чем свидетельствует популяризация специализированного рынка для вегетарианцев. Так возникает противоречие между демонстрируемым вегетарианцами отказом от потребления и реальной вовлеченностью в процессы, диктуемые обществом консьюмеризма. Эмпирическую базу исследования составило 21 глубинное интервью с представителями различных типов вегетарианской диеты: вегетарианство, веганство, сыроедение-фрукторианство, а также результаты онлайн-опроса (225 завершенных анкет), проведенного с целью верификации некоторых результатов, полученных на качественном уровне. Показано, что потребление в процессе перехода на вегетарианскую диету (любой ее тип) играет важную адаптивную роль: благодаря покупке одинаковых товаров происходит ассимиляция с группой. Степень привязанности к «вегетарианскому рынку» дифференцирована по типам вегетарианской диеты — в качестве единой смысловой цепочки выдвигается предположение о «ступенчатом характере» элементов цепи. С помощью теории “rite de passage” переход на каждую из этих ступеней (от «обычного» рациона к вегетарианству, от вегетарианства к веганству,

* Кузь Мария — студентка факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», младший руководитель проектов в исследовательской компании «РАДАР», m.p.kuz@yandex.ru.

** Черноскутова Валерия — магистрантка факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», valeria.che@icloud.com.

от веганства к сыроедению и фрукторианству) рассмотрен, согласно трем фазам (отделение, переход, включение). На основании полученных данных делается вывод о существовании «вегетарианской лестницы», продвижение по которой происходит посредством циклического «обряда перехода» (с каждой новой ступенью необходимо снова и снова проходить весь «rite de passage»).

Ключевые слова: вегетарианство; общество потребления; этический консьюмеризм; осознанное потребление; обряд перехода; смешанные методы

Еда представляет собой базовый концепт социокультурного дискурса. Помимо исключительно прагматической и утилитарной функции насыщения, питание выполняет и множество других. Процесс глобализации разрушил тесные связи между «локальными диетами» и «локальной агрокультурой» (Pratt, 2007), сделав актуальным утверждение, что «сегодня еда путешествует по миру так же, как и люди» (Miller, 1997). Интеграция различных диетарных практик привела к так называемому изобилию выбора (Brown, Mussell, 1984): информация о пищевой ценности, калориях и режимах питания стала более дешевой и простой в изучении. Разумеется, это породило интерес и внимание людей к разнообразию существующих диетарных практик (Itulua-Abumere, 2013). Вегетарианство, являясь ярким свидетельством существования общества «культы еды» (Sobal, 1999), становится идеологией, оказывающей мощное влияние не только на рацион питания, но и на другие сферы жизни человека.

Несмотря на то, что, по данным исследований, лишь от 2% до 4% россиян разделяют принципы вегетарианской диеты (ФОМ, 2014; Исследовательский центр портала SuperJob, 2013), рынок, предоставляющий спектр услуг, ориентированных на данный тип потребления, неизменно растет. Только в Москве и Санкт-Петербурге насчитывается около 4000 ресторанов, имеющих вегетарианское меню (Афиша live, 2019), повсеместно открываются эко-магазины и сервисы доставки вегетарианской продукции (например, франшизы «Джаганнат», «Happy Vegan Shop», «Экотопия»), а Россия входит в топ-10 стран с самым большим ростом сектора производства органической продукции (ТАСС, 2017).

Убеждением, формирующим идеологические принципы вегетарианской диеты, выступает аскетизм (Зарубина, 2016), который понимается как «ориентация на активную самодисциплину и самоограничение, подчиненное идее духовного самосовершенствования путем отказа от определенных удовольствий» (Вебер, 1985). В частности, это выражается в пищевой аскезе (отказе от употребления определенных продуктов питания), которая впоследствии может распространиться и на другие сферы жизни (например, отказ от медицинских услуг (Staying Vegan, 2011) и «неэтичных» товаров (The Guardian, 2001)).

Зачастую «вегетарианский аскетизм» сопровождается склонностью приверженцев вегетарианской диеты к обособлению и проведению границ. Стремление к изолированности, основанное на принадлежности к вегетарианскому сообществу потребления (Бодрийяр, 2006; Бурстин, 1993), является уникальным феноменом: вегетарианцев объединяет не просто схожий тип потребления, но и логично следующее за ним разделение общей идеологии и взглядов, его обосновывающих (Зарубина, 2016). Несмотря на наличие большого количества работ об идеологии вегетарианства, исследователи не рассматривают вегетарианскую диету как комплексное явление (Fjellstrom, 2009), тем самым оставляя без внимания связи, которые, как предполагается, существуют внутри вегетарианского сообщества.

Отказываясь от потребления, вегетарианцы парадоксальным образом конструируют вокруг себя новые рынки, что неизбежно ведет к росту включенности в мир консьюмеризма, который, по идее, противоречит демонстрируемому аскетизму. Принимая во внимание неоднородность вегетарианской диеты (вегетарианство — веганство — сыроедение — фруктарианство — праноедение (Doniger, 1999)), где каждая последующая ступень налагает все больше ограничений (Khare, 1966), возникает вопрос: предполагает ли каждый восходящий уровень вегетарианской диеты увеличение вовлеченности в процесс потребления?

Методологическая основа исследования

Целью данного исследования стало выявление соотношения реальных практик потребления с убеждениями приверженцев вегетарианской диеты различных ступеней. В связи с этим было необходимо решить ряд следующих задач:

- выяснить, являются ли различные ступени вегетарианской диеты эксплицитно осознаваемыми категориями для самих приверженцев вегетарианства;
- выяснить, действительно ли вегетарианцы рассматривают свой образ жизни в качестве определенной аскезы;
- выявить различия в потребительских практиках представителей различных ступеней вегетарианской диеты.

Отталкиваясь от цели и задач (где основным упор делается на изучение представлений вегетарианцев о (не)потреблении), первоначально было принято решение реализовывать исследование в качественном дизайне, используя такой метод сбора данных, как глубинное интервью (помимо очных, допускались удаленные видеointerview с использованием приложения Skype (Колозариди, 2014)).

При построении выборки была частично реализована «восьмиокопная» модель Штейнберга (Штейнберг, 2014) соответствующая следующим критериям:

Типичный информант.

На момент проведения интервью информант должен был:

- быть носителем практики одного из видов вегетарианской диеты (вегетарианства, веганства, сыроедения или фрукторианства и праноедения);
- придерживаться вегетарианской диеты на протяжении года и более, начиная с первой ступени;
- быть старше 18 лет.

Нетипичный информант.

Под носителями нетипичных свойств для практики понимаются «бывшие вегетарианцы»:

- люди, в прошлом придерживавшиеся вегетарианской диеты на протяжении одного года и более, но по каким-то причинам вернувшиеся к традиционному типу питания.

Специфический информант.

Под специфическими информантами в данной работе понимаются:

- люди в возрасте от 18 лет (экономически активное население, минимизация влияния в отношениях «родитель-ребенок»);
- проживающие с вегетарианцами, но не практикующие такой же тип диеты (являющиеся частью их семьи, имеющие с ними одинаковый социальный и культурный бэкграунд, материальное положение).

Эксперт.

В настоящем исследовании экспертами выступили:

- владельцы магазинов с вегетарианскими продуктами, владельцы вегетарианских ресторанов (определяемые как теоретические эксперты);
- ведущие тренингов для вегетарианцев (ключевые эксперты).

Данная выборка максимальной вариации (Ковалев, Штейнберг, 1999) позволила выявить черты, характерные конкретно для изучаемой группы (типичных информантов). Информанты отбирались посредством целевого отбора, согласно указанным выше критериям. В случае с типичными информантами также была реализована квотная выборка (Kumar, 2011) — с целью проведения различий между тремя группами информантов: вегетарианцами, веганами и сыроедами-фрукторианцами (приверженцы сыроедческой и фрукторианской диеты объединены в одну подвыборку, так как они разделяют наиболее схожий тип питания). Важно, что категории «типичные информанты» и «эксперты» в ряде случаев пересекались, в связи с чем «экспертам» также задавались вопросы, касающиеся непосредственно их опыта вегетарианства.

В ходе исследования было получено 21 глубинное интервью. Основными точками входа являлись: «удобная выборка» и «целевая доступная выборка». Среди методов анализа данных: открытое и осевое кодирование (Страусс, Корбин, 2001).

После анализа данных, полученных на качественном уровне, было принято решение о проведении статистической верификации некоторых результатов. Используя невероятностную выборку, наш исследовательский

коллектив также реализовал количественный онлайн-опрос. Среди 225 завершенных анкет (коэффициент завершенных ответов равен 75,2%): 92 вегетарианца, 85 веганов и 48 сыроедов-фрукторианцев. Таким образом, данная работа выполнена с применением стратегии «смешивания методов» (Савинская, Истомина, 2016), что позволило получить взаимодополняемые и более точные результаты.

Вегетарианцы, веганы, сыроеды: иерархическая структура

Представители вегетарианского сообщества «эксплицитно знакомы» с его структурой. Описанные информантами пищевые ограничения, характерные для представителей различных ступеней вегетарианства, сводятся к следующим схемам:

1. Вегетарианство — это «старт», запрещающий только употребление мяса и имеющий большое число вариаций (песко-, ово-, лакто-).
2. Веганство — это комбинация из ограничений вегетарианства и «нового» запрета на любые продукты животного происхождения.
3. Сыроедение — это комбинация из ограничений вегетарианства и веганства, наряду с «новым» запретом на какую-либо обработку потребляемых продуктов.
4. Праноедение — это неупотребление в пищу каких-либо продуктов (наиболее близкое медицинское определение — «сухой голод»), предполагающее частичное или полное питание праной, то есть «жизненной силой, заключенной в солнечной или космической энергии».

Таким образом, пищевые ограничения используются в качестве маркера и являются базовой характеристикой, с помощью которой происходит первичное разделение группы (приверженцы вегетарианской диеты) на подгруппы (вегетарианцы, веганы, сыроеды, фрукторианцы, праноеды). Далее на основе объективных пищевых ограничений выстраиваются соображения о мировоззрении представителей той или иной ступени, приписываются установки и выделяются характерные особенности их поведения. Все стадии выступают в качестве некоего единого, согласованного и целостного феномена с элементами иерархичности.

Стоит отметить, что в ряде случаев сыроедение и его вариации представляются «последней ступенью вегетарианства», тогда как праноедение выделяется информантами в отдельную «закрытую» и «далекую» категорию и, как следствие, не воспринимается в качестве структурного элемента вегетарианства. Подобные суждения характерны для представителей наиболее ранних ступеней: вегетарианцев и веганов. Тем не менее, праноедение все же упоминается некоторыми информантами (в большинстве случаев — сыроедами) в качестве одного из элементов цепи при попытке описания структуры вегетарианского сообщества. Таким образом, вегетарианскую диету целесообразно рассматривать как комплексное явление, уделяя

особое внимание связям, существующим между описанными стадиями вегетарианства.

Стадии вегетарианской диеты как “rite de passage”

Согласно теории Арнольда ван Геннепа, существование человека — бесконечная цепочка переходов, сопровождаемых маркирующими их обрядами «rites de passage» (Genep, 1960). Следуя данной логике, в ходе исследования была предпринята попытка рассмотрения вегетарианской диеты как обряда перехода между различными ее стадиями (от «обычного» рациона к вегетарианству, от вегетарианства к веганству, от веганства к сыроедению и фрукторианству).

В целом обрядом перехода можно считать любой ритуал или церемонию, связанную с изменением социального статуса, затрагиваемого ритуалом лица или лиц (Демина, 2013). Виктор Тернер полагал, что обряды перехода не ограничиваются только движением между приписываемыми статусами, но касаются и вхождения в достигаемый статус — для перехода в какую-либо группу нужно совершить определенные действия: например, чтобы перейти на вегетарианскую диету, нужно прежде всего изменить свой рацион (Turner, 1969).

Согласно теории обряда перехода, чтобы войти в новую группу, необходимо пройти через три фазы (Genep, 1960; Turner, 1969):

- 1) Отделение (Separation): символическое поведение, означающее отделение индивида от предыдущей социально-культурной среды (в случае приверженцев вегетарианской диеты — от мясоедов; например, пропаганда вегетарианского образа жизни).
- 2) Промежуточная (лиминальная) фаза (Transition): это «промежуточное» состояние, в течение которого индивид уже потерял свою прежнюю идентичность, но еще не был полностью включен в новое сообщество (например, потеря связи с друзьями-мясоедами, наряду с отсутствием связей с «единомышленниками-вегетарианцами»).
- 3) Включение (Incorporation): если «неофит» полностью преодолевает все испытания (включается в вегетарианское сообщество), он ритуально восстанавливается для окружающего мира с сопутствующими изменениями в своем статусе, правах и прерогативах. Таким образом, заключительный этап процесса обычно выводит участников из изоляции обратно в сообщество с новой идентичностью.

Обряд перехода *внутри* вегетарианского сообщества

Потребление растительной, легкой пищи в современном обществе не является общедоступным благом и тесно сопряжено с различными видами капиталов человека. В поиске связи между выбором диеты (как

отражения концепции этичного потребления) и экономическим, а также культурным капиталом, были выявлены факторы, способствующие переходу на каждую из стадий вегетарианской диеты (бинарная логистическая регрессия). В первой модели зависимая переменная была закодирована как 0 — вегетарианцы, 1 — веганы (итоги модели см. рисунок 1); во второй модели — 0 — веганы, 1 — сыроеды-фрукторианцы (см. рисунок 2). Общими для данных конверсий стали положения о том, что чем меньше человек задерживается на какой-либо из стадий и чем строже его представления об идеальном типе питания (где 1 — вегетарианство, 5 — праноедение), тем более вероятен его переход на следующую ступень вегетарианской диеты. В дополнение к этому, переход на сыроедение зависит от образования респондента: при повышении уровня образования вероятность перехода на сыроедение увеличивается в 1,47 раза (это соотносится с тезисом о том, что «избирательный аскетизм» (намеренное ограничение в потреблении) выражен у людей с высоким уровнем культурного капитала). Остальные характеристики, включенные в анализ, оказались незначимыми для рассматриваемых конверсий.

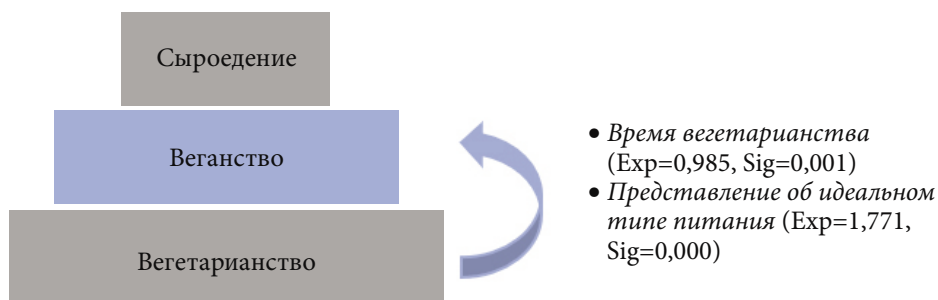

Рисунок 1. Переход от вегетарианства к веганству

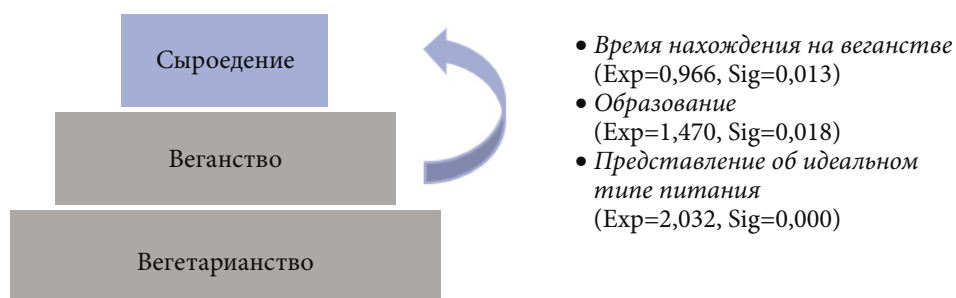

Рисунок 2. Переход от веганства к сыроедению

1. Стадия отделения. Переход к вегетарианству, веганству и сыроедению-фрукторианству происходит по одинаковому сценарию (т.е. система перехода не зависит от того, на какой именно ступени находится человек, и того, на какую ступень он хочет переместиться), напоминающему «обряд перехода». Первой стадией в “rite de passage” (Gennep, 1960; Turner, 1969) является отделение.

Она включает в себя символическое поведение, означающее отделение индивида от предыдущей социально-культурной среды (в случае приверженцев вегетарианской диеты — от мясоедов). Так, на этой стадии наблюдаются частые проявления агрессии по отношению к мясоедам (например, выражение нетерпимости к отличным от вегетарианства типам питания и осуществление всевозможных попыток пропаганды вегетарианского образа жизни):

«Я могу сказать, что те люди, которые очень много об этом говорят — они либо только начали, прям вот-вот, либо они только хотят начать. То есть истинные уже сыроеды или веганы, они, в принципе, очень спокойно к этому относятся. То есть они уже выговорились в свое, да, время. Те, кто очень много об этом говорят, я думаю, у них еще нет в голове стабильности в этом вопросе» (ж., 31 год, 8 лет сыроедения, до этого один год вегетарианства и шесть месяцев веганства, управляющая сыроедческим рестораном, 05.04.2018).

«Ну, когда у меня были отношения с невегетарианцами, то просто им приходилось какое-то время не есть мясо, и они постоянно видели, как... ну, мое отвращение к тому, что они едят, и это тоже вызывало конфликты» (ж., 19 лет, 8 месяцев веганства, до этого 13 лет вегетарианства, 28.03.2018).

«Отделение» — начало, старт, знаменующий предстоящие проблемы и трудности, часто хорошо осознаваемые еще до начала перехода:

«Сначала кажется, что вся жизнь рушится вообще, потому что какие-то друзья уходят, еще что-то. Но потом понимаешь, что это разрушение для создания чего-то другого» (ж., 31 год, 8 лет сыроедения, до этого один год вегетарианства и шесть месяцев веганства, управляющая сыроедческим рестораном, 05.04.2018).

2. Лиминальная стадия. На лиминальной стадии неофит находится в так называемом подвешенном состоянии, названным “betwixt and between”. После того, как границы установлены и стадия отделения успешно пройдена, необходимо укрепление на желаемой позиции и усвоение новых «культурных образцов», а не просто смена типа питания.

Роль окружения. Во-первых, для успешного включения «неофиту» необходимы поддержка и одобрение со стороны общества (особенно близких людей, ввиду сильной эмоциональной привязанности). Причем эта поддержка может выражаться как в активной форме (совместный переход на вегетарианство), так и в пассивной (простое одобрение, без дополнительных действий в сторону смены собственного образа жизни):

«Мама... она хорошо восприняла эту новость. Она меня поддерживает, вот и сейчас тоже. Сама она тоже теперь не ест мясо. Она ест только рыбу...» (ж., 20 лет, 7 лет веганства, 14.03.2018).

«Ну, папа за, всеми руками и ногами. Хотя на самом деле он, там, потому что мама готовит всякие эти вкусные мясные блюда, и он, конечно, иногда их ест» (ж., 24 года, 2 года веганства, до этого 6 лет вегетарианства, 19.01.2018).

Во-вторых, чтобы усвоить традиции и нормы новой группы, необходим «проводник». Им может выступать как отдельный человек (некий «эксперт», который не просто поддерживает новоиспеченного вегетарианца, но и активно помогает ему адаптироваться, разъясняя необходимую информацию; особенно характерно для последних ступеней вегетарианской диеты, где большую роль играет мотив, связанный с философией и религией), так и просто информационный ресурс (книги, видеоролики, фильмы, статьи, посредством которых человек полностью погружается в среду, узнает о нормах и традициях нового образа жизни):

«Поэтому я советую книгу обычно, называется она “Природная пища человека”, ее написал поляк Моэсь-Оскрагелло. Книга 1896 года. Я прочитал эту книгу, и у меня закрылись некоторые вопросы» (м., 29 лет, 3,5 года сыроедения и фрукторианства, 16.03.2018).

В-третьих, на этой стадии немаловажно иметь соответствующий социальный капитал, то есть в окружении должны быть вегетарианцы, на которых можно равняться и с которыми можно формировать свое небольшое сообщество. Иногда предпринимаются попытки не просто найти единомышленников, но и подвигнуть своих друзей, родных и знакомых перейти на вегетарианскую диету: информанты отмечали, что ощущали гордость за то, что благодаря им меняется их окружение. Необходимость в ассоциации с другими вегетарианцами может быть ярко проиллюстрирована случаями, когда некогда вегетарианец возвращается к обычному типу питания: все наши «нетипичные» информанты — бывшие вегетарианцы подчеркивали, что переходили к традиционному питанию в связи с утратой связи либо с отдельными представителями вегетарианской диеты, либо с целой группой. Так, одна из наших информанток отмечает, что перешла на вегетарианскую диету исключительно с подачи мужа, а после расторжения брака не увидела необходимости в продолжении подобного типа питания. В другом случае у информанта разорвалась связь с религиозной группой, придерживающейся вегетарианства (из-за переезда в другую страну), вследствие чего он также принял решение вернуться к обычному рациону.

Адаптация через потребление. Пока культурные образцы не усвоены, новоявленному вегетарианцу тяжело ассимилироваться с группой, поэтому он начинает активно использовать в целях интеграции различные «механизмы демонстрации участия» (например, покупать в больших количествах «специальные» и «только лучшие» товары для вегетарианцев). Так, на этой стадии наблюдается всплеск участия в «специальных мероприятиях», все

внешние атрибуты помогают инкорпорироваться в новое сообщество и нарастить социальный капитал:

«Сначала, наверное, немножечко увеличились, потому что я думала, что это как бы дорого, надо выбирать самое лучшее, самое дорогое» (ж., 25 лет, 8 месяцев сыроедения, до этого 6 месяцев вегетарианства/веганства, 06.04.2018).

3. Стадия включения. На стадии включения человек возвращается из изоляции обратно в сообщество, но уже с новой идентичностью. Однако затем начинают разворачиваться процессы, прямо противоположные тому, что происходило на двух предыдущих стадиях. Включившись в новое сообщество, вегетарианец собственноручно «ломает» искусственно возведенные им же границы (они теперь не несут никакой функциональной пользы). С тех пор, как он занял свое место среди стадий вегетарианской диеты, у него нет необходимости отделяться ни от придерживающихся обычного питания, ни от находящихся на предыдущих ступенях вегетарианства. Также меняется отношение к распространению информации о вегетарианском (веганском, сыроедческом и т.д. образе жизни). Теперь человек пытается, скорее, уйти от нежелательного разговора, чем быть участником разъяренных споров.

С одной стороны, на этом все заканчивается, однако обряд перехода в вегетарианской среде — процесс циклический: когда с течением времени один тип мотивации аккумулируется с другим, возникает потребность в переходе на новый тип питания, сопровождаемый характерными особенностями потребления. Например, к ведению здорового образа жизни добавляется стремление защищать окружающую среду. Так, если человек находился на стадии вегетарианства, ему необходимо перейти на веганство (важно, что перейти с вегетарианства на веганство можно только в том случае, если ты полностью инкорпорирован в вегетарианское сообщество первой ступени). Но для того, чтобы это сделать, ему нужно заново выстроить границы уже по отношению к вегетарианцам. Получается, что с каждой новой ступенью необходимо снова и снова проходить весь “rite de passage” заново (ввиду ограничений выборки, в ней отсутствуют приверженцы праоедания, однако есть основания полагать, что данный механизм перехода актуален и для них).

Моральная экономика: стратегии boycott и buycott

Потребление товаров охватывает различные виды деятельности, и любой акт потребления подразумевает несколько видов социальных / материальных отношений, которые регулируются моралью и этикой: отношения между потребителем и производителем, между потребителем и покупателем, с другими потребителями, которые могут претендовать на одни и те же ресурсы (включая будущие поколения) и, наконец, отношения с экологической

системой, применительно к которой моральные аспекты и последствия имеют все большее значение (Miller, 1998; Sayer, 2003). Концепция моральной экономики предполагает, что моральные установки и нормы воздействуют и структурируют все виды хозяйственной деятельности и, в свою очередь, хозяйственные нужды могут сглаживать, преодолевать или закреплять эти нормы (Sayer, 2000). Одной из сфер изучения моральной экономики является этический консьюмеризм (одно из частных проявлений вегетарианства и способ «защиты» своей философии от «общества потребления») как регулятор отношений между человеком и экологической системой при помощи экономических инструментов.

В отличие от «зеленого консьюмеризма» («green consumerism» (Sparks, Shepherd, 1992)), концепция этичного потребления включает в себя беспокойство не только об экологических проблемах. Быть этичным потребителем — значит заботиться о том, чтобы приобретаемый товар был произведен в соответствии со следующим принципом: не наносить вреда и не эксплуатировать природу, человека и животных (Freestone, McGoldrick, 2008).

Выделяются два типа этичного потребления: совершение «этичных» покупок — “buycott”, и бойкотирование «неэтичных» товаров — “boycott” (Friedman, 1996). Если “buycott” предполагает покупку товаров от «этичных» производителей (например, органическая продукция) и связан с денежными тратами, то “boycott” заключается в отказе потребителей покупать продукты, которые наносят ущерб окружающей среде, животным и задействованным в их производстве работникам, и не имеет привязки к материальным затратам. Более того, феномен “buycott” является частным подтверждением существования сообщества потребления (поскольку, совершая покупку «этичного товара», человек приписывает себе новые социальные характеристики посредством символической значимости приобретенного блага), в то время как “boycott” — протестная реакция на консьюмеристское общество. Также следует отметить, что, используя стратегию бойкотирования товаров, этичные потребители не просто выражают свою позицию (как в случае с “boycott”), но и пытаются в целом изменить ситуацию на рынке.

Вегетарианцы, веганы, сыроеды: потребление и мотивация

Приверженцы вегетарианской диеты различных ступеней утверждают, что вегетарианство основывается на самоограничении и аскезе, и активно противопоставляют себя «обществу потребления»:

«Вот, и я понимаю, что это [быстрая смена вещей] — в целом политика потребления, и я ее стараюсь не поддерживать» (ж., 37 лет, вегетарианка 14 лет, 09.02.2018).

Тем не менее наблюдается явное противоречие этих убеждений такому явлению, как «осознанное» (или «разумное») потребление, к которому

вегетарианцы апеллируют так же часто, как и к «аскетизму». Осознанность в потреблении предполагает рефлексирование по поводу происхождения товара (где это было произведено, каким образом, какие ресурсы были затрачены, на какие жертвы ради этого пришлось пойти):

«То есть ты задумываешься о том, из чего сделана вещь, ну, тестировалась ли она на животных, насколько это было вредно для экологии, вот это вот все... То есть когда человек не просто покупает вещь, а думает о том, чего эта вещь стоила» (м., 17 лет, вегетарианец 4 месяца, 21.01.2018).

По мнению наших респондентов, такой «осознанный потребитель» помимо того, чтобы просто отдавать себе отчет в происхождении того или иного товара, должен «поддерживать веганских производителей», совершая покупку «этичных» товаров.

Вполне очевидно, что выбор стратегии покупать / бойкотировать зависит от материальных возможностей человека, так как товары для вегетарианцев и «этичных» потребителей в целом дороже «обычных». Тем не менее, даже если человек осознает, что ввиду своих материальных ограничений не готов переплатить за некоторые товары, он выражает обеспокоенность этим вопросом и желание все же приобретать подобные продукты (иногда в ущерб собственному бюджету). Получается, что даже если вегетарианец придерживается линии поведения «бойкот», это не означает, что он потенциально не хотел бы быть «этичным» потребителем, который не отрицает, а покупает:

«...Но есть такие продукты, как, например, ячмень зеленый или спирулина, которые очень полезные и которые мы любим с мужем — мы готовы за них переплатить. Ну, как бы дорого, потому что они недешево стоят, но мы покупаем это» (ж., 33 года, вегетарианка 16 лет, 28.03.2018).

Также потребительское поведение во многом определяется мотивацией перехода на вегетарианство, веганство или сыроедение-фрукторианство. Корни вегетарианских убеждений произрастают из религиозно-философского аспекта индийской культуры. Тем не менее в настоящий момент религиозный мотив не является для вегетарианцев основополагающим: согласно многочисленным эмпирическим исследованиям, причины перехода на данный тип диеты глубже и более разнообразны (Waldmann, 2003; Dyett, 2013; Kerschke-Risch, 2015; Janssen, 2016). Так, в нашем исследовании была определена следующая мотивационная структура в вегетарианском сообществе:

1) Морально-этический аспект, касающийся заботы о животном мире (этический консьюмеризм). Данный мотив может возникнуть вследствие каких-либо событий, связанных с непосредственным участием или наблюдением за убийством животных, а также после изучения

информации о массовом производстве (например, мясных продуктов), просмотра тематического фильма/ролика, прочтения новостных сообщений о жестоком обращении с животными или тематической литературы.

- 2) Забота об окружающей среде** («зеленый» консьюмеризм), основанная на предположении, что животноводство является одним из крупнейших вкладчиков в ухудшение состояния окружающей среды.
- 3) Религиозно-философские воззрения**, включающие в себя как религиозные предписания (например, кришнаизм и буддизм), так и философские воззрения (аюрведа) или эзотерические учения вроде трансерфинга реальности и веры в карму.
- 4) Стремление к ведению здорового образа жизни**, определяющее вегетарианство как полезную для тела практику.
- 5) Альтернативная медицина**, обоснованная утратой институционального доверия медицине. Это может происходить как из-за собственного неудачного опыта взаимодействия с системой здравоохранения, так и из-за болезни родственников и близких.
- 6) Эксперимент над собой**, определяемый как «испытание себя на прочность».
- 7) Медицинские противопоказания.**
- 8) Не нравится вкус мяса** (данный мотив получен посредством анализа варианта ответа «другое» на количественном уровне).

Если человек изначально отталкивается от стремления лишь оздоровить свой организм, и его не беспокоят экологические и этические проблемы, едва ли он будет следить за тем, чтобы использовать продукцию исключительно «этичных» брендов. В то же время, если основной мотив — борьба за экологию и моральные права животных, то степень зависимости от «вегетарианского рынка» и «вегетарианских брендов» растёт (так как налагается больше ограничений, требующих использования специализированных товаров):

«Ну, мне нравится “Dr. Martens”, и у них веганская прям вот коллекция обуви как раз. Есть еще канцтовары веганские — тоже классные» (ж., 19 лет, 8 месяцев веганства, до этого 13 лет вегетарианства, 28.03.2018).

В том случае, если целью перехода на вегетарианскую диету был способ найти альтернативу медицине, то фокус «зависимости от потребления» может сместиться в сторону потребления нетрадиционных медицинских услуг:

«Я очень много болела. Я постоянно болела, у меня было какое-то недомогание, у меня были гинекологические всяческие болезни, меня клали на операцию, через два года меня опять на эту же операцию, то есть у меня все возобновилось — операция помогла только на время.

А после этого я начала ходить к остеопату, и какими-то мелкими шажками я пришла к тому, что сыр — это плохо, а хлеб — это тоже не очень хорошо. В общем, у меня кишечник плохо работает с этими продуктами. Вот, и я потихонечку-потихонечку убирала где-то в течение года, наверное» (ж., 25 лет, 8 месяцев сыроедения, до этого 6 месяцев вегетарианства / веганства, 06.04.2018).

Однако мотивация — сложный и комплексный концепт. Во многом выбор типа вегетарианской диеты (вегетарианство / веганство / сыроедение / фрукторианство) зависит от того, каковы основные цели перехода:

«Ну да, я не понимаю, зачем это делать. Типа, по-моему, сыроедение — это больше о здоровье, типа то, что сырая еда — это более полезно, чем приготовленная» (ж., 21 год, 2 года веганства, до этого полгода вегетарианства, 28.03.2018).

Так, веганы ссылаются на морально-этические нормы и экологические проблемы окружающей среды, в то время как сыроеды и фрукторианцы изначально пытаются оздоровиться, «очистить организм» и «очистить разум» (в количественной логике — «ведение здорового образа жизни», см. рисунок 3). Более того, очень важно учитывать и время пребывания на какой-либо стадии, так как с течением времени мотивация может меняться, аккумулироваться и побуждать человека переходить на новую ступень вегетарианского питания (это объясняет значимо бóльшую долю ответов «другое» у сыроедов: в этом пункте они чаще составляют комбинацию вариантов. Им сложно выделить что-то конкретное, так как это наиболее поздняя стадия вегетарианской диеты — переход был давно, сложно вспомнить первоначальный мотив из-за их наложения):

«Начал я из-за здоровья. Ну, хотелось улучшить здоровье свое. Вот, а потом и морально-этический аспект также меня затронул. Ну, чтобы не причинять вред... эээ... животным, да, не убивать их» (м., 33 года, веган 1 год и 5 месяцев, до этого 5 месяцев вегетарианства, 23.01.2018).

В связи с этим дальнейшее рассмотрение зависимости от «вегетарианского рынка» будет построено на различении стадий вегетарианской диеты.

Для определения степени привязанности к специализированным рынкам на количественном уровне также была разработана шкала сумматорного типа из десяти суждений (суждения сформулированы по итогам анализа интервью, коэффициент внутренней согласованности шкалы α -Кронбаха = 0,757, описательная статистика и сами суждения представлены в таблице 1).

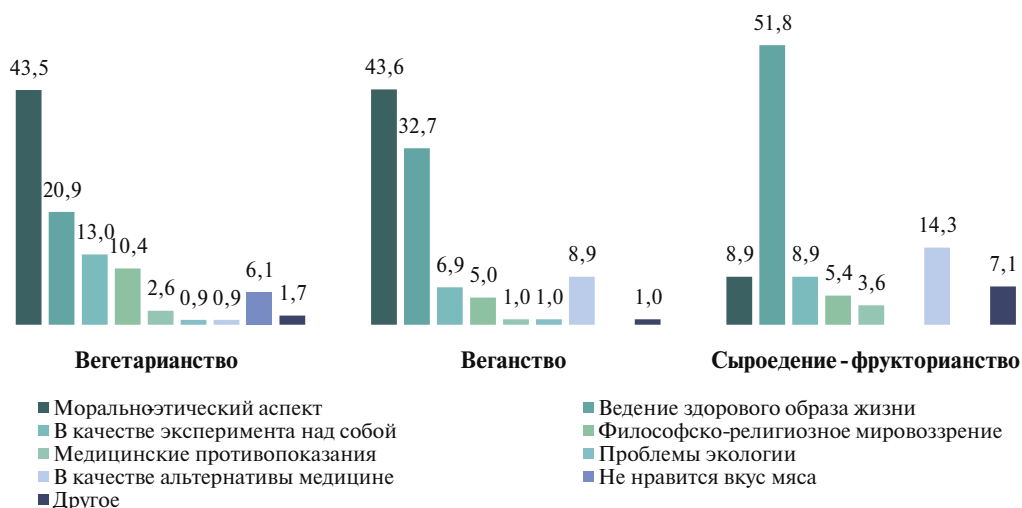

Рисунок 3. Первостепенный мотив перехода на вегетарианскую диету, %

Таблица 1

Описательная статистика для суждений шкалы зависимости от специализированных (вегетарианских) рынков

Суждение	Среднее	Стандартное отклонение	Количество наблюдений
Специализированные магазины для вегетарианцев намного лучше обычных супермаркетов	4,5244	1,65577	225
Необходимо покупать косметику только этических брендов	5,4267	1,57695	225
Лучше переплатить за экотовар, чем нанести ущерб окружающей среде	5,4222	1,37075	225
Нужно употреблять в пищу только органические и экопродукты	5,2222	1,55105	225
При покупке одежды нужно всегда обращать внимание на этичность и эко-ориентированность производителя	5,0400	1,52456	225
Обычные товары зачастую уступают по качеству товарам для вегетарианцев	3,9644	1,50848	225
Вегетарианство всегда приводит людей к осознанному потреблению	4,9600	1,75082	225
Пометка «эко» — лишь способ заработать как можно больше денег	3,4311	1,38742	225

Суждение	Среднее	Стандартное отклонение	Количество наблюдений
Покупать ненатуральную бытовую химию вполне разумно	4,4000	1,88746	225
Каждому человеку необходимо постоянно следить за обновлениями «черного списка брендов» (неэтичных и неэкологических фирм)	4,1778	1,60480	225

И хотя основной мотив перехода на вегетарианскую диету для вегетарианцев и веганов — морально-этические соображения (предполагающие большую необходимость покупки специализированных товаров), по итогам однофакторного дисперсионного анализа (см. таблицу 2) и последующего множественного сравнения методом Бонферрони было выявлено, что веганы более зависимы от специализированного рынка, нежели вегетарианцы (между остальными группами значимых различий выявлено не было). В случае с сыроедами это возможно объяснить ориентацией шкалы на «вегетарианский масс-маркет» (тогда как сыроеды, скорее, ищут «уникальные, единичные товары»), а также снова наложением мотивов.

Таблица 2

Сравнение средних частот проявления зависимости от специализированного рынка для разных типов вегетарианской диеты при $\alpha = 0,05$

Показатель	Критерий равенства дисперсий Ливиня		Среднее значение		F	Знач.
	F	Знач.				
Зависимость от спец. рынка для вегетарианцев	0,673	0,511	Вегетарианство	44,59	4,864	0,009
			Веганство	48,7		
			Сыроедение-фрукторианство	46,6		

Стадии вегетарианской диеты и “ideal type”

На основе собранных данных можно утверждать, что вокруг каждой стадии вегетарианской диеты выстроен определенный образ ее типичного представителя. Эти схемы являются своего рода «идеальными типами» (Weber, 1978), в терминах М. Вебера. Схематичность концептуализации выражается в наличии общепринятых, согласованных представлений

о характере, личностных особенностях, поведении, установках, ценностях и аттитюдах вегетарианцев / веганов / сыроедов. Комплекс таких характеристик, сформированных вокруг приверженца того или иного типа вегетарианской диеты, был назван «генеральной линией стадии».

При описании ступени, расположенной сразу после той, на которой в данный момент находится информант (например, такой ступенью для вегетарианца выступает веганство), делается акцент на положительных чертах подобной диеты. Более того, в такой ситуации смещается фокус с базового вопроса питания, выраженного в объективных пищевых «можно-нельзя», на отвлеченные абстрактные личностные особенности человека, их практикующего. Так, говоря о «вегетарианце», «вегане» или «сыроеде», информанты, скорее, акцентируют внимание на его устремлениях и взглядах, нежели на том, какие продукты питания и в какой форме он потребляет и не потребляет. Тем не менее подобное правило работает лишь в отношении самой близкой вышестоящей ступени, очевидно, выступающей в качестве референтной группы. Противоположную тенденцию можно наблюдать при описании уже пройденных ступеней (наоборот, происходит смещение фокуса на питание, а прочие характерные аспекты «типичного представителя» остаются в стороне; также возможна негативная окрашенность отзывов).

Текущая ступень вегетарианской диеты, как правило, крайне детально описывается и в тех, и в других терминах (как вопросы питания, так и более специфичные особенности поведения и ценностные ориентации). Более далекие ступени (например, для вегетарианца таковой выступает сыроедение) получают нейтральные оценки, внимание при этом особенно не заостряется ни на одном из двух аспектов.

«Генеральная линия» вегетарианства складывается из образа некоего старта, способного обеспечить дальнейшее движение по «вегетарианской лестнице». Для вегетарианства характерна широкая вариация в мотивации перехода. Вегетарианство накладывает относительно малое количество ограничений на выбор продуктов питания, а следственно, и на другие сферы жизни человека (например, мотив перехода «не нравится вкус мяса» встречается только среди представителей вегетарианства, когда как другие стадии предполагают наличие «более серьезных» причин для перехода, см. рисунок 3).

«Генеральная линия» веганства строится на обязательном наличии в мотивации морально-этического компонента (например, беспокойство судьбой животных). Веганство подразумевает значительное количество ограничений, а значит веганы вынуждены выстраивать многие аспекты своей жизни в соответствии с принципами вегетарианской идеологии. При этом приобретаемые специализированные товары и услуги зачастую можно отнести к сегменту так называемого вегетарианского масс-маркета.

«Генеральная линия» сыроедения складывается из устремлений очищения собственного организма и разума. Продукция выбирается из соображений пользы для себя и своего здоровья. Сыроедов можно назвать «эгоистами по-вегетариански», ведь использование ими специализированных

рынков сводится к поиску наиболее уникальных, единичных, редких вегетарианских товаров и услуг (супермаркеты и крупные закупки сменяются походами на рынок и «собственными поставщиками»). В связи с тем, что сыроедение накладывает большое количество ограничений, сыроеды испытывают нехватку обычных удовольствий, что, собственно, и «добирается» посредством «балования себя» (забота о себе). Отметим, что одно из убеждений отличается удивительной устойчивостью к стадии вегетарианства: феномен необходимости продвижения (невозможности продолжительной статичности положения) по стадиям вегетарианской диеты.

Пищевая аскеза как канал формирования сообщества

Согласно Р. Барту, «потребление пищи — это не предметное, а социальное действие». Так, питание представляет собой «средство локального коммуникативного акта», а единая знаково-семиотическая система позволяет говорить о существовании некоего сообщества, сформированного на ее основе (Барт, 2003). Отметим, что вегетарианцы — «воображаемое дискурсивное сообщество» (Андерсон, 2001). Его особенность заключается в том, что подобный тип не обязательно предполагает наличие реального взаимодействия между включенными в него индивидами, чаще возникая на основе общей символично-знаковой реальности. Таким образом, вегетарианство, образуя идеологию, первоначально основанную на определенной системе питания, и, как следствие, имея собственные семиотические структуры и культурные образцы, превращает «пищевую аскезу» («правила питания») в «канал формирования сообщества» (Ferro-Luzzi, 1977).

Под культурным образцом групповой жизни вслед за А. Шюцем будем понимать такие «специфические ценности, институты и системы ориентации и контроля (народные обычаи, законы, привычки, традиции, этикет, манеры поведения), которые характеризуют — а возможно и конституируют — любую социальную группу в тот или иной момент ее исторического существования» (Шюц, 2004). Иными словами, это тот привычный мир и тот образец поведения, в соответствии с которым мы интерпретируем окружающую социальную действительность. Таким образом, семиотика отказа от продуктов животного происхождения формирует у членов сообщества общее мироощущение и понимание реальности, определяет его имплицитную структуру и избираемые способы обособления (Барт, 1989).

Заключение

На основе полученных данных может быть сделан ряд выводов о вегетарианском сообществе и его вовлеченности в процесс потребления. Результаты исследования свидетельствуют, что ступени вегетарианства являются эксплицитными категориями для вегетарианцев. Пищевые ограничения

выступают в качестве базовой характеристики, с помощью которой происходит первичное разделение приверженцев вегетарианской диеты на вегетарианцев, веганов, сыроедов, праноедов. Также наблюдается построение эксплицитной иерархии этих подгрупп, основанием для которой служит аскетизм. Тип диеты, которого придерживается человек в настоящий момент, зависит от его текущей мотивации (или совокупности мотивов).

Разделение вегетарианцев на более мелкие подгруппы (стадии вегетарианства) играет важную роль в создании «ощущения изолированности» у членов сообщества, а также помогает им проводить искусственные границы между безопасным и опасным, даже в условиях свободы выбора, обеспечиваемой “affluent society”. Так, адаптация и интеграция неопита в сообщество вегетарианцев на каждой новой стадии обеспечивается посредством процесса потребления. Также интенсивность зависимости от потребления дифференцирована по «ступеням вегетарианства». Продвижение по стадиям подчиняется обряду перехода: для вегетарианцев характерно постоянное стремление к вышестоящим ступеням, которое предполагает рост налагаемых ограничений и смену типа вегетарианской диеты на все более «жесткую».

Во время интервью были выявлены некоторые латентные признаки того, что вегетарианство может быть своеобразной формой протеста (предпосылка к политическому консьюмеризму (Романова, 2018)). В частности, речь идет об экофеминизме. Так, несколько информанток настоятельно просили использовать феминитивы (вегетарианка, веганка, сыроедка вместо вегетарианец, веган, сыроед). Более того, некоторые открыто заявляли, что собираются воспитывать детей «либеральными феминистами». Если в западной литературе этот феномен уже был подробно освещен с разных сторон несколько десятилетий назад (Gaard, 1993, Adams, 1990), то в России он все еще остается вне поля зрения исследователей.

Литература

- Барт Р.* Избранные работы: Семиотика, поэтика. М.: Прогресс, 1989.
- Барт Р.* Система моды. Статьи по семиотике культуры. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003.
- Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структуры. Перевод на русский язык: Е. А. Самарская. М.: Культурная революция, Республика, 2006.
- Бурстин Д.* Сообщества потребления // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 3. С. 231–254.
- Вебер М.* Социология религии // Работы М. Вебера по социологии религии и идеологии. М.: ИНИОН, 1985.
- Демина Н.* Защита диссертации как обряд перехода // Антропология академической жизни: традиции и инновации / Отв. ред. Г. А. Комарова. М.: ИЭА РАН, 2013, С. 184–204.
- Есть чисто: как развивается рынок экопродуктов. 2017 [Электронный ресурс] // ТАСС: [веб-сайт]. URL: <http://tass.ru/ekonomika/4190384> (дата обращения: 05.08. 2019).
- Зарубина Н.* Вегетарианство в России: индивидуальный выбор против традиций // Историческая психология и социология истории. 2016. № 2. С. 137–154.
- К вегетарианству в России относятся благожелательно, но практикуют редко. 2013 [Электронный ресурс] // Superjob.ru: [веб-сайт]. URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/111380/k-vegetarianstvu-v-rossii-otnosyatsya-bлагожелателно> (дата обращения: 05.08. 2019).

Кафе и рестораны, где есть вегетарианское меню. Москва. 2019 [Электронный ресурс] // Афиша live: [веб-сайт]. URL: https://www.afisha.ru/msk/restaurants/restaurant_list/veggy_menu (дата обращения: 05.08. 2019).

Кафе и рестораны, где есть вегетарианское меню. Санкт-Петербург. 2019 [Электронный ресурс] // Афиша live: [веб-сайт]. URL: https://www.afisha.ru/spb/restaurants/restaurant_list/veggy_menu (дата обращения: 05.08. 2019).

Ковалев Е. М., Штейнберг И. Е. Качественные методы в полевых социологических исследованиях. М: Логос, 1999.

Колозариди П. В. Видеоинтервью с помощью онлайн-приложений: методический опыт // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 38. С. 96–127.

Кто такие вегетарианцы? 2014 [Электронный ресурс] // ФОМ: [веб-сайт]. URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11676> (дата обращения: 05.08. 2019).

Романова Р. И. Что политического в потреблении? // Экономическая социология. 2018. Т. 19. № 1. С. 168–187.

Савинская О. Б., Истомина А. Г., Ларкина Т. Ю., Круглова К. Д. Концептуальные представления о стратегиях смешивания методов (mixed methods research): этапы развития и современные дискуссии // Социологические исследования. 2016. № 8. С. 21–29.

Страусс А., Корбин Дж. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. М: Эдиториал УРСС, 2001.

Штейнберг И. Логические схемы обоснования выборки для качественных интервью: «восьмиоконная» модель // Социология: методология, методы, математическое моделирование. 2014. № 38. С. 3–871.

Adams C. The Sexual Politics of Meat: A Feminist-Vegetarian Critical Theory // New York: Continuum International. Oxford: Polity Press, 1990.

Doniger W. Eating Karma in Classical South Asian Texts // Social Research. 1999. № 66 (1). P. 151–165

Dyett P., Sabate J., Haddad E., Rajaram S., Shavlik D. Vegan lifestyle behaviors. An exploration of congruence with health-related beliefs and assessed health indices // Appetite. 2013. № 67. P. 119–124.

Ethical Consumerism. 2001 [Электронный ресурс] // The Guardian.: [веб-сайт]. URL: <https://www.theguardian.com/money/2001/feb/22/ethicalmoney1> (дата обращения: 05.08.2019).

Ferro-Luzzi G. E. Ritual as Language: The Case of South Indian Food Offerings // Current Anthropology. 1977. № 18 (3). P. 507–514.

Fjellstrom Ch. Food's cultural system of knowledge — meals as a cultural and social arena // Food in Contemporary Society / ed. by Paivi Palojoiki. Helsinki: Yliopistopaino, 2009. P. 19–23.

Freestone O., McGoldrick P. Motivations of the Ethical Consumer // Journal of Business Ethics. 2008. № 79 (4). P. 445–467.

Friedman M. A Positive Approach to Organized Consumer Action: The “Boycot” as an Alternative to the Boycott // Journal of Consumer Policy. 1996. № 19 (4). P. 439–451.

Gaard G. Ecofeminism: Women, Animals, Nature. Philadelphia: Temple University Press, 1993.

Gennep A. van. The Rites of Passage. Chicago: The University of Chicago Press, 1960.

Itulua-Abumere F. Concepts and Practices of Food Consumptions in Modern Society // Open Journal of Social Science Research. 2013. № 1 (4). P. 78–85

Janssen M., Busch C., Rödiger M., Hamm U. Motives of consumers following a vegan diet and their attitudes towards animal agriculture // Appetite. 2016. № 105. P. 643–651.

Kerschke-Risch P. Vegan diet: Motives, approach and duration. Initial results of a quantitative sociological study // Ernahrungs Umschau. 2015. № 62 (6). P. 98–103.

Khare R. A Case of Anomalous Values in Indian Civilization: Meat-Eating Among the Kanya-Kubja Brahmins of Katyayan Gotra // The Journal of Asian Studies. 1966. № 25 (2). P. 229–240.

- Kumar R.* Research Methodology: a step-by-step guide for beginners. London: SAGE Publications, 2011.
- Miller D.* A Theory of Shopping // Cambridge: Polity. 1998.
- Miller D.* Capitalism: An Ethnographic Approach. New York: Berg, 1997.
- Mintz S. W., Du Bois C. M.* The anthropology of food and eating // Annual review of anthropology. 2002. № 31 (1). P. 99–119.
- Pratt J.* Food Values: The Local and the Authentic // Critique of Anthropology. 2007. № 27 (3). P. 285–300.
- Sayer A.* (De-)Commodification, consumer culture and moral economy // Environment and Planning D: Society and Space. 2003. № 21. P. 341–357.
- Sayer A.* Moral economy and political economy // Studies in Political Economy. 2000. № 61 (1). P. 79–103.
- Sobal J.* Food in Global History — Food system globalization, eating transformations, and nutrition transitions // ed. R. Grew. Boulder, CO: Westview, 1999. P. 171–193.
- Sparks P., Shepherd R.* Self-Identity and the Theory of Planned Behavior: Assessing the Role of Identification with “Green Consumerism” // Social Psychology Quarterly. 1992. № 55. (4). P. 388–399.
- Staying Vegan: Tips and tricks for the rest of your life. 2011 [Электронный ресурс] // Archive.today: [веб-сайт]. URL: <https://archive.ph/EOrp7> (дата обращения: 05.08.2019).
- Turner V.* The Ritual Process: Structure and Anti-Structure. Chicago: Aldine Pub. Co., 1969.
- Waldmann A., Koschizke J. W., Leitzmann C., Hahn A.* Dietary intakes and lifestyle factors of a vegan population in Germany: Results from the German Vegan Study // European Journal of Clinical Nutrition. 2003. № 57. P. 947–955.

Дата поступления: 20.05.2019

.....

Vegetarian Diet: Consumption in the Context of Asceticism

DOI: 10.19181/inter.2019.19.3

Maria Kuz, Valeriia Chernoskutova

Kuz Maria — student of the Faculty of Social Sciences of the National Research University Higher School of Economics, Junior Project Manager at the RADAR Research Company, m.p.kuz@yandex.ru.

Chernoskutova Valeriia — masters student of the Faculty of Social Sciences of the National Research University Higher School of Economics, valeria.che@icloud.com.

The research contributes to the study of the consumer practices and internal structure of vegetarian community. On the one part, vegetarians are seen as ascetic lifestyle followers, whereas on the other vegetarians constitute a part of consumer society as evidenced by the rapid growth in specialty “vegetarian market”. Thus, we come up with the contradiction between vegetarian’s demonstrated ascetic idea of abandoning consumption and real engagement into the processes governed by the consumer society. The research is conducted in mixed-method design. The qualitative part is formed by 21 in-depth interviews with “experienced vegetarian-dieters” of various stages in Russia (vegetarians, vegans, raw-vegans and fruitarians). Furthermore, the survey is built on a random sample of the same empirical object (225 self-completed questionnaires) in order to estimate and verify some of the qualitative-part results. The research shows that consumption is central to the process of transition to vegetarian diet as takes the adaptive part: identical goods and services contribute to the group assimilation.

The extent of adherence to “vegetarian market” is differentiated according to the type of vegetarian diet. It is supposed that all the vegetarian diets (vegetarianism, veganism, rawism, fruitarianism) can be accounted as unity, which is split into several hierarchical types of diet (stages). The process of transition to various stages (from conventional diet to vegetarianism, from vegetarianism to veganism, from veganism to rawism and fruitarianism) is interpreted via the “rite of passage” theory and its’ three phases (separation, transition and incorporation). The results show that there exists a vegetarian hierarchy, where vegetarian-dieters can sequentially advance their stage via the circular “rite of passage” (which means that each several transition between any of the vegetarianism stages requires anew “rite of passage” to be thoroughly accomplished).

Keywords: vegetarianism; consumerist society; ethical consumerism; responsible consumption; sustainable consumption; rite of passage; mixed methods design

References

- Adams C. J. (2015) *The sexual politics of meat: A feminist-vegetarian critical theory*. Bloomsbury Publishing USA.
- Afisha live (2019) *Kafe i restorany, gde est' vegetarianskoe menyu. Moskva* [Cafes and restaurants with vegetarian menu. Moscow] // URL: https://www.afisha.ru/msk/restaurants/restaurant_list/veggy_menu (accessed 5 August 2019). (In Russ.)
- Afisha live (2019) *Kafe i restorany, gde est' vegetarianskoe menyu. Sankt-Peterburg* [Cafes and restaurants with vegetarian menu. Saint-Petersburg] // URL: https://www.afisha.ru/spb/restaurants/restaurant_list/veggy_menu (accessed 5 August 2019). (In Russ.)
- Archive.today (2011) *Staying Vegan: Tips and tricks for the rest of your life* // URL: <https://archive.ph/EOrp7> (accessed 5 August 2019).
- Bart R. (1989) *Izbrannye raboty: Semiotika, poetika* [Selected works: Semiotics, poetics] M.: Progress, 1989. (In Russ.)
- Bart R. (2003) *Sistema mody. Stat'i po semiotike kul'tury* [Fashion system. Articles on the semiotics of culture]. M.: Izdatel'stvo imeni Sabashnikovyh. (In Russ.)
- Baudrillard J. (2006) *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury. Pervod na russkij yazyk: E. A. Samarskaya* [The consumer society: Myths and structures. Translation into Russian: E. A. Samarskaya]. Kul'turnaya revolyutsiya, Respublika. (In Russ.)
- Burstin D. (1993) Consumption Communities. *THESIS*. Vol. 1. No 3. P. 231–254. (In Russ.)
- Demina N. (2013) *Zashchita dissertatsii kak obryad perekhoda* [Thesis defense as a rite of passage] / In: G. Komarova (ed.) *Antropologiya akademicheskoy zhizni: tradicii i innovacii* [Anthropology of academic life: traditions and innovations]. M.: IEA RAN, P. 184–204. (In Russ.)
- Doniger W. (1999) Eating karma in classical South Asian texts. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. Vol. 66. No 1. P. 151–151.
- Dyett P. A., Sabaté J., Haddad E., Rajaram S., Shavlik D. (2013) Vegan lifestyle behaviors. An exploration of congruence with health-related beliefs and assessed health indices. *Appetite*. No 67. P. 119–124.
- Ferro-Luzzi G. E. (1977) Ritual as language: The case of South Indian food offerings. *Current Anthropology*. Vol. 18. No 3. P. 507–514.
- Fjellstrom Ch. (2009) Food's cultural system of knowledge — meals as a cultural and social arena / In: P. Palojoki (ed.) *Food in Contemporary Society*. Helsinki: Yliopistopaino, P. 19–23.
- FOM (2014) *Kto takie vegetariancy? [Who are vegetarians?]* // URL: <http://fom.ru/Obraz-zhizni/11676> (accessed 5 August 2019). (In Russ.)
- Freestone O. M., McGoldrick P. J. (2008) Motivations of the ethical consumer. *Journal of business ethics*. Vol. 79. No 4. P. 445–467.

- Friedman M. (1996) A positive approach to organized consumer action: The “boycott” as an alternative to the boycott. *Journal of Consumer Policy*. Vol. 19. No 4. P. 439–451.
- Gaard G. (1993) *Ecofeminism: Women, Animals, Nature*. Philadelphia: Temple University Press.
- Gennep A.V. (1960) *The rites of passage*. Chicago: The University of Chicago Press.
- Issledovatel'skij centr portala Superjob.ru (2017) “K vegetarianstvu v Rossii otnosyatsya blagozhelatel'no, no praktikuyut redko” [Research center portal Superjob.ru. “Veganism in Russia is favored, but rarely practiced”] // URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/111380/k-vegetarianstvu-v-rossii-otnosyatsya-bлагоzhelatelno> (accessed 5 August 2019). (In Russ.)
- Itulua-Abumere F. (2013) Concepts and Practices of Food Consumptions in Modern Society. *Open Journal of Social Science Research*. Vol. 1. No 4. P. 78–85.
- Janssen M., Busch C., Rödiger M, Hamm U. (2016) Motives of consumers following a vegan diet and their attitudes towards animal agriculture. *Appetite*. Vol. 105. P. 643–651.
- Kerschke-Risch P. (2015) Vegan diet: motives, approach and duration. Initial results of a quantitative sociological study. *Ernahrungs Umschau*. Vol. 62. No 6. P. 98–103.
- Khare R. S. (1966) A case of anomalous values in Indian civilization: meat-eating among the Kanya-Kubja Brahmins of Katyayan Gotra. *The Journal of Asian Studies*. Vol. 25. No 2. P. 229–240.
- Kolozaridi P. (2014) Video Interview by Means of Online Applications: A Methodological Experience. *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling]. No 38. P. 96–127. (In Russ.)
- Kovalev E, Shteinberg I. (1999) *Kachestvennye metody v polevyh sociologicheskikh issledovaniyah* [Qualitative methods in field sociological research]. M.: Logos. (In Russ.)
- Kumar R. (2011) *Research methodology: A step-by-step guide for beginners*. Sage Publications Limited.
- Miller D. (1997) *Capitalism: An Ethnographic Approach*. New York: Berg.
- Miller D. (1998) *A Theory of Shopping*. Cambridge: Polity Press.
- Mintz S.W., Du Bois C. M. (2002) The anthropology of food and eating. *Annual review of anthropology*. Vol. 31. No 1. P. 99–119.
- Pratt J. (2007) Food values: The local and the authentic. *Critique of anthropology*. Vol. 27. No 3. P. 285–300.
- Romanova R. (2018) What is Political about Consumption? *Ekonomicheskaya sociologiya* [Journal of Economic Sociology]. Vol. 19. No 1. P. 168–187. (In Russ.)
- Savinskaya O., Istomina A., Larkina T., Kruglova K. (2016) Conceptual ideas about strategies for mixing methods (mixed methods research): stages of development and contemporary discussions. *Sociologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. No 8. P. 21–29. (In Russ.)
- Sayer A. (2000) Moral economy and political economy. *Studies in political economy*. Vol. 61. No 1. P. 79–103.
- Sayer A. (2003) (De)commodification, consumer culture, and moral economy. *Environment and Planning D: Society and Space*. Vol. 2. No 3. P. 341–357.
- Sobal J. (1999) Food system globalization, eating transformations, and nutrition transitions / In: R. Grew (ed.) *Westview Food in global history*. Boulder, CO, P. 171–93.
- Sparks P., Shepherd R. (1992) Self-identity and the theory of planned behavior: assessing the role of identification with “green consumerism”. *Social psychology quarterly*. Vol. 55. No 4. P. 388–399.
- Steinberg I. (2014) A Logical Scheme to Justify the Sample in Qualitative Interview: An “8-Window Sample Model”. *Sociologiya: metodologiya, metody, matematicheskoe modelirovanie* [Sociology: methodology, methods, mathematical modeling]. No 38. P. 38–71. (In Russ.)
- Strauss A., Corbin J. (1998) *Basics of qualitative research techniques*. Thousand Oaks, CA: Sage publications. (In Russ.)
- TASS (2017) *Est' chisto: kak razvivaetsya rynek ekoproductov* [Eat cleanly: how the eco-products market develops] // URL: <http://tass.ru/ekonomika/4190384> (accessed 5 August 2019). (In Russ.)

The Guardian. (2001) Ethical Consumerism // URL: <https://www.theguardian.com/money/2001/feb/22/ethicalmoney1> (accessed 5 August 2019).

Turner V., Abrahams R. D., Harris A. (2017) *The Ritual Process: Structure and Anti-Structure*. London: Routledge.

Waldmann A., Koschizke J.W., Leitzmann C., Hahn A. (2003) Dietary intakes and lifestyle factors of a vegan population in Germany: results from the German Vegan Study. *European journal of clinical nutrition*. Vol. 57. No 8. P. 947–955.

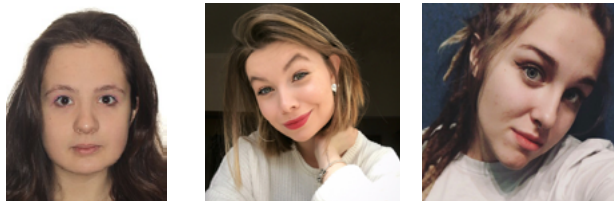
Weber M. (1993) *The sociology of religion*. Boston: Beacon Press. (In Russ.)

Zarubina N. (2016) Vegetarianism in Russia: Individual Choice vs. Traditions. *Istoricheskaya psihologiya i sociologiya istorii* [Historical Psychology and Sociology of History]. No 2. P. 137–154. (In Russ.)

Received at: 20.05.2019

Социальная незащищенность фрилансеров: объективное положение и субъективное восприятие

DOI: 10.19181/inter.2019.19.4

Галина Карпова*, Анастасия Убогова**, Анна Федосеева***

В работе рассматривается социальная незащищенность фриланс-работников и то, как она выражается в разных степенях прекарности. Анализ литературы по теме позволил выделить категории социальной незащищенности (финансовая, правовая, отсутствие социальных гарантий и недостаток личного благополучия) и наиболее часто встречающиеся индикаторы внутри каждой категории. Проведено качественное исследование методом глубинных полуформализованных интервью с 21 работником старше 18 лет, занимающимся фрилансом или имевшим опыт фриланс-занятости. В число информантов вошли работники, для которых фриланс является одним из основных источников дохода, работающие на российском рынке и занимающиеся фрилансом не менее двух лет. В рамках интервью информантам задавались вопросы о субъективной оценке социальной незащищенности, а также вопросы, нацеленные на выявление объективных черт прекарного положения работников. При анализе субъективных оценок восприятия социальной незащищенности выявлено, что информантов не следует разделять на категории согласно степени прекарности, потому что они могут испытывать социальную незащищенность только в одной или же в нескольких сферах одновременно. По итогам исследования мы предлагаем рассматривать прекарность как некоторую шкалу от 0 до максимального значения параметров незащищенности. Такой подход позволит учесть

* Карпова Галина — магистрантка департамента социологии и социальной антропологии Центрально-Европейского университета (г. Будапешт), karp141@yandex.ru.

** Убогова Анастасия — выпускница департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», asya.ubogova@yandex.ru.

*** Федосеева Анна — выпускница департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», kavashko@gmail.com.

важность субъективной оценки фриланс-работниками собственного положения, тогда как дихотомия «прекарий — свободный агент», которую продвигает большинство исследователей в своих работах, не учитывает всю комплексность проявлений социальной незащищенности.

Ключевые слова: социальная незащищенность; фриланс; удаленная занятость; прекариат; самозанятость; степени прекарности

Однозначного определения понятия «фрилансер» в литературе нет, однако в академической среде традиционно используются два варианта. Первое определение более «широкое»: под фрилансом понимаются те работники, форма занятости которых является внеорганизационной (отсутствие привязанности труда к организациям) и автономной в принятии решений. Второе определение делает акцент на том, что фрилансеры считают себя высококвалифицированными специалистами в сферах, развивающихся на основе информационных технологий. Таким образом, охарактеризовать фрилансера можно следующим образом: это высококвалифицированный самостоятельно занятый работник, независимый в принятии решений.

Фрилансеры как категория работников широко распространены по всему миру: в таких областях, как программирование, дизайн, журналистика и др., профессионалы часто предпочитают работать удаленно, внештатно сотрудничая с одним или несколькими заказчиками. Внутри самого фриланса возникают разные формы занятости: кто-то совмещает удаленную работу с офисной, кто-то работает на фрилансе над несколькими заказами параллельно. Фрилансеры сталкиваются с множеством проблем в регулировании социальных и правовых аспектов трудовых отношений, так как государство не предусматривает защиту прав таких работников. Многие особенности фриланс-занятости уже изучены социологами, однако проблема социальной незащищенности все еще остро стоит перед исследователями сферы труда. Таким образом, возникают ситуации, в которых фрилансеры приобретают черты прекариев — представителей социального класса, чье социально-экономическое положение неустойчиво. Сам термин «прекариат» имеет размытую формулировку, и с постоянными изменениями привычных форм занятости понимание этого термина трансформируется в общественном восприятии. Мы можем наблюдать противоречивую ситуацию, когда дело касается оценки фрилансерами своего трудового положения: на одной «чаше весов» — трудовая автономия, комфортные условия работы на дому и гибкий график, а на другой — урезание в трудовых правах и социальная незащищенность.

Под социальной незащищенностью подразумеваются риски, которым подвергаются фрилансеры в процессе осуществления своей деятельности. В первую очередь это отсутствие социальных выплат и социальной защиты (медицинская страховка, пенсия и т.д.); отсутствие официальных документов, подтверждающих доход; высокие риски того, что заказчик не выполнит свои обязательства; отсутствие правовой защиты; опасность проверки

налоговыми службами; нестабильность дохода и заказов. На начальном этапе работы было решено объединить перечисленные риски в три основных группы: правовая незащищенность, отсутствие социальных гарантий, финансовая незащищенность и оценка личного благополучия в контексте работы.

В своем исследовании мы планируем разобраться, в чем на практике проявляется социальная незащищенность фрилансеров в различных условиях и как она воспринимается ими самими. Главная задача данного исследования — разработка типологии социальной незащищенности фрилансеров, основанной на объективных и субъективных критериях.

Содержательные предпосылки исследования: прекариат и фрилансеры

Главной особенностью дестандартизации трудовой системы становится устранение безработицы посредством плюрализации характера наемно-трудовых отношений, которая впоследствии изменит и саму эту систему (Бек, 2000). В эволюции трудовых практик и становлении «новой экономики» цифровые технологии, позволяющие снизить транзакционные издержки и эффективнее координировать работу между агентами, играют одну из ключевых ролей. Можно говорить, что на формирование модели «электронной самозанятости» повлияли такие немаловажные характеристики, как опора на собственный человеческий капитал, возможность предоставления услуг и результатов своего труда в цифровом виде благодаря распространению Интернета. Но не стоит забывать, что со временем компании вынуждены, конкурируя друг с другом, переходить на новую гибкую занятость и аутсорсинг рабочей силы в процессе неолиберальной глобализации. При этом неолиберальная политика занятости внедряется совместно с концепцией, согласно которой доминирующими признаются ценности индивидуализма и личной ответственности (Каллеберг, 2009). В теории индивидуализированного общества отмечается тенденция перехода к новой, «краткосрочной» ментальности от «долгосрочной» (Бауман, 2005). Лозунгом новой реальности становится «гибкость». В новых условиях труд делается краткосрочным, лишается точных и гарантированных перспектив, а все «традиционные» правила продвижения в карьере оказываются крайне непредсказуемыми. Отсюда у индивидов остается меньше шансов для установления взаимной лояльности и солидарности.

Классическое определение понятия «прекариат» дал британский социолог Гай Стэндинг в своей работе «Прекариат: новый опасный класс» (Стэндинг, 2011). Стэндинг выделяет несколько ключевых признаков прекариата.

Во-первых, прекариат состоит из людей, пользующихся минимальными доверительными связями с капиталом и государством. Прекарии находятся в невыгодном положении относительно соблюдения гарантий занятости, гарантий получения и сохранения рабочего места, гарантий получения дохода и охраны своего труда. Также прекарии, не имея своего политического

представительства, не могут объединяться в профсоюзы и отстаивать свои права на демонстрациях.

Во-вторых, работники не имеют трудовых отношений, гарантирующих им благоприятные условия труда в обмен на субординацию. К этому отсылает в первую очередь отсутствие официально оформленного письменного договора, что является препятствием к реализации своих трудовых прав.

В-третьих, структура дохода прекариата нестабильна и подразумевает уязвимость, значительно перевешивающую все, что может нести с собой денежное вознаграждение, получаемое в данный конкретный момент.

В-четвертых, у прекариев отсутствует надежная профессиональная самоидентификация. Для некоторых это — свобода экспериментировать в профессиональном поле, для других же — отчужденность и неуверенность в завтрашнем дне, что отражается в краткосрочном планировании дел и откладывании «на потом» крупных проектов.

Стэндинг выделяет типы людей, которые с наибольшей вероятностью будут подвержены прекариатизации. Во-первых, это работники, занимающиеся временной работой и часто меняющие место работы из-за неспособности найти место «по специальности». Во-вторых, прекариями могут считаться стажеры, работающие по специальности, но выполняющие пока мелкие поручения. Стажеры надеются, что приобретут на месте работы ценный опыт, полезный при последующем трудоустройстве. В-третьих, это мигранты, социальные траты на которых государство зачастую старается минимизировать. Круг возможных мест работы мигрантов, не имеющих официальной регистрации в стране пребывания, резко сужается. Наконец, прекарием может стать представитель образованной молодежи и творческой интеллигенции, пытающийся оптимизировать свое рабочее время и как можно больше времени занять самовыражением и образованием.

В дальнейшем исследователи изучали аспекты социальной незащищенности разных категорий работников, опираясь на предложенное Стэндингом понимание прекариата. Так, прекарность своего положения склонны ощущать молодые профессионалы, только вышедшие на рынок труда. Испытывающие значительные трудности в профессиональном самоопределении и признании, начинающие работники имеют низкий заработок на начальном этапе и зачастую не видят реалистичного потенциала для будущего развития. Как показали результаты исследований (Borghì, Cavalca, Fellini, 2014), выбраться из подобного профессионального застоя и немного приблизиться к осуществлению своих амбиций и целей молодым профессионалам помогает выстраивание доверительных, укорененных отношений с заказчиками и обращение за помощью и поддержкой в профсоюзные организации. Если абстрагироваться от финансовых и правовых категорий, мы можем увидеть, что для представителей творческих профессий и умственного труда прекарность главным образом выражается в нереализованности стремления к самореализации (Murgia, Maestripièri, Armano, 2016). Такие работники сталкиваются с недостаточным вознаграждением своего труда и от этого ощущают социальную незащищенность. Эта проблема

актуальна во взаимодействии с работодателями-заказчиками, которые, к тому же, не согласны давать полную автономность творческим людям и предпочитают контролировать не только результат, но и сам процесс выполнения заказа. Готовность мириться с прекарным положением при переходе из офисной работы в удаленную демонстрировали профессиональные работники в Австралии, для которых возможность поиска себя была приоритетнее серьезных издержек своего положения (McKeown, 2005). Говоря о субъективном восприятии прекарности, стоит отметить, что незащищенность уменьшается при наличии у работников высокого уровня образования и высокой профессиональной позиции. Также замечено, что семейный капитал отчасти способствует сокращению прекарности, если со стороны семьи ощущается достаточная финансовая поддержка. А вот быстрая либерализация рыночной экономики усиливает риски и страхи работников потерять свое положение и проиграть в конкурентной борьбе (Сизова, Леонова, Хензе, 2017).

Среди факторов, позволяющих определить наличие прекарности у работника, исследователи Шкаратан, Карачаровский и Гасюкова выделяют такие как благосостояние — субъективная оценка достатка в семье, качества собственной жизни и отношения заработной платы к прожиточному минимуму; риск потери работы — уровень опасений потерять работу и количество безработных в ближайшем окружении; дефицит ресурсов — нестабильность дополнительного заработка и уровень социального капитала (Шкаратан, Карачаровский, Гасюкова, 2015). Данное исследование является исключением из большинства работ, посвященных анализу социальной незащищенности труда, потому что большинство авторов в своих работах ссылаются на формальные критерии прекарности, оставляя за скобками субъективные аспекты.

Фрилансеры: свободные агенты или прекариат?

Существует два противоположных подхода в исследованиях удаленной занятости: фрилансеров относят либо к своего рода индивидуальным предпринимателям, либо к жертвам тех или иных жизненных обстоятельств, то есть придерживаются дихотомии «прекариат — свободные агенты». Как правило, для определения статуса занятости используются следующие категории: отношение к средствам производства и возможность принятия управленческих решений. Самозанятыми называют тех участников рынка труда, которые самостоятельно отвечают за организацию производства, самостоятельно принимают все производственные решения, и чей размер дохода непосредственно определяется результатами их работы. Самозанятых можно разделить на четыре категории: предприниматели-индивидуалы, не использующие наемный труд; предприниматели некорпоративного бизнеса, привлекающие наемный труд; члены производственных кооперативов и неоплачиваемые работники семейных предприятий (Вишневецкая, 2013).

Сторонники институционалистских теорий утверждают, что прекарная занятость ставит под угрозу базирующуюся на стандартной занятости социальную обеспеченность труда в принципе. Другой подход предлагает рассматривать «контрактников» и уход от традиционной занятости не как опасность для экономики, а как возможность использовать это для перехода к экономике “skills-for-hire”, которая понимается как освобождение от корпоративного давления традиционной занятости (Barley, Kunda, 2006). И институционалисты, и сторонники концепции «свободного агента» признают наличие незащищенности в нестандартной занятости, а также вынужденную необходимость работника находиться в регулярном поиске новых заказов и уметь зарекомендовать себя на рынке. Тем не менее в понимании сторонников подхода «свободных агентов» контрактники становятся «странствующими экспертами», которые обладают большими преимуществами перед традиционными работниками. Таким образом, с их точки зрения, независимые работники являются представителями нового этапа экономического развития и не рассматриваются при этом как социальная проблема. Изначально идея «свободных агентов» принадлежит Пинку, утверждавшему, что подобный формат занятости создавал новый вид лояльности коллегам, фирмам и клиентам (Пинк, 2001). Он был согласен с тем, что экономика, состоящая из свободных агентов, может гарантировать меньше безопасности, однако замечал, что довольно часто свободные агенты фактически оказываются куда более защищенными, чем традиционные работники. Пинк настаивал на том, что свобода — путь к безопасности, а не отклонение от этого пути, и что в будущем нас ждет настоящая экономика свободных агентов. Интернет и связанные с ним технологии предоставили новую экономическую возможность, позволяющую широким слоям работников получить доступ к тем сведениям, на основе которых возможно осуществлять личный выбор (Малоун, 1998). Все больше людей в бизнесе получало такую степень свободы, которая ранее была характерна лишь для крайне небольших организаций. Для организаций значимость приобретает творческая (и не только) инициатива работника, и потому децентрализация становится все более желательной на рынке труда.

Самозанятость же, которая в основном ассоциируется с предпринимательской деятельностью, может рассматриваться либо как стратегия выживания для тех, кто не может найти каких-либо других средств получения дохода, либо как свидетельство предпринимательского духа и желания быть «собственным боссом». Перспектива, согласно которой представляется, что самозанятыми движет желание не быть под руководством начальства и заниматься собственным делом, разделяет теоретический взгляд на фрилансеров как на свободных агентов (McKeown, 2005). Соответственно, обращаясь к поведенческим факторам, можно говорить об особых ценностях самозанятых.

В работе, основанной на результатах переписи российских фрилансеров 2009–2014 гг., проводится сравнение трудовых ценностей отдельно фрилансеров и всего работающего населения. У обеих категорий лидирующей ценностью является размер оплаты труда, но второе место у удаленных

работников занимает наличие творческой и интересной работы (72%), тогда как у всего работающего населения России — надежность места работы (75%). При этом среди фрилансеров важность надежности места работы отмечают как ценность лишь 27%. Можно также отметить склонность фрилансеров максимизировать собственную продуктивность, «не жалея сил» — важность наличия «не слишком напряженной работы» отметили всего 12% фрилансеров (среди общего населения ее отметило 24%), а большого отпуска — 9%, в то время как доля остального работающего населения России, отметившая этот фактор как ценный для себя, составила 39% (Стребков, Шевчук, Спирина 2015).

Разбор ценностей фрилансеров позволяет говорить не просто о типе занятости, но даже об определенном стиле жизни, которого они придерживаются. Существует понятие «портфель работника» — это оплачиваемые и неоплачиваемые работы пяти основных категорий: за оклад или за контрактное вознаграждение, домашняя работа, бесплатная и работа по приобретению знаний. У каждого работника свой индивидуальный «портфель», который он заполняет на свое усмотрение, в зависимости от вышеупомянутого «стиля жизни» (Хэнди, 2001). При этом для многих людей ранее такое событие, как окончание работы, согласно Хэнди, означало конец жизни, а не возможность сформировать «портфель», наполняя его другой деятельностью из данных пяти категорий. Однако сейчас наблюдается тенденция к восприятию ухода на пенсию как возможности использовать свое время для саморазвития и поиска новых впечатлений.

Соответственно, можно сказать, что фрилансеры выбирают такой стиль жизни, чтобы наполнять этот «портфель» максимально разнообразно, благодаря свободному графику и возможности выбора заказчиков, и использовать остальное время оптимально в соответствии со своими предпочтениями. В перспективе оценки фриланса не как вида занятости, а как «стиля жизни» работник воспринимается не рабом обстоятельств, ведущих к прекарности, а человеком, освободившимся от власти корпораций. Он обладает трудовой автономией, позволяющей создавать собственные критерии успешности, находить баланс между трудовой деятельностью и свободным временем (Стребков, Шевчук, 2015). В рамках такого подхода создается образ самозанятого как предпринимателя-одиночки, управляющего своим человеческим капиталом и свободного от организационной иерархии.

Несколько пессимистичные мысли по поводу будущего фриланс-занятости высказывает в книге «Индивидуализированное общество» Зигмунт Бауман: свобода и безопасность не могут существовать вместе — возможен только обмен одного на другое (Бауман, 2005). Компромисс между свободой и безопасностью всегда будет требовать жертв, а потому человек не будет удовлетворен до конца. Наблюдаемое противоречие заключается в том, что нередко разные исследователи отмечают определенные признаки как индикаторы свободного выбора и предприимчивости, и прекарности. Авторы, которые фокусируются на появлении феномена прекариатизации, берут за основу идею о том, что при целенаправленном выборе рисков

человек может представлять собой источник развития социальной незащищенности (Гасюкова, 2015).

Для того чтобы понять, насколько факторы незащищенности беспокоят фрилансеров, обратимся к эмпирическим исследованиям, в которых фрилансеров относят к прекариату. Объективными факторами оценки прекарности можно считать уровень профессиональной подготовки и вероятность получения низкой заработной платы; под «скорее объективными» понимаются оценки физических и психосоциальных потребностей, а к субъективным факторам относятся возможность карьерного роста, надежность работы, удовлетворенность зарплатой, удовлетворенность рабочими условиями и общая оценка здоровья. В докладе Браутона о прекарности в Европе приводятся данные о степени отклонения от среднестатистического показателя по ЕС в отдельных странах. У работников, выполняющих свои обязанности на бесконтрактной основе, в 10 из 27 стран профессиональная подготовка ниже среднего, в девяти из 27 стран их уровень заработной платы также ниже от среднего. Девять из 27 стран отстают от среднего в физических потребностях и четыре — в психосоциальных. Что касается субъективных факторов, то возможность карьерного роста оценивают в четырех странах выше среднего, и только в двух странах ниже; надежность работы в семи странах выше средней; удовлетворенность зарплатой в шести странах выше среднего и в шести странах — ниже; удовлетворенность рабочими условиями в семи странах выше средней, общая оценка здоровья в восьми странах ниже среднего (Broughton et al., 2016).

Тем не менее этого недостаточно, чтобы с уверенностью сказать, что фрилансеров нельзя отнести к классу прекариата. Рассмотрим субъективные факторы, как это было в исследованиях о прекарной занятости в Европе, применительно к результатам переписи российских фрилансеров (Стребков, Шевчук, Спирина, 2015). Среди российских фрилансеров достаточно высокая удовлетворенность условиями работы: на вопрос «как часто в последнее время Вы чувствовали эмоциональное истощение, сильную усталость от работы?» в 2014 г. больше половины (52%) ответили «редко» и 7% — «никогда». На вопрос, устраивает ли работа в целом, 48% ответили положительно, и на вопрос об общей удовлетворенности жизнью 57% ответили, что вполне ею довольны. Если говорить об удовлетворенности зарплатой, то, согласно данным за 2014 г., всего 16% респондентов отмечают невысокий уровень дохода по сравнению с работой в штате как недостаток фриланса. Отсутствие карьерного роста в качестве недостатка также назвали лишь 15% опрошенных. Фактор риска при этом достаточно сильно выражен: 54% отмечают «нестабильность, непредсказуемость будущих доходов»; а «высокие риски, вероятность обмана со стороны заказчика» отметили 34%. Если говорить о социальной защищенности, то в качестве недостатка фриланс-занятости 31% назвали отсутствие социального пакета и социальных гарантий, а также 22% назвали недостатком отсутствие легальных, документально подтвержденных доходов (The Handbook of Research on Freelancing and Self-Employment, 2015).

Рассмотрев как теоретические подходы, так и их применение на результатах эмпирических исследований, однозначного ответа насчет прекарности фрилансеров получить нельзя. Возможно, основным способом разрешить этот вопрос будет целенаправленное изучение отношения самих фрилансеров к их незащищенности, которая присутствует в разных сферах жизни (финансовая нестабильность, незащищенность трудовых прав, отсутствие социальных гарантий и др.), то есть ответ на вопрос, являются фрилансеры прекариатом или нет, лежит не только в объективных условиях занятости, но и в их собственном взгляде на свою трудовую деятельность и последствия нестандартной занятости.

Концептуальная модель и методология исследования

Итак, на основе изученных теоретических и эмпирических источников мы выделили ключевые объективные и субъективные индикаторы социальной незащищенности прекариата (табл. 1), исходя из которых был разработан гайд интервью.

Таблица 1

Индикаторы социальной незащищенности

Индикаторы	Объективная оценка	Субъективная оценка
Финансовая незащищенность	Уровень материального благосостояния	Удовлетворенность материальным благосостоянием
	Уровень заработка	Удовлетворенность заработком
	Уровень нестабильности заработка фриланса	Субъективная оценка нестабильности, отношение к нестабильности
	Доход от фриланса как дополнительный (фриланс как вторая работа)	Оценка необходимости дополнительного дохода
	Зависимость цен на услуги от рыночной конъюнктуры	Ощущение демпинга цен; колебания спроса на услуги; колебания цен
	Необходимость самостоятельного поиска работы (проектов)	Беспокойства по поводу поиска заказов/проектов
Правовая незащищенность	Наличие/отсутствие официального договора	Субъективная оценка рисков при отсутствии официального договора
	Соблюдение авторских прав	Отношение к правовой незащищенности интеллектуального труда

Окончание табл. 1

Индикаторы	Объективная оценка	Субъективная оценка
	Наличие/отсутствие гарантий соблюдения договоренности	Субъективная оценка вероятности обмана со стороны заказчика
	Наличие/отсутствие документально подтвержденной занятости	Оценка неудобства отсутствия официально подтвержденной занятости
	Наличие/отсутствие документально подтвержденного дохода	Оценка последствий/проблем отсутствия официально подтвержденного источника дохода
	Факт выплаты налоговых отчислений	Оценка возможных проблем с законом; удовлетворенность размерами отчислений
	Возможность подтверждения собственной квалификации	Оценка возможных проблем с подтверждением квалификации
	Работа ночью и в выходные/праздничные дни	Отношение к работе ночью и в выходные/праздничные дни
	Возможность взять кредит/ипотеку	Отношение к оформлению кредита/ипотеки
Социальные гарантии	Наличие/отсутствие медицинской страховки	Отношение к наличию/отсутствию медицинской страховки
	Наличие/отсутствие пенсионных отчислений	Отношение к пенсионным выплатам и видение своей жизни на пенсии
	Наличие/отсутствие оплачиваемого отпуска	Отношение к невозможности получить оплачиваемый отпуск
	Наличие/отсутствие социальных выплат, таких как пособие на ребенка и др.	Отношение к наличию/отсутствию социальных выплат
Личное благополучие	Общая трудовая нагрузка (продолжительность рабочей недели)	Удовлетворенность балансом между работой и личной жизнью
	Состояние здоровья	Субъективная оценка здоровья
	Наличие/отсутствие и уровень стресса, тревожности	Отношение к уровню стресса: насколько он зависит от работы, насколько выше, чем был раньше

Для рекрутинга информантов были использованы в первую очередь электронные биржи удаленной работы — такие как freelance.ru, freelancehunt.ru, freelansim.ru, weblancer.net. Столкнувшись с низкой долей ответов, мы прибегли к рекруту информантов методом снежного кома — через социальные сети (такие как «ВКонтакте», Facebook и Instagram), а также через прямые просьбы и обращения к знакомым. Приблизительно половину информантов мы рекрутировали именно благодаря данному методу. Кроме того, некоторые информанты делились контактами коллег, готовых дать интервью — таким образом нам удалось реализовать планируемый рекрутинг. Все интервью проводились в формате онлайн-беседы, с помощью сервиса Skype. Продолжительность наиболее короткого интервью составляет 20 минут, а наиболее долгого — 1 ч. 30 мин.

В процессе полевого этапа были проведено интервью с 21 информантом, из которых 14 являются «чистыми» фрилансерами, шесть — «совместителями»-фрилансерами и один — студентом-фрилансером. Возраст самого молодого информанта составил 21 год, а верхняя возрастная граница составила 48 лет. Были опрошены специалисты таких сфер, как интернет-маркетинг, программирование (в том числе веб-программирование), копирайтинг, контент-менеджмент, перевод с иностранных языков, разработка сценариев для презентаций, видеомонтаж, иллюстрирование и веб-, графический и другие разновидности дизайна.

Для анализа полученные результаты были рассмотрены в матрице «субъективная оценка — наличие объективных факторов незащищенности», показывающей наличие или отсутствие незащищенности в каждой из сфер прекарности — финансовую, правовую и социального благополучия. В каждом высказывании информантов об их незащищенности можно наблюдать наличие либо отсутствие субъективных и объективных признаков прекарности. Матрица позволяет выявить и показать степень выраженности незащищенности в субъективных оценках. Под наличием объективных факторов прекарности подразумевается, что информант говорит об отсутствии «видимых» аспектов незащищенности, а под субъективной оценкой — его личное восприятие своего положения в данной сфере как прекарного или нет. Графа «+» означает наличие признаков защищенности в высказывании, а «-» — признаков незащищенности.

Таблица 2

Матрица типов социальной незащищенности

Критерии		Субъективное восприятие	
		–	+
Наличие объективных факторов незащищенности	–	Абсолютная социальная незащищенность	Незащищенность в объективном выражении
	+	Незащищенность в субъективном выражении	Абсолютная социальная защищенность

Типы социальной незащищенности

Финансовая незащищенность.

По субъективной оценке заработка можно наблюдать, что большинство опрошенных фрилансеров оценивают свой заработок как нестабильный вследствие непостоянного потока заказов (их сезонности), а также из-за особенности рыночной ситуации в стране.

«Из-за специфики работы — в какие-то месяцы я им удовлетворена, а в какие-то нет... в какой-то месяц... будет много работы, и будет, там... много денег, грубо говоря» (ж., 26).

Что касается преодоления ощущения нестабильности, в качестве основного метода можно выделить наработку клиентской базы и уменьшение «сезонности» потока заказов, что, исходя из имеющихся у нас данных, получается лишь у фрилансеров-профессионалов, работающих в таком виде занятости и на рынке в целом больше пяти лет. Стабильнее всех свое положение оценивают фрилансеры, работающие с несколькими постоянными клиентами. В этой ситуации можно наблюдать функционирование «укорененных связей»: при долгосрочном сотрудничестве у фрилансера не только всегда есть заказы, но и клиент более лоялен к нуждам удаленного работника, подстраивается под его образ жизни и легче идет на уступки, когда, например, фрилансеру нужно срочно уехать. Что касается удовлетворенности объемами заработка, то в целом наибольшую удовлетворенность демонстрируют те, кто зарегистрировал себя в качестве индивидуального предпринимателя, и работники, имеющие постоянных клиентов, хотя и отмечают, что хотели бы больше:

«В плане жизнеобеспечения меня оно устраивает, но в плане перспектив я заинтересован постепенно повышать оплату своей работы, потому что я развиваюсь, развиваются навыки» (м., 23).

Те, кто неудовлетворен заработком, пришли в сферу фриланса недавно и еще не успели «закрепиться», зарекомендовать себя. Некоторые связывают недостаток в заработке с низкой платежеспособностью клиента, со спецификой отрасли. В итоге наибольший рост стабильности дает ощущение востребованности на рынке, что мотивирует работать, искать заказы.

«Но общее ухудшение не только у меня, да, потому что просела вся наша вот эта дизайнерская ниша, просто неплатежеспособен клиент стал» (ж., 44).

Проанализировав выраженность прекарности в аспекте финансовой незащищенности, мы пришли к пониманию того, что стабильность заказов далеко не всегда гарантирует удовлетворенность объемами заработка, и те, кто решает не останавливаться и развиваться во фрилансе дальше, пытаются «набить руку» в перспективе.

Правовая незащищенность.

При изучении проявлений правовой незащищенности фрилансеров особое внимание было уделено их оценке важности заключения договоров с заказчиками и их подходу к решению проблем с недобросовестными клиентами. Было выявлено пять основных стратегий поведения фрилансеров касательно договоров:

- 1) никогда не заключают договор;
- 2) заключают договор редко или по требованию заказчика;
- 3) никогда не заключают договор, но используют предоплату;
- 4) заключают договор по требованию заказчика и используют предоплату;
- 5) всегда заключают договор.

Большинство фрилансеров не заключают договоров, но обязательно требуют стопроцентную предоплату:

«Но изначально я без аванса, естественно, не работаю» (ж., 22).

Это дает гарантии соблюдения договоренностей, однако они все равно относятся к заказчикам с осторожностью. Исключение составляют постоянные клиенты, в добросовестности которых есть твердая уверенность. Защищать свои интересы в суде никто не испытывает желания, однако опытные фрилансеры выражают уверенность в том, что при необходимости и в случае большого финансового ущерба обязательно пойдут в суд:

«Но сейчас уже, условно говоря, не кидают, потому что это крайне невыгодно, я могу пойти в суд, совершенно спокойно я найду человека, который будет судиться, любая прекрасная организация, она замечательно понимает, что такое суд» (ж., 48).

Таким образом, можно говорить, что субъективная прекарность проявляется в опасениях насчет несоблюдения устных договоренностей, однако отсутствие договоров не было отмечено причиной какого-либо большого дискомфорта, связанного с незащищенностью. К тому же системы оценивания и рейтингов клиентов на биржах дают некоторую уверенность в заказчиках. Те, кто давно занимается фрилансом, говорят, что развили «чутье» на клиентов и могут по формулировке заказа, пользовательскому профилю на бирже и манере общения определить, надежен ли клиент.

Личное благополучие.

Если говорить в целом, то основными причинами ощущения нагрузки фрилансеры называют невозможность четко и единообразно выстроить рабочий график, организовать свое время; нехватку свободного времени на себя, свои интересы; нехватку времени для того, чтобы проводить его с близкими людьми. Тем не менее объем работы и необходимость работать в вечернее или ночное время, а также в официальные выходные и праздничные дни,

не связаны напрямую с субъективным ощущением загруженности и дискомфорта от работы.

Многих наших информантов удовлетворяют данные особенности рабочего графика и не провоцируют ощущения усталости или недовольства. Что касается эмоциональной усталости, то информанты в основном связывают ее с общением с заказчиками — согласованием деталей работы, корректировками, обманом и мошенничеством со стороны заказчиков. Помимо отношений с заказчиками фрилансеры отмечают следующие причины эмоциональной неудовлетворенности:

- 1) монотонная работа или неинтересные проекты;
- 2) необходимость выполнять работу в сжатые сроки;
- 3) отсутствие гарантий и невозможность распределения ответственности;
- 4) ненормированный график и большое количество проектов.

В данной категории субъективная неудовлетворенность оказалась наименее выражена по сравнению с предыдущими. Информанты связывают сильную эмоциональную усталость со стрессом от необходимости выполнять проекты в сжатые сроки:

«Иногда, когда какие-то сроки были, я, конечно, как-то торопилась, нервничала, и вот в основном вот в этом был мой, так скажем, напруг» (ж., 32).

Именно эмоциональная усталость отмечается как основная причина перехода с совместительства на официальную полную занятость без фриланс-подработки. Среди факторов, являющихся преградой к ощущению личного благополучия, фрилансеры называли необходимость подстраиваться под время заказчика, недостаток социальной вовлеченности и чувства командной включенности в общий процесс. Однако подобные неудобства хорошо компенсировались высоким уровнем заработка и выработыванием стратегии, с помощью которой работникам получалось приспособиться к подобным особенностям удаленной занятости.

Вариант стратегии смягчения незащищенного положения, встречающийся среди наших информантов, — это компенсация недостатка социальных гарантий за счет высокой рабочей нагрузки в ущерб субъективному благополучию. С одной стороны, информанты объективно имеют высокую рабочую нагрузку (необходимость работать сверхурочно, в том числе по ночам, в выходные и в течение отпуска) и сами отмечают нехватку свободного времени на себя и близких:

«Если там срочный проект есть или срочные заказы, которые надо срочно выполнить, то с этим уже проблемы есть, потому что распределить время в этом случае очень сложно. Ну, к примеру, я почти 16 часов в день работаю» (м., 25).

С другой стороны, именно это позволяет им легче относиться к отсутствию социальных гарантий — информанты отмечают, что их не беспокоит

отсутствие социальных выплат, пенсионных отчислений и оплачиваемого больничного. Причиной этого, возможно, является отношение к фрилансу в контексте дальнейшего развития карьеры при условии данной незащищенности: например, опытные фрилансеры с многолетним стажем работы собираются открыть свою компанию, оформить ИП и продолжать работу уже в статусе предпринимателя. Информанты, чувствующие максимальную удовлетворенность в плане личного благополучия, считают, что свободное от офиса время, которое дает удаленный график, позволяет им самореализовываться в хобби, творчестве и в семье.

Социальные гарантии.

Обратимся к рассмотрению социальных гарантий фрилансеров. Большинство информантов не выказывали сильную напряженность из-за отсутствия объективных аспектов защищенности, хотя гипотетически полагали, что пенсионные отчисления и медицинская страховка решили бы их многие мелкие проблемы. Те, кто высказал субъективную неудовлетворенность уровнем социальных гарантий, были готовы к тому, что окажутся в таком положении, но субъективная удовлетворенность другими аспектами работы имеет на таких информантов большее влияние. Многие опытные фрилансеры в интервью высказали отсутствие интереса к планированию пенсии и получению социальных выплат в целом, отвечая, что пока не думают об этом. Пенсионный возраст видится новой ступенью в развитии карьеры, когда совокупный профессиональный опыт накопился настолько, что позволяет зарабатывать еще больше, чем в трудоспособном возрасте:

«Я не планирую бросать работу фриланса, то есть то, чем я занимаюсь, я думаю, будет кормить меня всю жизнь» (м., 34).

Информанты, оформившие ИП и удовлетворенные своим заработком, выражают разочарование и недоверие государственным социальным гарантиям, в частности, уровню медицинского обслуживания, и надеются только на свои силы и накопления:

«Во фрилансе такого ничего нет, ты сам себе зарабатываешь и на пенсию, и на медицину. Хотел бы я или нет? Ну, это, опять же, философский вопрос. Я не верю медицине и врачам, поэтому я бы не хотел» (м., 36).

«К тому времени, как я пойду на пенсию, у меня уже будет достаточно много недвижимости, чтобы я мог не надеяться на государство по части пенсионного обеспечения. То есть я надеюсь на себя» (м., 26).

Таким образом, отсутствие социальных гарантий может не рассматриваться фриланс-работниками как проблема в силу их молодости и «отдаленности» пенсионного возраста, а также проблем со здоровьем, с которыми никто пока еще не столкнулся. Аргументируя свою позицию критикой государственных

программ социальной поддержки граждан, работники демонстрируют, что рассчитывают во всех вопросах только на себя, однако никто, за исключением владельцев ИП, пока что в реальности не заботится о накоплениях.

Заключение

В то время как изученные нами теории и исследования в основном относили фрилансеров либо к прекариату, либо к мелким предпринимателям (самозанятым), в нашей работе мы пришли к выводу, что все выявленные ранее индикаторы прекарности и защищенности должны рассматриваться вместе. Сравнение объективных и субъективных параметров прекарности позволило по-новому посмотреть на место фрилансеров в социальном поле и продемонстрировать, что объективное наличие признаков незащищенности не гарантирует наличие субъективной неудовлетворенности. Мы представляем себе прекарность как некоторую шкалу от 0 до максимального значения параметров незащищенности, на которой фриланс-работники могут располагаться неравномерно, в зависимости от целого ряда условий и их индивидуальных характеристик.

Итак, рассмотрев субъективные и объективные показатели незащищенности в финансовой, правовой, социальной сферах и в отношении личного благополучия, мы можем говорить о недостаточности бинарной шкалы «прекарий — свободный агент» для измерения социальной незащищенности. Выведенная новая шкала свидетельствует о куда более сложной многоаспектной типологии. Каждый человек может быть более или менее прекарным в зависимости от сферы проявления незащищенности. Нельзя однозначно относить того или иного фрилансера к классу прекариев или к «свободным агентам», потому что социальная незащищенность может проявляться в нескольких сферах одновременно или же ни в одной. Таким образом, результаты исследования представляют составление альтернативной шкалы прекарности, в которой социальная незащищенность неоднородна и раскладывается на несколько сфер. Данная шкала позволяет глубже изучить конфигурацию различных факторов в каждой сфере незащищенности и не может быть сведена к единой формуле ввиду многообразия проявлений прекарности и разных способов приспособления фрилансеров к ней. Многообразность проявления незащищенности и различия в ее интенсивности для каждого кейса подтверждают уникальность карьерного пути каждого информанта.

Литература

- Бауман З. Индивидуализированное общество / Пер. с англ. под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Логос. 2005.
- Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М.: Прогресс-Традиция. 2000.
- Вишневская Н. Самозанятость в переходных экономиках // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 10. С. 58–67.

- Вязникова В.* Особенности трудовых взаимоотношений между российскими IT-фрилансерами и заказчиками их услуг // Экономическая социология. 2008. М: ГУ-ВШЭ. Т. 9. № 1. С. 88–113.
- Гасюкова Е.* Прекаризация: концептуальные основания, факторы и оценки. Мир и Россия // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2015. Т. 8. № 6. С. 28–46.
- Пинк Д.* Нация свободных агентов: как новые независимые работники меняют жизнь Америки. Москва: Секрет фирмы. 2005.
- Сизова И., Леонова Л., Хензе А.* Прекаритет занятости и доходов в России и Германии: самовосприятие наемными работниками // Экономическая социология. 2015. Т. 18. № 4. С. 14–60.
- Стребков Д., Шевчук А.* Трудовые траектории самозанятых профессионалов (фрилансеров) // Мир России: Социология, этнология. 2015. Т. 24. № 1. С. 72–100.
- Стребков Д., Шевчук А., Спирина М.* Развитие русскоязычного рынка удаленной работы, 2009–2014 гг. (по результатам Переписи фрилансеров). М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015.
- Стэндинг Г.* Прекариат: новый опасный класс. М.: Ад Маргинем Пресс. 2014.
- Хэнди Ч.* Время безрассудства / Пер. с англ. под ред. Ю. Н. Каптуревского. СПб: Питер. 2001.
- Barley S., Kunda G.* Contracting: A New Form of Professional Practice // Academy of Management perspectives. 2006. Т. 20. № 1. P. 45–66.
- Borghi P., Cavalca G., Fellini I.* Dimensions of precariousness: independent professionals between market risks and entrapment in poor occupational careers // Work organisation, labour & globalization. 2016. Vol. 10. No 2. P. 50–56.
- Broughton A.* et al. Precarious Employment in Europe. Brussels: European Parliament. 2016.
- Burke A.* (ed.) The Hand of Research on Freelancing and Self-Employment. Dublin: Senate Hall Academic Publishing. 2015.
- Kalleberg A.* Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition // American Sociological Review. 2009. Vol. 74. No 1. P. 1–22.
- Malone T., Laubacher R.* The Dawn of the E-Lance Economy // Harvard Business Review. 1998. Vol. 76. No. 5. P. 144–152.
- Mckeown T.* Non-standard employment: When even the elite are precarious // The journal of industrial relations. 2005. Vol. 47. No. 3. P. 276–293.
- Murgia A., Maestripieri L., Armano E.* The precariousness of knowledge workers: hybridisation, self-employment and subjectification // Work organisation, labour & globalization. 2017. Vol. 10. № 2. P. 1–8.

Дата поступления: 13.05.2019

Social insecurity of freelance workers: objective position and subjective perception

DOI: 10.19181/inter.2019.19.4

Galina Karpova, Anastasiya Ubogova, Anna Fedoseeva

Karpova Galina – masters student at CEU, karp141@yandex.ru.

Ubogova Anastasiya – graduated student at National Research University Higher School of Economics, asya.ubogova@yandex.ru.

Fedoseeva Anna – graduated student at National Research University Higher School of Economics, kavashko@gmail.com.

This article is devoted to the social vulnerability of freelance workers and the way it is represented in different dimensions of precariousness. According to the previous studies, we identified the categories of social insurance (financial, juridical, lack of social guarantees

and lack of personal well-being) and the most common indicators within each. We conducted a qualitative research using in-depth semi-formal interviews with 21 employees older than 18 years, who are engaged in freelancing at the moment or had such experience in the last couple of years. The number of informants included employees for whom freelance is one of the main sources of income for at least one year. During the interview, the informants were speaking about the subjective assessment of social precariousness and also answered to some questions aimed at identifying the objective features of the precarious situation in employment status. In the analysis of subjective assessments of social precariousness, it was revealed that informants cannot be divided into categories according to the degree of precariousness, because they can experience social vulnerability in one or several areas at the same time. According to the results of the study, we propose to consider precariousness as a certain scale from 0 to the maximum value of the insecurity parameters. This approach will take into account the importance of subjective assessment of freelancers' position, while the dichotomy "precarariat — free agent", which is mostly shared by researchers, does not consider the complexity of this social phenomenon.

Keywords: dimensions of precariousness; freelance workers; remote employment; precariat; self-employment.

References

- Barley S., Kunda G. (2006) Contracting: A New Form of Professional Practice. *Academy of Management perspectives*. Vol. 20. No 1. P. 45–66.
- Bauman Z. (2005) *Individualizirovannoe obshchestvo* [Individualised society]. M.: Logos. (In Russ.)
- Beck U. (2000) *Obshchestvo riska. Na puti k modernu*. [Risk society. Towards a new modernity]. M.: Progress-Traditsiya. (In Russ.)
- Borghi P., Cavalca G., Fellini I. (2016) Dimensions of precariousness: independent professionals between market risks and entrapment in poor occupational careers. *Work organisation, labour & globalization*. Vol. 10. No 2. P. 50–56.
- Broughton A. (2016) *Precarious Employment in Europe*. Brussels: European Parliament.
- Burke A. (ed.) (2015) *The Handbook of Research on Freelancing and Self-Employment*. Dublin: Senate Hall Academic Publishing.
- Gasyukova E. (2015) Precariousness: conceptualizing reasons, factors, and assessments. *World and Russia. Problemnyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem analysis and public administration design]. Vol. 8. No 6. P. 28–46. (In Russ.)
- Handy Ch. (2001) *Vremya bezrassudstva* [The Time of Mindless]. SPb: Piter. (In Russ.)
- Kalleberg A. (2009) Precarious Work, Insecure Workers: Employment Relations in Transition. *American Sociological Review*. Vol. 74. No 1. P. 1–22.
- Malone T., Laubacher R. (1998) The Dawn of the E-Lance Economy. *Harvard Business Review*. Vol. 76. No 5. P. 144–152.
- Mckeown T. (2005) Non-standard employment: When even the elite are precarious. *The journal of industrial relations*. Vol. 47. No 3. P. 276–293.
- Murgia A., Maestriperi L., Armano E. (2017) The precariousness of knowledge workers: hybridisation, self-employment and subjectification. *Work organisation, labour & globalization*. Vol. 10. No. 2. P. 1–8.
- Pink D. (2005). *Natsuya svobodnuh agentov: kak novye nezavisimye rabotniki men'ayut zhizn' Ameriki* [Nation of free agents: how new independent workers change the American life]. M.: Sekret firmy. (In Russ.)
- Sizova I., Leonova L., Henze A. (2015) Precariousness of employment and incomes in Russia and Germany: self-perception by the employees. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economical Sociology]. Vol. 18. No 4. P. 14–60.
- Standing G. (2014) *Precariat: the new dangerous class*. M.: Ad Marginem Press.

Strebkov D., Shevchuk A. (2015) Labor trajectories of self-employed professionals (freelancers). *Mir Rossii: Sociologiya, etnologiya* [World of Russia]. Vol. 24. No 1. P. 72–100. (In Russ.)

Strebkov D., Shevchuk A., Spirina M. (2015) *Razvitie russkoyazychnogo rynka udalennoy raboty, 2009–2014 gg. (po rezul'tatam perepisi frilanserov)* [Development of the Russian work in distance market, 2009–2014 y. (results of freelancers' census)]. M.: Izd. Dom Vyshej Shkoly Ekonomiki. (In Russ.)

Vishnevskaya N. (2013) Self-employment in developing economies. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World economy and international relations]. No 10. P. 58–67. (In Russ.)

Vyaznikova V. (2008) Features of labor relations between Russian IT freelancers and customers of their services. *Ekonomicheskaya sociologiya* [Economical Sociology]. Vol. 9. No 1. P. 88–113. (In Russ.)

Received at: 13.05.2019

The Label of a City as an Element of the Knowledge Economy: The Case of the “City of Science”, Darmstadt

DOI: 10.19181/inter.2019.19.5

Iuliia Eremenko*

Many cities all around the world have an official label of or call themselves “City of Science”. Marketing studies have shown the influence of this label on the level of attractiveness of this territory for national and international investors. However, these studies do not explain the reasons for the desire to acquire such a label if the city has the opportunity to qualify for a label associated with the tourism industry. The article considers a city’s image as a construction created in the conditions of competition between cities in the financial market and shows what resources are used by urban marketing to create an image of an ideal place for scientific activity. In this article, we look into the example of the German “City of Science” – Darmstadt. The study is based on a series of semi-structured interviews with experts in urban history and city development: representatives of scientific organizations, local politicians, urban activists and supervisors involved in the adaptation of students. Furthermore, a qualitative analysis of the contents of booklets and brochures which describe the city and are produced by the local administration was used. Based on this material, Darmstadt’s representations as a “City of Science” in marketing publications and Darmstadt’s citizens’ daily perception are analyzed. The result of the study was a statement of the unequal representation of Darmstadt’s image for an external consumer, based on the “City of Science” label, and the material space and Darmstadt’s perception by its inhabitants, for whom social interaction on a district and scientific organization level is the decisive factor for labelling the city.

Keywords: label; City of Science; local communities; case-study; knowledge economy; Germany

Introduction

Nowadays, a unique urban culture is used for profit. Not only is the culture of the past sold, but also the architectural and historical heritage created by previous generations, but also the culture that is produced here and now. This is

* Eremenko Iuliia — Junior Researcher at SI RAS – FCTAS RAS; PhD Student at Saint-Petersburg State University and University of Bamberg (Germany), eremenko.iuliia@gmail.com.

called the creative industries, which are, on the one hand, art, and on the other, science and high technology (Florida 2002). Developing modern technology and attracting scientific staff becomes an essential task for cities in the era of deindustrialization, since scientific activities today can be a primary economic source. Cities used to be a center of industry and, therefore, were economically successful. Then they became centers of service, which allowed them to remain commercially successful. However, this is no longer enough, as industry has moved away from cities to the periphery or to countries where it is cheaper to produce products. In its turn, the service sector no longer satisfies public demand. At this point, a knowledge economy emerges, which extracts the primary resources from the production of non-material content: ideas, technologies, etc. (e.g. Powell, Snellman, 2004; Brinkley, 2006; Lüthi, Thierstein, Bentlage, 2013). In this regard, it becomes clear why the concentration of scientists and technologies in cities becomes such an important task, as they are resources for this new knowledge economy. At the same time, it is not clear why several cities need the official label of "City of Science" (in the future CSL). Is this label just a form of stating the fact that this city is developing in the logic of the knowledge economy, or this status a unique tool that provides specific reputation resources? If it is a tool, what audiences is it intended for? While it can be assumed that this is one of the tools to attract tourists, thus a kind of symbolic capital, which is converted into economic capital at the expense of the tourism industry, this tool allows for attracting even more scientists. Therefore, this status is an official confirmation that the city is conditionally "scholarly friendly" with a broad base for scientific contacts and the necessary equipment.

This article will attempt to answer these questions. This research will look at the intended audience of the CSL and for what reasons the CSL is used by various actors. For the present study, the case of Darmstadt city was chosen. Darmstadt is a part of the Rhine-Main-Neckar metropolitan area, close to Frankfurt, one of the largest administrative, political, and economic centers of Germany; nevertheless, the city has preserved strong urban identity. The materials for the study are semi-structured interviews with experts in the field.

Further in the article, the main theoretical approaches to the analysis of the impact of the special status of cities on the cities will be analyzed. Then, empirical analyses will be employed to find the main actors influencing the label, with a final look at the influence of the label on attracting tourists and researchers.

Although place marketing has been taking place since colonial times, when governments attempted to convince people to move to newly conquered territories (Gold, 1994). The local city-forming industry model of the 19th century has died, and with it, urban settlements also fell into decay. Global business is no longer tied to a specific place (Bauman, 1998), and therefore easily removes all social responsibility. Nowadays, the restructuring of industrial cities into post-industrial ones has forced cities to implement ambitious reimagining strategies to appeal to a variety of external audiences: investors, immigrants and tourists etc. (e.g. Ashworth, Voogd 1990; Avraham, 2002; Holcomb, 1994).

Many cities around the world are attempting to acquire a distinctive “face of the city” (Andereck, Nyaupane, 2011; Lindner, 2010: 44–45), to construct its identity and the structures of its logic (Löw, 2010: 13–14). Many previous studies are devoted to the influence of the tourist brand on the city (e.g. Andereck, Nyaupane, 2011; Gursoy, Chi, Dyer, 2010). Many of them have conceptualized residents’ attitudes towards tourism by measuring their attitudes to the impacts of the industry (e.g. Andereck, Vogt 2000; Huh, Vogt 2008). Proponents argue that tourism is a labor intensive sector that carries a low capital cost of job creation, spurs economic development, improves a city’s built environment, and enhances leisure provision for residents (Shaw, Williams, 1994).

Materials and Methods

The choice of Darmstadt as an example of the effect of the “City of science” status is not accidental. When choosing the object of study, three crucial characteristics were taken into account. The first, as noted earlier, is that despite being close to an important economic center such as Frankfurt, Darmstadt has retained its strong local identity. Another vital feature that influenced the choice of this case is that this city received the status officially from the administration of its territorial union (land), thus, this is not an informal self-designation, as in the cases of other cities. Also, Darmstadt is a medium-sized city in Germany, and the policy implemented in it does not change depending on the area of the town, as happens in large cities.

Empirically, this study uses a qualitative approach as it is concerned with producing detailed descriptions of particular phenomena. A guide was developed for the semi-structured interviews with experts in the field. The study is based on a series of semi-structured interviews with experts in urban history, city development and placemaking from Darmstadt: (1) representatives of scientific organizations, (2) local politicians (3) urban activists, (4) supervisors involved in the adaptation of students. The interviews were collected in 2016 and 2019 and the total number of collected interviews amounts to 15. In addition, a qualitative analysis of the content of booklets and brochures describing the city produced by the local administration in the period from 2016 to 2019 was carried out.

Semi-structured interviews with experts were divided into three blocks and lasted from 40 minutes to 2 hours. The first block was common to all the experts and included questions about how long a person lives in Darmstadt, how this city differs from others and what they know about the label “City of Science”, its influence and significance. The second block was devoted to the urban economy and the place of tourism in it. The third block was individual for each expert group and concerned their professional field.

After reviewing the existing literature and conducting interviews, some preliminary open coding was done to “make comparisons of the data to concepts

derived from the literature” (Strauss, Corbin, 1998: 49). The purpose of the open coding was to explore how to conceptualize the details of the data, which consisted of breaking down sentences and fragments into thematic categories. Axial coding also included the continued development of properties and dimensions for the developing categories started in open coding.

A qualitative analysis of the booklets commissioned and distributed by the city administration was also carried out. It considered how the city is described in the tourist booklets and booklets on the city’s infrastructure. This material was necessary to understand the extent to which the label is actually broadcast by the city administration and how the city administration positions the city. The analysis focused on identifying differences in the positioning of the city in tourism booklets and booklets for long-term visitors, such as working or studying in Darmstadt. The frequency of mentions of CSL was evaluated, including the absence of mentions. Furthermore, arguments were analyzed in relation to the mentions of CSL, including any statistical data given. A special category of booklets are those produced by the host organization, most often the Darmstadt Technical University, for visitors to conferences and other scientific events. These materials often duplicate information from Wikipedia and do not differ among themselves in their description of the city.

Actors of Urban Identity Making

What does it mean to be a “City of Science”? This label means that a city has outstanding prospects for research and science on the national and the international level. In a “City of Science”, science is a high-quality economic factor. With its high proportion of employees in sectors of research and science on the job market, such a city adopts a country-wide leading position. This official label (German: Wissenschaftsstadt), which was lent to Darmstadt in 1997 with a certificate by the Hessian Ministry of the Interior, recognizes the value of the city in the areas of science and research. For example, in 2009 the city of Darmstadt had by far the highest share of added value of using cutting-edge technology in knowledge-intensive services (12,7%). This was followed by the Main-Taunus district with a share of 7.2% (Donhauser., 2011: 279–280). Here, as well as in the city of Darmstadt, this can be led back to the economic sector “data processing and databases” (ibid).

Large science and electronics (later information technology) sectors, as well as industry (especially chemicals) became increasingly important, and are still a major part of the city’s economy (Hessisches Statistisches., 2017; Hessisches Statistisches., 2019b). The chemical element “Darmstadtium” (atomic number 110) in Darmstadt (GSI Centre for Heavy Ion Research) was discovered (International Union., 2003).

There are different actors who have effects on a CSL. To designate them all does not seem possible, and the actors are strongly associated with

the specifics of the city. There are several important actors that contribute to this CSL formation in Darmstadt. They differ in access to resources (political, economic, information). The actors distinguished in this case-study of Darmstadt include, first of all, the city administration, educational institutions (universities, technology colleges), and local companies. As a component of Darmstadt's urban identity, the information component of the CSL like a branding strategy is strong, which is supported by city administration, scientific organization like universities and research centers, local companies, student clubs and communities.

The city administration uses almost all available resources (legal and political, economic-budgetary, informational) and consists of a municipal council elected (according to the constitution of the federal state of Hesse) by members of the city assembly of deputies (Stadtverordnetenversammlung), and also from the mayor's office, under the leadership of the mayor (Oberbürgermeister), elected by the citizens of Darmstadt. The key elements of working with the CSL in the case of the administration are decision-making and the implementation of urban adaptation programs for "newcomers" (workers, students and etc.).

Universities and scientific institutes are an important part of urban identity making and have an influence on the CSL.

"It's a very small town in comparison, and I think institutions of education, yes, that's a big part of Darmstadt, because it's a big area where students come to study and it's a huge community" (Administration 2).

The city owes its title of "City of Science" to its University of Technology (founded in 1877), Darmstadt University of Applied Sciences (founded in 1971), Evangelische Hochschule Darmstadt (founded in 1971) and 30 research institutions. 45 thousand students study at the city's universities, which is about a third of all residents. It is very easy to conclude that the decisions taken by the Darmstadt University of Technology (TU) are very important (See, for example, Top Germany University). Universities are not state-owned and have their own budget and it is important for them to attract students.

Another important actor are local companies. The activity of many large organizations is associated with high-tech production, which requires the participation of highly qualified specialists. Successful graduates can immediately get a job after graduation in a company located here in Darmstadt:

"It is advantageous for companies to open offices in Darmstadt as students can take internships with us while they are still studying at the University" (Business 1).

In addition, there are student clubs and communities in Darmstadt that do not belong to any University. These clubs bring together students and scientists from different organizations within the city:

“And we are partners for the TU and for the other universities located in Darmstadt. And we work with them. Together with them. We also have cooperation with different parts of the university. For example in the Institute Darmstadt” (Supervisor 1).

They also organize their own events for the students of all the educational institutions of the city. These activities are aimed at improving communication between the representatives of different countries and to explore the city. They are funded through the universities' partners and various grants.

“City of Science” as a touristic label

At the end of the 20th century, a new type of consumer emerged in the world, the “global tourist” who travels the world in groups or alone, fills the centers of historic cities and becomes part of the city itself (Ptichnikova, 2010). Tourists become another group in the urban environment influenced by the label. Depending on the label, tourists, even if they do not come to the city, are shaped by their expectations and the kind of leisure they may find.

For attracting tourists, Darmstadt has something to show, even though the city was severely damaged during the Second World War. The destruction is one of the reasons why nowadays, Darmstadt is one of the centers of modern architecture (Photo 1). Not only are the buildings of scientific centers and higher educational institutions of architectural value, but also residential buildings. Despite this, the buildings not destroyed in the Second World War are preserved by the city administration:

“The city administration, I think, carefully maintain the order in the city, it supports and takes care of objects that were erected after the Second World War. There is a number of high-quality restoration work there. This work is visible for everyone in the city” (Politician 1).

However, the purpose of this restoration is not to attract tourists, but to create recreation areas, aesthetically pleasing to the locals. One of these is the area around the Orthodox Church, which is positioned in the brochures of the city administration not as a religious building, but as an area with fountains and gazebos, where you can spend time in view of a beautiful architectural structure.

Analyses show that not all residents want their city to be popular among tourists. Tourism has a negative impact on traditional employment patterns (Haralambopoulos, Pizam, 1996). As a result, residents often oppose tourism as an economic development strategy. This is confirmed by a number of other studies (e.g. Petrzela et al., 2006; Smith, Krannich, 1998).

Despite the fact that Darmstadt is not trying to attract tourists on a regular basis, the city has special events, often referred to as “hallmark events”, to improve place image (Nielsen, 2001). The main “hallmark events” are related to the scientific sphere: conferences, forums, etc. However, it is not true that tourists do not

Photo 1. Residential complex by Austrian Friedensreich Hundertwasser "Waldspirale" ("Forest Spiral"). Source: Luliia Eremenko.

come to the city and that there are no entertainment activities that would be interesting for tourists.

The image of the city of science is connected to the fact that it is opposed to noisy cities filled *with tourists*:

"If you want to work in peace, you need to be able to rest in peace. Darmstadt is a really good place for it" (Member of Scientific organization 1).

"There are no crowds of tourists. No one bothers you to walk around the city and enjoy the silence" (Politician 4).

Tourists are seen here as something that brings noise and changes the quiet life of the city:

"No one wants foreign tourists yelling at their windows" (Urban activist 3).

Usually experts oppose tourist flows in Frankfurt and Darmstadt:

"Darmstadt and Frankfurt are really different. Because Frankfurt is such a financial area. A lot of tourists, and people in general, in Darmstadt it is much quieter and safer" (Member of Scientific organization 2).

The city administration produces brochures and booklets that can be divided into two categories: (1) for visitors of the city and (2) for investors and future residents. Best of all, the first category describes the name of the main city tour developed by the city administration — “Darmstadt at a glance”. The tourist attractions of Darmstadt, as shown by this tour, can be viewed in a few hours. The underlying message of booklets and the tourist page of the city portal are made on modern technologies, so it is possible to see the city center thanks to a particular program from home and to receive a portable charger from the tourist center, which is useful, because a description of all the attractions can be found in a particular application for mobile phones.

There are different entertainment events in Darmstadt. They are attended not only by citizens but also by participants from all over Germany. The major city event is called Heinerfest (Photo 2). The name of the event refers to how the residents of the city call themselves:

“I know some city residents who call themselves Heiners. This is because they have Heinerfest festival. Residents of Darmstadt in their everyday lives name themselves Heiners” (Urban activist 1).

This is a way of self-identification of citizens, their desire to show their connection with the city.

In general, the CSL prioritizes visitors from the scientific community over tourists, i.e. people who come to scientific conferences and other events with a high rating organized by institutions and companies. Such visitors are perceived positively in the city, as they are considered as those who contribute to the development of science and the city as a whole:

“Scientists and specialists who come bring new ideas that can be developed in the future in our institute too” (Member of Scientific organization 2).

The city administration believes that this label makes tourists understand that in Darmstadt they are not the main actors:

“If you look where to go for the weekend, seeing our label you will think that Darmstadt is a boring place and maybe you prefer some other places to visit. However, if you are scientists, you will probably be interested to know what institutions and companies we have in Darmstadt” (Politician 4).

Locals react differently to the emergence of “global tourists” on their streets. Some see them as a means for the economic development of the city, while others see them as a hindrance. In the case of Darmstadt, the CSL is a protective mechanism against “global tourists” who, according to residents, disrupt the measured urban life focused on the needs of researchers.

Photo 2. Heinerfest 2016. Darmstadt, Marion-Gräfin-Dönhoff-Platz. Source: Iuliia Eremenko.

Scientists in the “City of Science”: the image of a local resident

Cities of science are based on three main principles: dynamism, innovation, and future orientation. This status does not merely imply the existence of universities, academies, and higher education institutions with a practical orientation, but has a lively scientific community and means a city full of creative and clever minds, and it wants to remain this way in the future. These goals are based on a study by the OECD, the Organization for Economic Cooperation and Development, which predicts that in ten years' time about 40% of all jobs will require scientific and technological training. One of the main differences from such cities as Oxford and Cambridge can be called the priority of innovation over tradition:

“Darmstadt has been badly damaged. The city was almost gone. However, this has given us the opportunity not to look back on tradition, as ancient cities do. We can implement new projects at once” (Urban activist 2).

The status of a city of science is an additional incentive to develop perceptions and stimulate dialogue between urban society and its scientists on how people want to live in the future. Promoting talented people, as well as technology and research, provide a decisive foundation for achieving this goal.

Darmstadt is positioned by city administration as a place for life and productive work for scientists:

“Our citizens are mainly included in the world of science. If not directly, then thanks to their partners, neighbors, colleagues, etc.” (Politician 1).

Also in describing the local population, the administration uses such terms as creative and intelligent both in interviews and in printed materials. Indeed, if you look at the study conducted by Fritsch and Stuetzer, the population of the city can be called creative (on the Photo 3, the territory of Darmstadt is marked in red.).

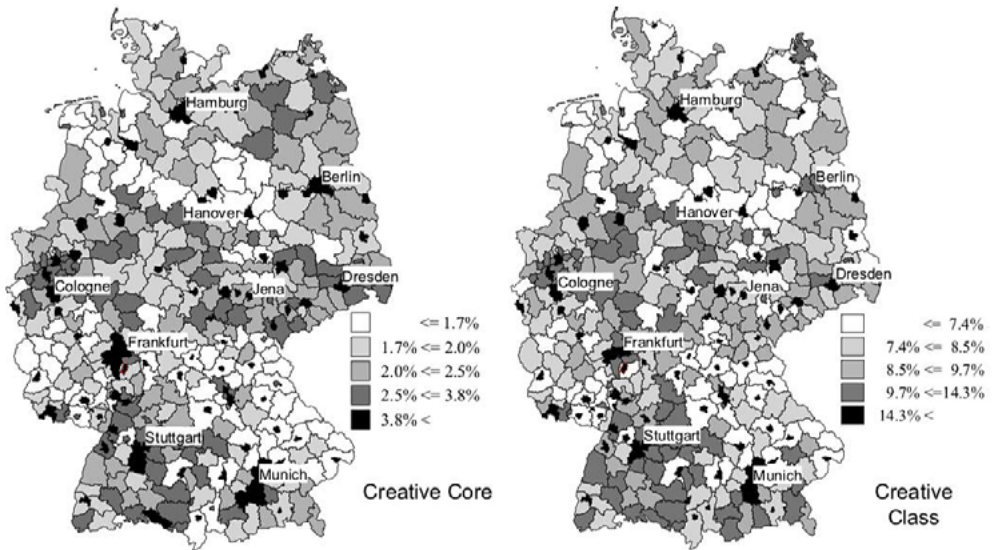

Photo 3. Population share of Creative Core and Creative Class in German districts 2004. Source: (Fritsch M., Stuetzer M., 2009).

One of the functions of the label in Darmstadt is to be an instrument of retention due to which the best professionals after graduation would have stayed here to live and work. Experts say that the city needs qualified workers. This is true not only in the science industry, but also for regular city life maintenance. There is a major educational center in Darmstadt.

“In these vocational schools are trained not only migrants but also urbanites. It unites them as a University to be included in the life of the city. This work is not considered prestigious. After graduation, they get good money. It helps the economic development of the town” (Politician 2).

The residents call Darmstadt “a small city” (“*Eine kleine Grossstadt*” (*Urban activist 1*)), as a place where there are all the advantages of a big city, such as supermarkets, cinemas, stadiums, but there are not so many people on the street as in large cities. The very close ties of the city with such a center of the country’s political and economic life as Frankfurt has the most important influence on self-identity, because during the interviews almost everyone

has made a comparison of Darmstadt to Frankfurt. For example, in discussing the aesthetic aspect of the city, one expert makes an explicit comparison with Frankfurt:

“I think that in big cities like Frankfurt there are many new skyscrapers. Probably, these buildings in the city center change the perception of the city and the city’s identity. The central part is not an ancient one and it is getting more modern these days. Maybe it should happen this way, but from the point of view of the old city center, the city and space are changing dramatically. Because there are not so many big buildings” (Supervisor 1).

The CSL is an indicator showing that this city is for those who are engaged in science. The administration uses data on the number of immigrants as an argument. The leading case is that the city already has many immigrants, and their number is growing, so the international level of the scientific community is growing in turn. The city administration broadcasts through the official website the image of a tolerant city: “Since 1998, the city of science has been a city of immigrants. On 31 December 2014 the population of Darmstadt was 154,002 inhabitants and rising”. (Wissenschaftsstadt Darmstadt, 2017). Today, there are almost 160,000 inhabitants. (Hessisches Statistisches..., 2019a). The city administration considers it essential to emphasize through this label that the city already has a formed scientific community and that new people, if they are from the world of science, will find it easier to integrate into an intercultural community consisting not only of Germans but also of representatives of other countries:

“We show by this status in a brief form that it is an international scientific center” (Politician 2).

“We have many foreigners. The status of the city of science unites us all” (Supervisor 2).

The possibility of learning from other members of the city community plays an important part in Darmstadt as a City of Science:

“We are constantly learning here. At work, on courses, even on the bus, you can learn something new” (Urban activist 3).

Supposedly, this may have a similar rationale to the label’s influence on participation in local communities. A number of scientists have also found that such a concentration around a particular label is associated with major motivations to interact with a community, whose members participate in the exchange of knowledge (Fournier et al., 2001; Dholakia, Bagozzi, Pearo, 2004). In the future, this aspect requires a separate, more detailed study.

Conclusions

The label of “Cities of Science” is a brief description of a city’s development strategy. Urban planning is aimed at the development of the knowledge economy and attracting tourists is not a priority for the local administration in this case. The CSL is not just a statement of the fact that there is a large number of people associated with the scientific industry. Darmstadt has a really large percentage of the population employed in the so-called creative professions, which is one of the factors in the formation of the so-called creative economy. However, this label is a tool that is used to solve certain problems.

The CSL is considered by the city administration, scientific institutions and representatives of local business as a reputation resource. It is not a form of tourist attraction, like other statuses possessed by other cities in Germany, such as World Heritage Cities. Rather, such key actors as the staff of the scientific institutes perceive tourists in a negative way, something that interferes with their daily lives. Perceiving this attitude to tourists, the city administration does not develop a tourist destination, forming the main focus of its activities to create a favorable environment for those who live in the city.

This reputation resource allows you to attract more researchers. The city receives a kind of confirmation that in its territory, scientific activity is considered as the main professional activity, and urban planning is developed with this in mind. Local politicians are aware of the lack of highly qualified personnel and try to create conditions that in the logic of the neoliberal economy will bring them the most significant benefit. In this case, it is the creation of an infrastructure convenient for residents employed in the scientific sphere, followed by large companies and financial investments into the city.

References

- Andereck K. L., Nyaupane G. P. (2011) Exploring the nature of tourism and quality of life perceptions among residents. *Journal of Travel Research*. No 50. P. 248–260.
- Andereck K. L., Vogt C. A. (2000) The relationship between residents’ attitudes toward tourism and tourism development options. *Journal of Travel Research*. No 39. P. 27–36.
- Ashworth G. J., Voogd H. (1990) *Selling the City*. Belhaven Press, London.
- Avraham E. (2002) Cities and their news media images. *Cities*. No 17. P. 363–370.
- Bauman Z. (1998) *Globalization: The human consequences*. Columbia University Press.
- Brinkley I. (2006) *Defining the knowledge economy*. London: The work foundation.
- Dholakia U. M., Bagozzi R. P., Pearo L. K. (2004) A social influence model of consumer participation in network-and small-group-based virtual communities. *International journal of research in marketing*. No 21 (3). P. 241–263.
- Donhauser S. (2011) Wirtschaftsleistung und -strukturen sowie Einkommensverteilung und -umverteilung in den Verwaltungsbezirken Hessens. *Staat und Wirtschaft in Hessen 10/11*.
- Florida R. (2002) *The rise of the creative class*. NY: Basic books.
- Fournier S., Sensiper S., McAlexander J.H., Shouten J.W. (2001) *Building Brand Community on the Harley-Davidson Posse Ride*. Harvard Business School Case, Reprint 501009, Boston.

- Fritsch M., Stuetzer M. (2009) The geography of creative people in Germany. *The International Journal of Foresight and Innovation Policy*. No 5 (1–3). P. 7–23.
- Gold J.R. (1994) Locating the message: place promotion as image communication / In: J.R. Gold, S.V. Ward (eds.) *Place Promotion: The Use of Publicity and Marketing to Sell Towns and Regions*. Chichester, UK: John Wiley & Sons.
- Gursoy D., Chi C. G., Dyer P. (2010) Local's attitudes toward mass and alternative tourism: The case of Sunshine Coast, Australia. *Journal of Travel Research*. No 49 (3). P. 381–394.
- Haralambopoulos N., Pizam A. (1996) Perceived impacts of tourism: The case of Samos. *Annals of Tourism Research*. No 23 (3). P. 503–526.
- Hessisches Statistisches Landesamt (2017) Erwerbstätige (am Arbeitsort) in Hessen 2017 nach Verwaltungsbezirken 2017.
- Hessisches Statistisches Landesamt (2019a) Die Bevölkerung in den hessischen Gemeinden am 31.03.2019 (Ergebnisse auf Basis Zensus 2011).
- Hessisches Statistisches Landesamt (2019b) Erwerbstätige (am Arbeitsort) in Hessen nach Wirtschaftsbereichen 2019.
- Holcomb B. (1994) City make-over: marketing the post-industrial city / In: J.R. Gold, S.V. Ward (eds.) *Place Promotion: The Use of Publicity and Marketing to Sell Towns and Regions*. Chichester, UK: John Wiley & Sons, P. 115–131.
- Huh C., Vogt C.A. (2008) Changes in residents' attitudes toward tourism overtime: A cohort analytical approach. *Journal of Travel Research*. No 46. P. 446–455.
- International Union Of Pure And Applied Chemistry (2003) *Element 110 Is Named Darmstadtium*. *ScienceDaily*. // URL: www.sciencedaily.com/releases/2003/08/030820073330.htm (accessed 19 August 2019).
- Lindberg K., Johnson R.L. (1997) Modeling residents attitudes toward tourism. *Annals of Tourism Research*. No 24 (2). P. 402–424.
- Lindner R. (2010) *Maß und Mitte. Middletown revisited*. In: Schmitt-Lauber B. (Hg.) *Mittelstadt. Urbanes Leben jenseits der Metropole*. Frankfurt am Main: Campus Verlag, P. 37–52.
- Löv M. (2010) *Soziologie der Stadt*. Frankfurt am Main: Suhrkamp.
- Lüthi S., Thierstein A., Bentlage M. (2013) The relational geography of the knowledge economy in Germany: on functional urban hierarchies and localised value chain systems. *Urban Studies*. No 50 (2). P. 276–293.
- Nielsen C. (2001) *Tourism and the Media*. Hospitality Press, Melbourne.
- Petrzelka P., Krannich R. S., Brehm J., Trentelman C. K. (2005) Rural tourism and gendered nuances. *Annals of Tourism Research*. No 32 (4). P. 121–1137.
- Powell W.W., Snellman K. (2004) The knowledge economy. *Annual Review of Sociology*. No 30. P. 199–220.
- Ptichnikova G.A. (2010) Arhitektura i potrebitel: metamorfozi goroda pod vliyaniem globalnogo turizma. *Sotsiologiya goroda*. No 3. P. 10–15. (In Russ.)
- Shaw R., Wong Y. (1989) *Genetic seeds of warfare: evolution, nationalism and patriotism*. Boston: Unwin Hyman.
- Sidhu R. (2009) The “brand name” research university goes global. *Higher Education*. No 57 (2). P. 125–140.
- Smith M., Krannich R. (1998) Tourism dependence and residents attitudes. *Annals of Tourism Research*. No 25 (4). P. 783–801.
- Strauss A., Corbin J. (1998) *Basics of qualitative research* (2nd ed.). Thousand Oaks, CA: Sage.
- Wissenschaftsstadt Darmstadt (2019) *Leben in Darmstadt* // URL: <https://www.darmstadt.de/leben-in-darmstadt/> (accessed 19 August 2019).

Received at: 20.06.2019

Имидж города как элемент экономики знаний: кейс «города науки» Дармштадта

DOI: 10.19181/inter.2019.19.5

Юлия Еременко

Еременко Юлия — младший научный сотрудник СИ РАН - филиала ФНИСЦ РАН; аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета и Университета Бамберга (Германия), eremenko.iuliia@gmail.com.

Многие города по всему миру имеют официальный или неофициальный имидж «города науки» (наукограда). Маркетинговые исследования показывают, что наличие этого имиджа положительно влияет на уровень привлекательности территории для национальных и международных инвесторов. В статье рассматривается имидж города как конструкт, который формируется в условиях конкуренции между городами. На примере немецкого «города науки» Дармштадта показано, какие ресурсы используются городским маркетингом для создания имиджа идеального места для научной деятельности. Статья базируется на материалах авторского исследования, состоящего из серии структурированных интервью со специалистами по истории и развитию города: представителями научных организаций, местными политиками, городскими активистами и руководителями, занимающимися адаптацией студентов. Кроме того, был проведен текстовый анализ содержания буклетов и брошюр о Дармштадте, которые выпускаются местной администрацией. На основе этих материалов анализируются репрезентации Дармштадта и его имиджа «города науки» как в маркетинговых публикациях, так и в повседневном восприятии местных жителей. Автор приходит к выводу о различиях в репрезентациях Дармштадта, основанных на бренде «города науки» и направленных на внешнего потребителя, и физического пространства города, а также восприятия Дармштадта его жителями, для которых повседневные взаимодействия и уровень научных организаций являются ключевыми элементами имиджа города.

Ключевые слова: бренд территории; город науки; местные сообщества; кейс-стади; экономика знаний; Германия

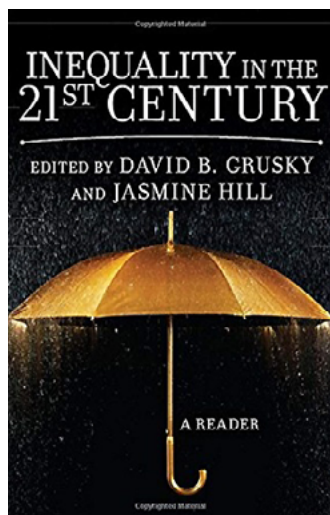
Дата поступления: 20.06.2019

Социальные неравенства: старые формы — новые воплощения?

DOI: 10.19181/inter.2019.19.6

Павел Сушко*

Рецензия на книгу: *Inequality in the 21st Century*. Edited by David B. Grusky and Jasmine Hill. London, New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2018. 488 p. ISBN 9780813350646 (pbk).

Ключевые слова: социальное неравенство; социальный класс; социальная структура; модернизация; бедность; элита; социальный статус

Книга «Неравенство в XXI веке» под редакцией известного американского социолога Дэвида Груски и его коллеги Жасмин Хилл представляет собой значительный по охвату рассматриваемых социальных проблем аналитический труд. В фокусе внимания авторов находятся вопросы происхождения

* Сушко Павел — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН, sushkope@mail.ru.

и усиления различных видов неравенства, приобретающих в современных обществах все более острый и драматичный характер. В частности, авторы апеллируют к тому, что растущий интерес общественности к проблемам бедности и социального расслоения требует достойного и ясного ответа не только от действующей элиты, но и от научных сообществ. По этим соображениям, а также в свете усиливающихся гражданских протестов и забастовок в ряде стран, авторы книги стремятся переосмыслить традиционные подходы к изучению социальных неравенств и объяснить природу новых социально-структурных изменений.

Во вводной статье Дэвид Груски и Жасмин Хилл предлагают с новых позиций оценить устоявшиеся исследовательские подходы к анализу социальных неравенств, и в первую очередь — теорию модернизации, согласно которой основные виды неравенств (расовое, гендерное, классовое и др.) должны были исчезнуть в ходе эволюционного развития общества. Однако неравенства не только не исчезли, но и усилились, а их формы стали острее (с. 1). На примере американского общества авторы размышляют над тем, как случилось, что модернизация в ее эволюционном и прогрессивном понимании не привела к стиранию классовых и других общественных различий, несмотря на ряд фиксировавшихся позитивных тенденций. Идеология равных для всех шансов на успех делала существовавшее доходное и имущественное неравенство справедливым в глазах массовых слоев населения. «Гонка на опережение» не вызывала возражений и воспринималась как естественный способ повышения своего социального статуса (с. 2). Проблема неравенства расценивалась лишь как побочный эффект капитализма, который станет еще более управляемым с переходом к более развитым формам индустриального развития (с. 6).

В то же время модернизационное и технологическое развитие за счет улучшения и расширения производства различных видов товаров и услуг должно было содействовать повышению жизненных шансов и возможностей для всех социальных групп. Однако, по мнению Д. Груски и Ж. Хилл, не был учтен обратный эффект модернизации, сущность которого заключается в несоответствии появляющихся технологических мощностей профессиональным способностям работников (с. 3). Если раньше на производстве трудящемуся достаточно было владеть элементарными навыками работы, то теперь возникла необходимость разбираться в новых технологиях и инновациях. У работодателя, в свою очередь, появился запрос на персонал с более высоким уровнем человеческого капитала, на высококвалифицированный труд, для овладения которым необходимо иметь уже и значительный экономический ресурс (с. 3). Не все могли идти в ногу с технологическими изменениями и с одинаковым успехом осваивать нововведения, в силу чего стоимость высококвалифицированного труда росла, как и образования, в особенности специализированного, обеспечивавшего работнику наибольшую монетарную отдачу. Так постепенно стало усиливаться неравенство в системе образования.

Подчеркивая эту проблему, Д. Груски и Ж. Хилл говорят о необходимости альтернативы теории модернизации, заключающейся в объяснении роста

социального расслоения через дисбаланс на рынке труда. Так, по мере увеличения количества квалифицированных работников растет и конкуренция между ними, наряду с постепенным снижением спроса на квалифицированный труд и, соответственно, заработной платы. Преимущества имеют те работники, которые превращают свой образовательный и квалификационный ресурс как минимум в актив, а как максимум в капитал (с. 4). При этом для того, чтобы получать отдачу на свой актив, необходимо не просто постоянно поддерживать его на конкурентном уровне, но и приумножать, если целью стоит получение ренты. И эта отдача будет существовать в тех случаях, когда спрос на конкретные виды актива превышает предложение, с одной стороны, и когда предложение этого актива фиксируется естественными средствами (например, дефицит талантов) либо социальными или политическими барьерами, искусственно ограничивающими предложение, с другой (с. 5).

Таким образом, авторы монографии делают вывод о существовании асимметричных барьеров, ограничивающих бедные слои населения как «снизу» (люди довольствуются тем, что могут получить и на что хватает ресурсов) — «рента-разрушение», так и «сверху» (обеспеченные слои удерживают то, что у них уже есть, наряду с постоянным приращением капитала) — «рента-созидание». В результате богатые концентрируют в своих руках еще больше капиталов и богатеют, а бедные вынуждены действовать в условиях ограниченной платежеспособности. Складывается вдвойне неблагоприятное положение, когда одновременно нет ни денег, ни иных ресурсов, в частности, образовательных, что делает невозможным достижение успеха. По сути, рента становится не следствием усиления неравенства или рудиментом, а его движущей силой, определяющей суть современной экономической системы (с. 6). Именно поэтому современные экономики не могут обеспечить равенство возможностей, несмотря на их официальное декларирование, и лишь усиливают неравенство, превращая борьбу с ним в порочный круг.

В первом разделе «Классические теории неравенства» Д. Грусски и Ж. Хилл предлагают обратиться к основополагающим текстам известных теоретиков социального неравенства. Карл Маркс, Макс Вебер, Уильям Эдуард Бёркхардт Дюбуа, Шарлотта Перкинс Гилман с разных позиций, но с одинаковой остротой описывают четыре структурирующие силы, четыре фундамента социальных различий, объясняющих способность классовых, гендерных, расовых и иных видов неравенств сохраняться и процветать даже в наши дни. Эти базовые основания сводятся к (1) принципиально разным ролям тех или иных социальных групп в экономике, (2) к тому, что одни группы эксплуатируют другие и извлекают из этого ресурсы, (3) к особенностям жизненного уклада, образа жизни и практикам потребления, (4) к различным историческим, мировоззренческим и культурным практикам (с. 11). Эти основания, описанные более века назад, предвосхищают многие проблемы современности и заставляют задуматься об истинной природе неравенств и об их эволюционном значении.

Анализ истоков неравенства авторы монографии начинают с обращения к избранным трудам К. Маркса («Коммунистический манифест» и «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта»), в которых описываются этапы развития буржуазии и пролетариата, особенности формирования классового сознания, а также механизмы производственных и промышленных революций. Всякое общество, писал К. Маркс, всегда распадается на два больших враждебных лагеря, на два великих класса, на угнетенных и угнетателей, на пролетариат и буржуазию, в корне отличающихся друг от друга по отношению к средствам производства (с. 12). Буржуазия — собственник, поэтому не может существовать без постоянного совершенствования инструментов производства, приносящих доход. Результат этого — непрерывные перевороты в производстве, сопровождающиеся не только расширением ассортимента производимой продукции и выходом на новые рынки сбыта, но и стиранием национальной изоляции, формированием всемирного пространства с особыми производственными, обменными и имущественными отношениями (с. 13).

К. Маркс отмечал, что буржуазные отношения стали слишком узкими, чтобы вмещать все созданное ими богатство. Нужны были новые способы преодоления растущего кризиса, реализовать которые можно было либо насильственным уничтожением массы производительных сил, либо путем завоевания новых рынков и более основательной эксплуатации старых, вызывая тем самым масштабные кризисы и разрушительные социальные потрясения. В результате буржуазия не только выковала оружие, но и породила людей, способных направить это оружие против нее (с. 14).

В свою очередь, пролетариат постепенно начинает осознавать свое угнетенное положение и формирует против буржуазии различные объединения и ассоциации, борющиеся за увеличение уровня заработной платы, за улучшение условий труда и т.д. Так борьба выходит на политическую арену, а пролетариат становится «классом для себя», вырабатывая общую идеологию, направленную против господства буржуазии и капитала (с. 16). Со временем рабочий класс заменит старое гражданское общество объединением, которое исключит классы и непримиримую борьбу, искоренит политическую власть как бесполезный рудимент (с. 17). Так или иначе, делал вывод К. Маркс, идентификация доходов и источников доходов становится важнейшим критерием для выделения социальных классов (с. 18).

В то же время авторы монографии обращаются и к идеям Макса Вебера, который полагал, что о социальных классах мы можем говорить тогда, когда 1) у группы людей есть общая специфическая составляющая, определяющая их жизненные шансы, когда (2) эта составляющая сформирована исключительно экономическими интересами во владении товарами и возможностями для получения дохода и (3) представлена в условиях товарных или трудовых рынков. Указанные положения, по своей сути, относятся к «классовой ситуации», которую мы можем определить через возможность реализовывать свои жизненные шансы в рыночных условиях. Определяются же эти шансы объемом и видом власти (или отсутствием таковой),

позволяющей распоряжаться товарами или навыками ради дохода в условиях существующего экономического порядка (с. 21).

В этой связи вопрос о власти и обладании ею Вебер рассматривал в контексте статусных групп, формирование которых он связывал с особенностями распределения власти внутри сообщества, с особым «социальным порядком», определяющим возможности человека или ряда людей реализовать свою волю в коллективном действии даже вопреки сопротивлению других (с. 20). При этом М. Вебер говорил о разных видах власти — экономической, политической, профессиональной и др., связанных между собой, но не тождественных друг другу. Любая власть может быть ценна сама по себе. При этом часто стремление к ней обусловлено приобретаемым социальным статусом, особой привилегированностью, которую он влечет за собой. Так, власть, согласно Веберу, является одним из определяющих факторов социального неравенства, причем не только экономического. Это означает, что имеющиеся у индивида значимые для конкретного общества и в конкретный момент времени ресурсы способны конвертироваться в определенный объем властных полномочий (например, экономических или административных), которые и определяют его социальный статус (с. 26).

Другая сторона социальных неравенств раскрывается в трудах Уильяма Эдуарда Бёркхардта Дюбуа, сфокусировавшего свое внимание на этническом аспекте дискриминационных процессов. Д. Груски в анализе современных неравенств не случайно останавливается на Дюбуа, показавшем роль негритянских народов в создании мировой культуры и вскрывшем тяжелые последствия расовой дискриминации и империалистического гнета. Для Дюбуа ключевым фактором социальной дифференциации была вовсе не классовая борьба буржуазии и пролетариата, но борьба «испытавших все страдания мира черных людей за освобождение от белых угнетателей». При этом он подчеркивает необходимость преодоления «классовых различий» как условие обеспечения полного равноправия «цветных» народов (с. 28–30).

Еще один аспект формирования социальных неравенств Д. Груски связывает с гендерными отношениями. Отправной точкой развития этих идей послужили труды американской феминистки Шарлотты Перкинс Гилман. Она обратила внимание на строго принудительное профессиональное разделение труда, в котором мужчины работают в формальной экономике, а женщины работают дома. При этом Гилман считала, что вклад женщин в развитие цивилизаций на протяжении всей истории сдерживался доминированием патриархальной культуры: мужская агрессивность и материнская роль женщин, полагала она, — искусственные социальные конструкты, в которых больше нет необходимости. В связи с этим Гилман подчеркивала, что экономическая независимость является единственным условием, которое действительно может принести свободу женщинам и сделать их равными с мужчинами. Достижение этой независимости возможно, по ее мнению, лишь через реструктуризацию домашних отношений, которая позволила бы

женщинам быть не только частью семьи, но и самостоятельными людьми, действующими в соответствии с потребностями общества (с. 30–33).

Таким образом, авторы данного раздела фокусируются на том, что класс, раса и пол — мощные дифференцирующие социальные конструкции, которые не являются ни естественными, ни неизбежными, и роль которых в формировании социальных неравенств в будущем пока окончательно не определена. И в этом смысле возвращение к основополагающим трудам Маркса, Вебера, Дюбуа и Гилман говорит об устойчивости к изменениям этих форм неравенства. Классовое, расовое и гендерное неравенства оказались очень адаптивными и продолжают процветать и в наши дни, утверждают авторы.

Во втором разделе «Великий взлет в неравенстве доходов и богатства» внимание сосредоточено на быстром росте экономического неравенства в США и многих других странах. Экономист Эммануэль Саез связывает рост такого неравенства с происходящими технологическими изменениями и появлением после Второй мировой войны новых социальных институтов, таких как прогрессивная налоговая политика, мощные профсоюзы, корпоративное предоставление медицинских и пенсионных пособий и т.д. Саез задается вопросом, является ли увеличение доходного неравенства приемлемым и эффективным с точки зрения развития государства и общества, а если нет, то какое сочетание институциональных и налоговых реформ должно быть разработано для борьбы с ним (с. 38–41).

О распределении богатства и об эволюции доходного неравенства продолжает рассуждать Томас Пикетти. Согласно его позиции, увеличение социального неравенства связывается с уровнем экономического роста: чем он выше, тем меньше концентрация капиталов в частных руках. Это приводит к снижению социального неравенства. Современный же мир возвращается к ситуации, когда экономическая дифференциация неуклонно растет, что может привести к тяжелым социальным и политическим последствиям. Тем не менее, в отличие от Карла Маркса, Пикетти не предрекает крах капиталистической системы, однако говорит о рисках формирования так называемого родового капитализма, в котором большая часть общественных богатств будет принадлежать лишь небольшому кругу (с. 42–47).

Описанные тенденции предлагается интерпретировать с двух альтернативных позиций: а) понимание растущего неравенства с точки зрения действия конкурентных рыночных сил и б) понимание его как результат создания и разрушения ренты. Те, кто придерживается первой позиции, объясняют усиление неравенств последствием технологических шоков, которые наряду с повышением производительности труда спровоцировали рост спроса на высококвалифицированных работников. По мере роста производительности работников в новой компьютеризированной экономике и по мере роста спроса на этих работников будет расти и их заработная плата. Если эта гипотеза верна, пишут Клаудия Голдин и Лоуренс Кац, то мы должны ожидать дальнейшего роста неравенства до тех пор, пока образованные работники будут продолжать повышать свою производительность, а спрос

на них будет опережать предложение (с. 48–54). Рост неравенства в этом смысле выражает не что иное, как неумолимую логику конкурентного рынка.

Согласно второй позиции, расширение неравенства является следствием неравной концентрации капиталов и активов, которые, в свою очередь, приносят работнику доход выше, чем он был бы на полностью конкурентном рынке. По этой причине, считают Лучан Бибчук и Джесси Фрид, представители группы высшего менеджмента (исполнительные директора, топ-менеджеры и т.д.) имеют более высокий доход, так как обладают, в трактовке М. Вебера, большими властными полномочиями на извлечение приемлемой для себя выгоды (с. 471–474). Такие возможности представителей высшего корпоративного менеджмента в извлечении ренты из своего социального статуса — лишь один из примеров того, как современные экономики расширяют возможности обогащения для тех, кто наверху социальной системы, и, напротив, сужают шансы для простых работников. С этой точки зрения рост неравенства сигнализирует не просто о неудачной конкуренции, а о формировании неконкурентоспособной экономики.

В третьем разделе «Один процент» Чарльз Райт Миллс, Элвин Гулднер, Дэвид Брукс и Шеймус Хан размышляют над тем, каким образом власть, привилегии и деньги в своей совокупности формируют элитные группы на вершине социальной иерархии. Как происходит закрепление власти у отдельных лиц, и образуют ли эти лица единый и солидарный высший класс, способный кардинально влиять на повседневные миры обычных мужчин и женщин? Ч. Миллс пишет, что власть принимающих решения, с одной стороны, ограничена уровнем технического развития, средствами власти и различными организациями. С другой стороны, по мере исторического развития средства угнетения и эксплуатации, насилия и разрушения, так же, как и средства производства и реконструкции, приумножаются и становятся более централизованными. В силу этого те, кто имеет доступ к этому центру, владеют беспрецедентными инструментами правления (с. 79–87). В свою очередь, Ш. Хан интересуется, могут ли экономические, политические и военные элиты образовывать единый и солидарный класс в силу совместного проживания в одних и тех же районах, посещения одних и тех же школ, принадлежности к одним и тем же клубам и т.д. (с. 99–100).

Представители элитных слоев не допускают в свой круг простых наемных работников, какими бы высокими ни были их доходы. В этом свете Гулднер пишет, что возможным претендентом на власть может стать «новый класс», позиции которого основаны на научных и экспертных знаниях (с. 88). Брукс считает, что эти знания начинают восприниматься как источник ценности и предпосылка для ответственного и успешного руководства (с. 94–99). Для Гулднера и других теоретиков «нового класса» основная борьба современного периода происходит не между капиталистами и рабочими, а в продолжающейся «гражданской войне» между капиталистами, обладающими властью покупать влияние, и интеллектуалами или технократами, которые утверждают, что обладают знаниями для эффективного управления (с. 88–93).

В четвертом разделе «Бедность и низший класс» внимание фокусируется на нижней части социальной структуры. В этой главе поднимаются вопросы, связанные с формированием бедности, с последствиями ее распространения и с возможными формами контроля над ней. Д. Груски предлагает рассмотреть два основных мифа, сложившихся вокруг указанной проблематики. Первый из них гласит, что бедность неизменна и вечна, что она существовала во всех культурах и в разных социально-экономических условиях, и ничто не может повлиять на нее или уменьшить. На примере американского общества Д. Груски пытается развенчать этот миф, апеллируя к существующим программам социальной защиты, которые, хоть кардинальным образом и не уменьшили численность малоимущих, однако усилили тенденцию снижения численности бедных (с. 105).

Второй миф связан с возможностями научного познания в разрешении проблематики бедности. Д. Груски отмечает, что последствия и причины бедности оказались перепутаны. Первые довольно многообразны и сложны, а вторые относительно просты и хорошо изучены. Так, к причинам можно отнести (а) роль экономических факторов; (б) ослабление профсоюзов и связанный с этим рост неустойчивых рабочих мест; (в) снижение реальной стоимости минимальной заработной платы; (г) непроработанные социальные программы; д) высокий уровень лишений среди детей, воспитывающихся в условиях бедности; е) роль концентрированной бедности вследствие сокращения доступа к различного рода социальным ресурсам; ж) долгосрочные последствия стресса в раннем детстве; з) ограниченный доступ к высококачественному уходу за детьми и раннему школьному обучению; и) высокие расходы на жилье и т.д. В этом смысле, подводит итог Д. Груски, «война с бедностью» не должна вестись бездумно, а все меры воздействия должны четко согласовываться с другими изменениями (с. 106).

В пятом разделе «Мобильность и американская мечта» описываются результаты комплексного анализа социальной мобильности в американском обществе. Д. Груски пишет, что в целом типичные американцы готовы терпеть даже существенное социальное неравенство во власти, богатстве или престиже, но при условии, что возможности для получения этих вознаграждений распределены поровну между всеми членами общества. Иными словами, американцы проводят четкую грань между распределением социальных вознаграждений и распределением возможностей для обеспечения этих вознаграждений. Именно последнее определяет легитимность неравенства.

Отталкиваясь от этих соображений, авторы данного раздела раскрывают несколько тематических линий, связанных с изучением влияния уровня благосостояния семьи на результативность обучения детей в школе (Шон Рирдон, с. 176–188); с исследованием образовательной системы как промежуточного звена между социальным происхождением и итоговым местом назначения (Флоренсия Торш, с. 214–221); с анализом социально-психологических переменных (стремлений и ожиданий) в контексте социального продвижения ребенка (Стивен Морган, с. 201–206; Джей

Маклауд, с. 225–235); с изучением влияния социальных связей и контактов на доходы и результаты профессиональной деятельности (Марк Грановеттер, с. 248–250; Роберто Фернандес и Изабель Фернандес-Матео, с. 252–258); с исследованием степени влияния неформальных встреч и мероприятий на вероятность мобильности (Лора Гамильтон и Элизабет Армстронг, с. 222–224).

В шестом разделе внимание переключается на расовое и этническое неравенство, которое имеет особую актуальность в контексте изучения американского общества. Отправной точкой в изучении расы и этнической принадлежности является понимание того, как с течением времени строятся и реконструируются классификационные схемы и модели (например, «черный», «белый», «азиатский»). Так, Майкл Оми и Говард Уайнант описывают институциональные процессы формирования таких схем (с. 275–281), а Алия Саперштейн и Андрей Пеннер раскрывают особенности закрепления подобных схем в повседневной жизни. Они отмечают, что расовые различия, как и различия в других аспектах социальной структуры, постоянно воспроизводятся в повседневных взаимодействиях. По сути, раса подразумевает и в некотором смысле определяет набор ожиданий, согласно которым люди оценивают других в ходе интеракций (с. 282–287). Марианна Бертран и Сендил Маллейнатан в ходе проведенного ими экспериментального исследования показывают, как происходит закрепление расового и этнического неравенства. Они утверждают, что зачастую даже более высокий квалификационный уровень работника будет менее значимым фактором при устройстве на работу, нежели расовая принадлежность (с. 303–307).

В заключительной части раздела рассматриваются факторы, способствующие возможным изменениям расового и этнического неравенства. Так, Уильям Уилсон пишет, что межрасовое взаимодействие в американском обществе исторически характеризовалось различными стадиями, которые задавались экономическим и политическим устройством. Существовавшие политические режимы и системы производства накладывали различные ограничения на способ взаимодействия расовых групп. Они создавали особые контексты не только для проявления расовых антагонизмов, но и для доступа расовых групп к вознаграждениям и привилегиям. Если раньше, отмечает Уилсон, доминировало экономическое угнетение чернокожих, то в современном обществе основа расовой дискриминации сместилась от экономического сектора к социально-политическому порядку, что уже по-иному сказывается на жизненных шансах отдельных чернокожих американцев (с. 318–328).

В седьмом разделе «Гендер, сексуальность и неравенство» внимание фокусируется на дискриминационных механизмах в отношении женщин, матерей и сексуальных меньшинств. Как отмечает Джудит Лорбер, гендер — это процесс создания различных социальных статусов для распределения прав и обязанностей. Гендерное неравенство имеет социальные функции и социальную историю, а сохраняющаяся цель гендера как современного социального института состоит в том, чтобы сделать женщин группой, подчиняющейся мужчинам, делает вывод Лорбер (с. 346–351).

Другой аспект гендерного неравенства раскрывается Кристиной Перчески, анализирующей влияние уровня образования и материнства на занятость женщин. Как следует из ее выводов, рождение детей влечет за собой более низкий уровень занятости. И хотя женщины-профессионалы работают в современных условиях больше, чем прежде, значительная их часть трудится неполный рабочий день. Поэтому рассмотрение ухода женщин-профессионалов с рынка труда ради материнства не отражает тенденцию, характеризующую структуру занятости группы женщин-специалистов в целом (с. 362–378).

В свою очередь, Шелли Коррелл и Стивен Бенард отмечают, что работающие матери часто испытывают дискриминацию при оценке их профессиональных возможностей и в оплате труда по сравнению с не имеющими детей женщинами. Авторы отмечают, что культурные представления о расхождении между ролями матери и «идеального работника» могут играть определенную роль в воспроизведении этой модели неравенства. Вторым аргументом заключается в том, что работодатели рассматривают матерей как менее приверженных своей работе и в силу этого менее «продвигают» их по карьерной лестнице (с. 390–398).

Так или иначе, авторы главы поднимают важный вопрос, связанный с переходом от восприятия гендерного неравенства с точки зрения бинарной модели, сконструированной для закрепления гендерной дискриминации, к доминированию принципов эгалитаризма, на фоне которых прежние формы неравенства из строгих классификаций принимают более текущие и разнородные формы.

В восьмом разделе «Как распространяется неравенство» внимание сосредоточено на понимании процессов генерации, воспроизводства и последствий различных типов неравенства. Авторы главы говорят о двух уровнях последствий — локальном и системном. Первый связан с вызываемыми социальным неравенством различиями в образе жизни, политических взглядах, здоровье, поведенческих стратегиях и т.д. Второй — с тем, каким образом социальные неравенства влияют на устойчивость социальной системы в целом (наличие демократических свобод, риски революции и т.д.).

Однако основное внимание уделено тому, как общий уровень неравенства в конкретной стране сказывается на разных аспектах жизни членов общества — электоральном поведении (Майкл Хаут и Дэниел Лорисон, с. 435–442), практиках воспитания и социализации детей (Аннет Ларо, с. 443–450), здоровье (Карен Латфи и Джереми Фриз, с. 451–455). В частности, авторы главы сходятся во мнении, что эффекты глобального неравенства особенно ощутимы на микроуровне. Так, в обществах с рыночной экономикой доступ к ценным товарам, социальным связям (например, членство в элитных клубах) и даже здоровому образу жизни напрямую зависит от способности индивида платить за этот доступ. Наряду с этим декларируется всеобщая доступность общественных благ, которые на практике распределяются на основе расового, классового и других аспектов неравенства. И чем выше

уровень неравенства в конкретном обществе, тем механизмы распределения жестче.

В заключительной части авторы ставят вопрос о том, существует ли в современном мире движение к равенству, рассуждая при этом преимущественно об американском обществе. В частности, широко обсуждаются так называемые компенсаторные программы, нацеленные якобы на борьбу с неравенством. Они представляют собой адресную помощь и поддержку наиболее уязвленных слоев и групп. По мнению авторов, такие программы широко распространены в американском обществе и находят большой позитивный отклик среди населения. Однако такая «индустрия интервенций», по сути, не является борьбой с неравенством и не направлена на глубинную трансформацию существующей системы, а лишь отчасти компенсирует неблагоприятное положение отдельных представителей социума. Как указывают авторы, американцы почти инстинктивно обращаются к таким программам: например, программе посещения на дому социально неблагополучных матерей, которые не имеют доступа к качественной медицинской помощи, программе опережающего развития, поддерживающей детей, не имеющих доступа к адекватным дошкольным учреждениям. Все эти и другие интервенции оставляют существующую систему рынка труда, образования и здравоохранения без изменений (с. 471–482).

Возникает логичный вопрос: почему так происходит? Во-первых, считают авторы, в силу сложности проведения крупной институциональной реформы, поскольку большинство политиков и управленцев, скорее, выберут, говоря словами американского писателя Джонатана Козола, «битвы, которые достаточно велики, чтобы иметь значение, но достаточно малы, чтобы победить». Во-вторых, привычка действовать в рамках существующей системы настолько хорошо развита, что общество в принципе забывает о своей способности способно самостоятельно реформировать институты, а не находить временные решения, лишь отчасти компенсирующие неблагоприятное положение разных социальных слоев и групп.

Книга «Социальные неравенства в XXI веке» наводит читателя на мысль о постепенном переходе от бинарной модели неравенства, представления о которой были в большей степени характерны для более ранних обществ, к множественной модели социальной дифференциации, основания которой нельзя сводить к единому показателю. Эта мысль составляет стержень книги, ее смысловое ядро, вокруг которого и разворачивается сюжетная линия работы. Исследовательские зерна, посеянные классиками теории неравенства более века назад, теперь в той или иной степени получили развитие во взглядах современных ученых. Книга богата эмпирическим материалом и описанием различных кейсов, свидетельствующих о том, что в условиях модернизирующихся и глобализирующихся обществ неравенство не ушло и даже не снизилось, но приобрело совершенно новые формы, в свете которых идеи классиков обретают особый смысл.

Дата поступления: 5.08.2019

Social inequality: old form — new incarnation?

DOI: 10.19181/inter.2019.19.6

Pavel Sushko

Sushko Pavel — *Candidate of Sociology, Senior researcher, Institute of Sociology of FCTAS RAS, sushkope@mail.ru.*

Book Review: *Inequality in the 21st Century*. Edited by David B. Grusky and Jasmine Hill. London, New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2018. 488 p. ISBN 9780813350646 (pbk).

Keywords: social inequality; social class; social structure; modernization; poverty; elite; social status.

Received at: 5.08.2019

Авторы номера

Гарифулина Эльвира

кандидат социологических наук, доцент Московского государственного психолого-педагогического университета; руководитель программ Фонда Тимченко, egarifulina@timchenkofoundation.org.

Еременко Юлия

младший научный сотрудник Социологического института РАН — филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук; аспирантка Санкт-Петербургского государственного университета (Россия) и Университета Бамберга (Германия), eremenko.iulii@gmail.com.

Карпова Галина

магистрантка департамента социологии и социальной антропологии Центрально-Европейского университета, karp141@yandex.ru.

Кузь Мария

студентка факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»; младший руководитель проектов в исследовательской компании «РАДАР», m.p.kuz@yandex.ru.

Сушко Павел

кандидат социологических наук, старший научный сотрудник Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН, sushkope@mail.ru.

Убогова Анастасия

выпускница департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», asya.ubogova@yandex.ru.

Федосеева Анна

выпускница департамента социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», kavashko@gmail.com.

Чернова Жанна

доктор социологических наук, профессор Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» в г. Санкт-Петербурге, chernova30@mail.ru.

Черноскутова Валерия

магистрантка факультета социальных наук Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», valeria.che@icloud.com.

Шпаковская Лариса

кандидат социологических наук, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, slarisalarisa@gmail.com.

Ярошенко Светлана

кандидат социологических наук, доцент кафедры сравнительной социологии Санкт-Петербургского государственного университета, svetayaroshenko@gmail.com.

Интеракция. Интервью. Интерпретация.
№ 19. Том 11. 2019
СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредители:

Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук (ФНИСЦ РАН)
Российское общество социологов (РОС)

*Научный журнал «Интеракция. Интервью. Интерпретация»
учрежден на заседании Президиума Общественной организации
«Российское общество социологов» и выпускается с 2002 г.*

*Журнал зарегистрирован Роскомнадзором 14 сентября 2018 г.
Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС 77-73688*

Все права на опубликованные материалы принадлежат редакции и авторам.

**Точка зрения авторов публикуемых материалов
не обязательно отражает точку зрения редакции.**

**Публикации журнала не могут быть воспроизведены
в любой форме без разрешения редакции.**

Редакционная коллегия

Семенова В. В. (главный редактор), Институт социологии ФНИСЦ РАН
Рождественская Е. Ю., НИУ ВШЭ, Институт социологии ФНИСЦ РАН
Тартаковская И. Н., Институт социологии ФНИСЦ РАН
Стрельникова А. В., НИУ ВШЭ, Институт социологии ФНИСЦ РАН
Сушко П. Е. (отв. секретарь), Институт социологии ФНИСЦ РАН

Корректор:

Кокарева А. Н.

Макет:

Кудымов В. Е.

Адрес редакции:

117218, г. Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5, каб. 513
Тел.: (499) 128-86-18
e-mail: inter.fnisc@gmail.com
Размещение журнала: www.inter-fnisc.ru

*Требования к оформлению рукописей и порядок подачи статей изложены
на официальном сайте журнала: www.inter-fnisc.ru*